ДИАЛОГ женщин

20 ЛЕТ

Мы We 2011, No13/14

ДИАЛОГ женщин

"WE\\МЫ. Диалог женщин"

Международный женский журнал
2011, № 13-14 (38/54)

Проект основан
КАТРИНОЙ ВАН ДЕН ХУВЕЛ И
КОЛЕТТ ШУЛЬМАН
в 1991 году

В 1996-2004 осуществлялся совместно
Ассоциацией журналисток (Россия) и
Национальным комитетом
по исследованию женщин (США)

Главный редактор
Галина ПЕТРИАШВИЛИ (Грузия)

В редколлегию журнала входят:
Колетт ШУЛЬМАН *(США)*
Катрина ВАН ДЕН ХУВЕЛ *(США)*
Анастасия ПОСАДСКАЯ-ВАНДЕРБЕК *(Россия/США)*
Марина ТАБУКАШВИЛИ *(Грузия)*
Виргиния АЛЕКСЕЮНЕ *(Литва)*
Светлана СЕНЕНКО *(США)*
Ольга ГРЕБЕННИКОВА *(Кыргызстан)*
Наргис АЗИЗОВА *(Таджикистан)*
Светлана ШАКИРОВА *(Казахстан)*
Тамара ОВНАТАНЯН *(Армения)*
Мехрибан ЗЕЙНАЛОВА *(Азербайджан)*
Хадича АБЫШЕВА *(Казахстан)*
Олэна СУСЛОВА *(Украина)*

Над номером также работали:
Гога ДАВТЯН (дизайн, верстка)
Светлана ЦВЫЛЕВА (корректура)

Использованы ресурсы
Ассоциации журналистов
«ГендерМедиаКавказ» (Грузия)

Адрес редакции:
Грузия, 0103, Тбилиси, ул. Иорская, 17
телефон: +995 32 2746004, +995 599 901124
электронная почта: galapetri@gmail.com
PDF–версия на сайте:
http://www.gmc.ge/images/03DIALOG-01.html

Данный выпуск подготовлен и издан при поддержке Субрегионального офиса ООН Женщины для Восточной Европы и Центральной Азии

ООН ЖЕНЩИНЫ
Структура Организации Объединенных Наций по вопросам гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин

Мнения и точка зрения, выраженные в данной публикации, принадлежат авторам и могут не совпадать с официальной позицией ООН Женщины

в номере:

КЫРГЫЗСТАН 4
Я ОКАЗАЛАСЬ КРИЗИС-МЕНЕДЖЕРОМ
эксклюзивное интервью с президентом Кыргызстана

КЫРГЫЗСТАН ***Жанна САРАЛАЕВА*** 9
НА ВОЙНЕ я сражалась за мир

ГРУЗИЯ/КЫРГЫЗСТАН 13
Галина ПЕТРИАШВИЛИ
МОИ СНИМКИ, ВАШИ ГОЛОСА: военные истории женщин Юга

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ 17
и женщины в Таджикистане
Галина Петриашвили, Грузия

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: 22
он уехал, я осталась
Манижа Курбанова, Таджикистан

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: 24
исповедь «понаехавшей»
Кымбат Калыкназарова, Кыргызстан

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: 26
наши в Америке
Тамара Балавадзе, США/Грузия

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: 29
интервью со Светланой Ганнушкиной
Евгения Дылева, Россия

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: 31
женские истории
Кыргызстан

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: 33
женские истории
Казахстан

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: 35
РОССИЯ - ДЛЯ КОГО?
интервью с Лидией Графовой, «Золотым пером России»

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ: 39
женские истории
Таджикистан

РОССИЯ/США 41
ФЕМИНИЗМ – ЭТО Я
интервью Анны Яковлевой с Татьяной Мамоновой

РОССИЯ/ТАДЖИКИСТАН ***Виктория ИВЛЕВА*** 45
ИМЯ РОЗЫ война и люди

РОССИЯ ***Ольга БУРМАКОВА*** 49
РЕПРОДУКТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ сопротивляйся!

АЗЕРБАЙДЖАН ***Севиндж МАХМУДОВА*** 54
ЗАКОН О РЕПРОДУКТИВНОМ ЗДОРОВЬЕ: кому он нужен?

ДАНИЯ ***Таня КРИС*** 56
НЕ НАШИ ИГРЫ! отказываемся играть

РОССИЯ ***Игорь ЯНОВИЧ*** 59
ПОСЛУШАЙ, БРАТ настоящий мужской разговор

БЕЛАРУСЬ ***Анна ШАДРИНА*** 63
ПОЧЕМУ Я ОДНА? если разобраться

КАЗАХСТАН ***Оксана СИВЦОВА*** 68
ВЫЙТИ ЗА ИНОСТРАНЦА коммуникации

АЛБАНИЯ ***Дэн БИЛЕФСКИ*** 70
ХОЧЕШЬ УСПЕХА? назовись мужчиной

США ***Лариса БАУ*** 72
ИЗРАИЛЬТЯНКИ у себя дома

УЗБЕКИСТАН ***Надира МУРАТОВА*** 75
ВРАЧИ И ОШИБКИ: не прятать, а учиться

ЧЕХИЯ/УЗБЕКИСТАН 79
Катарина ВИТНЕСС
ПОД ПРЕССОМ – и женщины, и их права

УЗБЕКИСТАН ***Умида АХМЕДОВА*** 81
СТАБИЛЬНОСТЬ рабства / *интервью*

ТУРЦИЯ ***Яна ТЕМИЗ*** 84
ВОСТОЧНЫЕ СЛАДОСТИ от Фатош и Суны

США ***Боб МАЙ*** 88
РАССКАЗЫ ИЗ АМЕРИКИ не только о ней

ПОЧТА «ДИАЛОГА» 91

КЫРГЫЗСТАН ***Алла ПЯТИБРАТОВА*** 93
ОРАНЖЕВЫЙ ЛИМОН рассказ

ЮБИЛЕЙ ПРОЕКТА «ДИАЛОГ ЖЕНЩИН»:

ЖУРНАЛ БЫЛ СОЗДАН В 1991 ГОДУ АКТИВИСТКАМИ СССР И США

фото Галины Петриашвили

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ В ПОИСКАХ СОЛИДАРНОСТИ

ЗА ЭТО ВРЕМЯ:

МИНУВШИЕ ГОДЫ ПОТРЯСЛИ НАС

развалился наш общий дом ● прогремели десятки войн, оставив по себя тлеющие конфликты, бедность и неприкаянность ● мы пережили холод и голод, потерю дома и близких ● некоторые стали циничнее, другие – незащищенней ● мы плакали, молились, дрались и страдали ● минувшие 20 лет потрясли нас

ЗАТО:

- у нас был Пекин, и далее – цепная реакция перемен
- мы обрели новые инструменты, чтобы отстаивать свои права: конвенции, резолюции, договоры
- мы обрели опыт
- мы начали понимать: никто не сделает это, кроме нас самих
- у нас появились Интернет и мобильная связь
- на помощь нам пришли памперсы

НАШИ ДОЧЕРИ ВЫРОСЛИ

- если тогда им было 10, то теперь 30. Они другие
- но базовые ценности у нас общие: равные права, самостоятельность, сила, образование, активность

20 ЛЕТ

ОДНАКО:

усилились вызовы ● появились новые вопросы ● нам много раз напомнили о «природном предназначении» ● угрожающе надвинулись фундаментализмы ● у нас не так уж много побед ●

и мы по-прежнему мучительно стараемся сложить из кубиков слово «СО-ЛИ-ДАР-НОСТЬ»

Президент Республики
Кыргызстан переходного периода
Роза ОТУНБАЕВА:

фото Султана Досалиева (пресс-служба Президента РК)

Я ОКАЗАЛАСЬ КРИЗИС-МЕНЕДЖЕРОМ

были вопросы, по которым я одна принимала решение

ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ «ДИАЛОГА ЖЕНЩИН»

– Роза Исаковна, сначала хочу передать Вам привет от Грузии, где Вы работали и где Вас помнят и любят. Мы внимательно следим за Вашей страной, очень болели за нее в прошлом году, когда тут было столько драматических событий. Может быть, с них и начнем? Вопрос такой: как они дались Вам, чего стоили и какой опыт Вы вынесли?

– 27 июня исполнился год с тех пор, как мы провели референдум и приняли новую Конституцию. Это действительно новый основной закон страны, который утверждает парламентскую республику. Она далась нам очень тяжело. В 2005 и в 2010 году два президента покинули страну под давлением масс. Пролилась кровь. Сегодня *(2 июня – авт.)* хоронят 94-го парня, который умер от ран… 87 было убито сразу, на площади, а 7 умирали в течение года, от ран. Протест против диктатуры власти, ее клановости был очевидный и жесткий. Молодые люди не хотели продолжать жить так же. Они отдали свои жизни. Все распродавалось и расхищалось. В Конституцию пытались внести поправки, что, если президент по какой-то причине не может управлять, то его власть может быть передана другому человеку. И мы прекрасно понимали, кто этот другой, – его брат или сын; это была явная попытка увековечить семейный режим. Мы резко и бурно протестовали. Антибакиевское движение возглавило Народное движение Кыргызстана.

7 апреля 2010 года в день падения власти мы организовали Временное правительство и поставили задачу: за 3 месяца подготовить новую конституцию, поставить ее на референдум и за 6 – парламентские выборы. Мы распустили Конституционный суд, который полностью скомпрометировал себя: за 20 лет независимости, потакая капризам властей, он семь раз перекроил основной закон в сторону авторитаризма! Конституционный суд распустили мы, парламент разбежался сам. Премьер-министр написал письмо об отставке, с ним кануло в Лету все правительство. В это время Бакиев спешно собирал вещи. Все это произошло в течение одной ночи. Президент сбежал, правительства нет, парламент затаился по щелям и углам. На улице прямо перед Белым домом – убитые и раненые. Власть пала, начались беспорядки на улицах. Временное Правительство взяло всю ответственность на себя, надо было выводить страну из ступора. Было очень трудно. Но мы обещали народу и слово свое сдержали. Через полгода провели выборы. Главным мотивом была политическая воля народа и его желание жить по-другому. Не в обиду нашему региону, но это были самые свободные и открытые выборы. ОБСЕ, Европейский Союз, Совет Европы, СНГ, ШОС – все наблюдатели признали это. Когда народ не давишь, «не направляешь», он выражает свою волю. В результате в парламент пришли партии различного толка. В том числе и имеющие очень большие завязки с бакиевским режимом.

К примеру, в парламенте сидит и тот министр юстиции, который так усердно кроил прежнюю Конституцию – он сегодня председатель комитета по этике. Мы не успели сделать люстрацию, не смогли это сделать, пропустили этот важный момент в нашей революции. Несмотря на уроки 2005 года, когда нашу революцию украл у нас Бакиев, и в 2010-м все оказалось непросто. Такие пласты, ткань жизни, как уклад, традиции, отношения между людьми – они, как кокон, обволакивают. В чистом виде только на бумаге – парламентская республика или президентская – в реальности все намного сложнее.

Те дни, после революции, были очень тяжелые. Их усложнял резко выступивший регионализм. Вскоре выяснилось, что мы не можем поставить обе ноги на юге страны. Бакиев родом оттуда, он начал активно разыгрывать эту карту. Используя все свои ресурсы, раскачивал ситуацию, стремился вернуться к власти, обосновавшись в южной столице городе Ош. Пошли подковерная игра и неразбериха – южные чиновники днем будто бы были с нами, ночью шли на инструктаж к бакиевцам. Явно с нами, тайно с ними. Мы балансировали перед опасностью гражданской войны. Назарбаев тогда мне позвонил, вместе с президентами Медведевым и Обамой они решили, что его надо вывезти, так будет лучше для страны. Бакиева вывезли самолетом из Жалал-Абада. И все равно на юге нам было очень трудно совладать с ситуацией, они все же дернули за эту нить.

В Ферганской долине – одной из самых густонаселенных частей мира, – люди живут очень трудно. Земля, вода – ресурсы ограничены, идет острая борьба, она выталкивает людей в миграцию. Борьба обострилась в период так называемой «прихватизации», драка шла ожесточенная. Узбеки, в основном горожане, в этом регионе всегда были более денежными, успешными в бизнесе, они скупали ресурсы активнее. С другой стороны, с началом независимости резко ускорилась урбанизация. Когда-то у нас было 70 процентов сельского населения, в последние десятилетия оно активно

потянулось в города, внутренняя миграция-это знак времени. Активная, страждущая молодежь ринулась в столицу, они пришли и удивились: как так, ведь мы титульная нация! Почему мы живем хуже других? После распада СССР из 70 школ в Бишкеке только одна обучала детей на кыргызском языке. Двадцать лет назад у нас уже был взрыв, кровавая стычка между кыргызами и узбеками, на юге, с центром в Узгене. Тогда жалал-абадские узбеки написали письмо в Верховный Совет СССР с просьбой об автономии, и с тех пор эта идея не дает покоя, бередит умы, является легковоспламенимой. Кыргызы и в этот раз вытаскивают эту карту и говорят: вы сепаратисты. Очень легко актуализировать эту тему, на фоне тех обстоятельств, о которых я сказала.

– Но кто же воспламенил на этот раз? Однозначно бакиевцы?

– Определенно, это была попытка реванша, игра на сложившихся противоречиях. Это ком проблем, которые накопились за прошлые годы: экономические, социальные, кадровые. Но мы сделали все для того, чтобы не раскололась нация, чтобы сохранилось единство страны.

– Главные вопросы, которые я хотела задать Вам, касаются женщин, их роли в Кыргызстане и Вашего персонального опыта. Ощущаете ли Вы себя частью женского движения? Или даже агентом женского влияния в политике такого уровня?

– Откровенно говоря, так получилось, – не думая ни о каком женском движении, я оказалась на гребне политической жизни, руководителем страны – в такое трудное, критическое время. Кризис-менеджером я оказалась. 7 апреля и далее вокруг меня было очень много амбициозных мужчин – у некоторых амбиции просто через край. Но это не значит, что я случайно оказалась во главе перемен, в чем-то им уступала. Я была руководителем оппозиционной социал-демократической фракции в парламенте во время Бакиева. Я имела микрофон, вела политическую борьбу, была узнаваемым и слышимым политическим лидером. Никогда не соглашусь, если кто-то из них скажет – мол, никого не нашлось в тот момент, и мы все, так и быть, на нее согласились. Это не так, я была в центре оппозиции, имела лицо и голос. Потом мы создали единое народное движение, собрали курултай в марте прошлого года, незадолго до революции, и я была избрана главой курултая. Мы выдвинули 10 условий Бакиеву и сказали: выполняй! – и дали срок. Если не выполнишь, мы начинаем народные собрания – курултаи по всей республике. Так и случилось. Вся команда во главе со мной вела эту работу. И когда произошло 7 апреля, все сошлись во мнении, что я должна стать главой Временного правительства. Логически и политически это легло так, потому что люди во Временном правительстве, разобрав портфели, поработав на стабилизацию, начали готовиться к парламентским выборам. Они стали думать о своих партиях и как обойти друг друга, а я, будучи консенсусной фигурой, оставалась на хозяйстве; впереди были парламентские выборы. Мой международный опыт помог во многом в легализации нашей власти.

В истории Кыргызстана было уже, когда в исторически переломный момент правила женщина. Была правительница Курманджан Датка, на юге, в нынешнем году мы отмечаем ее 200-летие. На этот раз вопрос стоял о суверенитете страны, ее целостности, гражданском мире в XXI веке.

– Как же Вы себя чувствовали?

– Это была нескончаемая пахота, день и ночь. Мы ходили по крови. 87 убитых, расстрелянных из окон, с крыш Белого дома. Сотни раненых, их родственники, которым надо было отвечать: за что, как, почему? И надо было ловить преступников, остановить вывоз денег из страны – ведь они бежали, как крысы с корабля, стараясь прихватить побольше. Надо было остановить это, бороться с этим. Тут же поднялся бандитизм, криминал, как это всегда бывает в такое время. Это были тревожные, страшные дни. Для народа главным был даже не хлеб – главными стали вопросы безопасности. Я была главнокомандующим страны, все силовые органы работали без устали. Мы должны были навести порядок, сказать людям: спокойно, дальше все образуется.

Два месяца мы кувыркались, из 67 дней до 10 июня 45 дней у нас здесь шли беспрерывные митинги, демонстрации – все, что наболело, люди выносили к Белому дому. Бакиевская семья проплачивала сотни митингов по принципу: после нас хоть потоп. Мои коллеги вспоминают, что каждый вечер брали с собой все бумаги из кабинета – не были уверены, что завтра в нем не окажется кто-нибудь другой. Я так не думала, но работать приходилось сутками. Напротив моего временного офиса была больница – проработав далеко за полночь, я ныряла в один из ее номеров, там я ночевала месяц. Ездить домой не было времени, не было смысла. К тому же все мы были на мушке, нас тоже могли обстрелять в каждую минуту.

– Это правда, что Вам в те дни ежедневно ставили капельницу?

– Было дело. Потому что мы работали сутками, и сколько было ЧП! Так мы прожили это время. На пределе.

– И тут грянул Ош.

– Десятого июня, когда развернулось еще и это… это была большая беда. Я обращалась к Президенту Медведеву, к кому могла – потому что мы сами не могли разнять людей. Там было смертоубийство, самая настоящая война. Надо было думать о продовольствии, военных, танках… Все это мы сумели организовать. Конфликт стих в течение 4-х дней. И когда говорят, что Ош сам остановился, потому что народ устал – это неправда, только организованной силой мы смогли это остановить.

– Я только что оттуда, из Оша. Приходилось слышать критику в адрес Временного правительства: почему сразу не пресекли кровопролитие? Говорят, что там поблизости были силы безопасности – обороны, МВД.

– Их было абсолютно недостаточно. И кроме того, они были лояльны нашим политическим противникам, а тем было на руку. Это сложно. Трудно узнать лицо человека. В глаза он говорит тебе «да», а за спиной делает наоборот. Ошский мэр так и вел себя – и по сей день так ведет. Звучали реплики про вторую республику на юге, про Ош как столицу юга. Опасной демагогии хватало. И хватает.

– Бог мой, но как же трудно женщинам в такое время.

– Они связующее звено, они стабилизатор, их терпение – это спасение для всех. Наверное, и мое терпение сыграло роль. Они все ругались, матерились, друг другу перечили во всем, кричали… При мне еще как-то сдерживались, но я представляю, что там у них происходило без меня.

– Там, на юге?

– Да везде, в политической борьбе, вообще. Были очень сложные вопросы. Были вопросы, по которым я одна принимала решение, никто не хотел брать на себя ответственность. Например, о выдворении Бакиева. Ведь ни один из моих соратников не взял смелости на себя, не высказался по этому поводу.

– Боялись?

– Да, они сказали: а потом отвечать? Я сама приняла это решение. В урегулировании ситуации на юге большую роль сыграл Президент Каримов. С ним у меня всегда были хорошие рабочие отношения – я считаю, это помогло моей республике. При помощи всех стран-доноров, прежде всего ООН, ЕС, РФ, Казахстана, мы вышли из страшной беды. И вот сейчас, по прошествии времени, я сильно удивляюсь. Господи, чего только не говорят в нашем парламенте, какие раздают оценки! А ведь он наше детище – мы провели свободные выборы, дали дорогу в политику всем, в том числе в парламент пробрались много бакиевских и околобакиевских людей – они сидят рядом с нами, некоторые даже стали министрами. Вот последний пример: возня вокруг закона о выборах президента. Политики, депутаты не могут понять, что власть я оставлю добровольно, двадцать лет их дурили, никто не уходил от власти по собственной воле, все придумывали разные схемы, чтобы остаться… И вот они не верят, что человек может уйти просто так, выполнив свою роль. И вроде бы уже поняли мой характер и видят, что я уйду, – но спорят друг с другом, стремятся переиграть. Я смотрю и дивлюсь этому, и надеюсь, что народ тоже все видит и понимает.

– А женщины? Как чувствуют они себя во всем этом?

– Я привела с собой много женщин. Председатель Верховного суда, Генеральный прокурор, председатель Национального банка. Парламент избрал двух вице-спикеров-женщин. В рядах моих соратников некоторое недоумение: мол, как это так, зачем это? Я говорю: слушайте, у вас у всех есть сестры, жены, матери. В трудный момент именно они играют критически важную роль. Так почему в управлении их не должно быть? Сама я 30 лет в политике. Но сейчас она делается только на деньгах, сейчас женщины не смогут прийти в политику, потому что у них нет денег, нет бизнеса. Я предложила кандидатуры на все три перечисленные выше поста, – и они безупречные, эти женщины, – компетентные, чистые, они все прошли через сито нашего разношерстного парламента. Из 120 депутатов, которые к тому же не все присутствовали на том заседании, – 107 голосов взяла председатель Нацбанка. Около 80 голосов взяла Генеральный прокурор.

– В предыдущем парламенте, помнится, у вас совсем не было женщин.

– Сейчас их 23 процента.

– Это результат квотирования?

– Да. Должно быть 30 процентов везде. Но не выполняется! Я все время выдвигаю. Это важно. Особенно в такое время – критическое, перелом-

фото автора

ное, когда всплывает так много грязной пены, женщины показывают и терпение, и чистоплотность. Хотя и женщины в парламенте часто являются лишь орудием своих партий. Тем не менее, я считаю, что женщины очень нужны – по статистике, они у нас имеют более высокий образовательный статус. Хотя в такое время, когда идет ожесточенная политическая борьба, женщины пасуют, им некомфортно в такой ситуации. Даже меня легко загнать в угол, потому что я не могу тут же ответить на хамство. Потому женщины проигрывают. Я говорю им: дорогие, в мире мужской политики сила играет большую роль, если вы уверены в своей правоте, если у вас железные аргументы – бейте между глаз. Бейте!

– *Вы научились бить промеж глаз?*

– Я – бью. Еще как бью.

– *Это Вы сейчас научились?*

– Нет. Я много лет в этом.

– *Честно сказать, мне трудно представить Вас в этой роли. Роза Исаковна, но все-таки, какие-то методики привлечения женщин у Вас выработались? Натоптались ли какие-то тропинки? Появились ли какие-то схемы, по которым женский неправительственный сектор может влиять на власть?*

– У нас очень активный неправительственный сектор, около 5 тысяч НПО, львиная доля –женские. Это как в семье – если у вас дочка и сын, то дочка чаще всего более упорна, настойчива, ответственна. Мальчика ты воспитываешь и передаешь невестке – другой женщине, из рук в руки. Я не понимаю, как они потом становятся начальниками, хозяевами жизни – мне это непонятно. На самом деле связующая нить жизни – это женщина. Энпэошницы у нас наиболее настойчивые и последовательные правозащитницы, они лезут в СИЗО, в тюрьмы – голову сунут в огонь, чтобы помочь человеку. Неправительственный сектор очень активный. Азиза Абдирасулова, Толекан Исмаилова, Рая Кадырова, Мира Карыбаева – мы сотрудничаем, это реальные лидеры, они возглавляли большие акции, когда пробивали женские квоты. Иногда я их не чувствую, потому что встречаюсь реже, чем когда была в оппозиции. Иногда они бывает, замешкаются, иногда пасуют… Потому что наслоения – громадные, мы доделываем революционные дела, ломаем бетон прошлой жизни, идем против течения. Много грубой борьбы, нас в угол загоняют – хамством своим, цинизмом, наглостью политической. То есть все время такая борьба. Иногда мы тактически проигрываем, стратегически выигрываем – или наоборот. Я себя утешаю: есть полосы черная и белая, они чередуются.

– *Ловушка демократии? Если хочешь ее, будешь получать по голове от противников, которые отнюдь не разделяют эти ценности… Но мне хотелось бы успеть услышать про ошских женщин. Там такая боль и такая сила, и столько воли к миру. Как вы их поддерживаете?*

– Спасибо ООН Женщинам за то, что они эти проблемы вытаскивают и актуализируют. Мы вошли в эту работу, на юге действуют миротворческие сети, проекты, связующие женщин, молодежь, детей. Группы взаимопомощи сводят вместе женщин. Конечно, женщин, пострадавших от конфликта, надо прежде всего защитить. Как я сказала, у нас Генеральный прокурор – женщина, она наблюдает за всеми этими преступлениями, порядка 3 тысяч уголовных дел открыто на юге, немало дел об изнасилованиях во время конфликта. Прокурор – женщина, это важно, это молодая хрупкая женщина, но волевая, законник, сорок лет ей только в будущем году исполнится. Она следит за всеми этими делами. У нас много судей женщин, в том числе в Верховном суде. Однако главное – это активизация самих женщин, которые объединены в Женские комитеты мира. Они начинают играть ключевую роль в развитии, и это очень важно для нашей страны.

Интервью взяла
Галина Петриашвили,
2 июля, Бишкек

Жанна САРАЛАЕВА
Кыргызстан

президент ассоциации «Женщины-лидеры Жалал-Абада», руководитель Сети «Женщины миротворцы Кыргызстана», эксперт-консультант отдела стратегического анализа и мониторинга развития Аппарата Президента Кыргызстана

снимки Галины Петриашвили

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

мой опыт: что видела, делала, ощущала и думала

испытание на прочность

Наша женская миротворческая сеть начала формироваться год назад, в трагичные июньские дни, на Юге. В нее, еще не зная о том, по факту вошли те, кто был бесстрашен. В той неразберихе они не могли усидеть на месте – все время куда-то бежали, кого-то спасали, кормили, вывозили… Первые дни в городе не было хлеба – женщины быстро сориентировались, из своих средств стали печь и раздавать. Распределяли гуманитарную помощь. Успокаивали население. И все это без лишних слов и без всякого пиара.

В те дни мы очень много работали и старались не бояться. Однажды я поехала к беженцам (временно перемещенным лицам), которые скопились на границе с Узбекистаном. Разные телеканалы очень любили показывать это место и наэлектризованных людей. Нам, кыргызам, путь туда был заказан – мы были враги для них. А я поехала. Кто-то ведь должен был с ними говорить. Там было тринадцать тысяч наших граждан.

СПРАВКА

Ошские события июня 2010 года – этнополитический конфликт, который начался 10 июня, в Оше. Внешне это выглядело как противостояние этнических узбеков и кыргызов, населяющих регион. Очевидна политическая подоплека конфликта. Он был остановлен усилиями Временного правительства Кыргызстана и благодаря посредничеству региональных лидеров и международных организаций. Конфликт унес жизни 412 человек.

Заехала в акимиат, но никто из администрации ехать со мной не согласился, и я поехала одна. Но сначала созвонилась с теми из них, кто хоть как-то шел на контакт – в основном это были знакомые, с которыми мы были связаны раньше, до конфликта. К тому же я сказала, что работаю с ООН. Это их уст-

раивало. Я спросила по телефону: что вам привезти? Ответили: сигареты. Сигареты для нескольких тысяч озлобленных мужчин. Я кое-как нашла магазин – не только открытый, но и с сигаретами. Скупила все, которые там были..

ЛАГЕРЬ БЕЖЕНЦЕВ

И вот приехала, иду со своими сигаретами. Машину оставила далеко, иду одна.

Они выстроились в шеренгу – устроили для меня длиннющий живой коридор, метров 800. А вокруг огромная толпа. Плакаты: «ООН, помоги!», «Позор Кыргызстану!». Изготовленные, между прочим, очень тщательно и вполне профессионально – на скорую руку так не сделаешь.

Иду по «коридору» со своей коробкой, пока ее не взял кто-то. Коридор длинный-длинный. Иногда говорю: здравствуйте. Вижу знакомого пожилого узбека, подбегаю, обнимаю: здравствуйте! – а он мне говорит: будьте осторожны. Смысл поняла позже, когда дошла до проволоки. За ней узбекские пограничники и много-много теле- и фотокамер. Снимают. Меня.

Зашли в помещение. Трое раненых, две роженицы. Лидеры говорят, что в лагере началась дизентерия. Вашу еду брать не будем. Почему? Потому что вы нас хотите отравить. Как так, спрашиваю. А так, говорят – вон в Оше случай был, в таком-то месте. Звоню туда, включаю на мобильнике громкую связь. Было такое? – спрашиваю. Мне оттуда говорят: нет, не было. В лагере это слышат, я выигрываю первый раунд. Потом еще приходилось звонить куда-то, гасить слухи и сплетни, кто-то их специально разжигал.

Сорок минут меня трепали: да вы такие-сякие, кыргызы, а в 90-х вот так и так было! Я сопротивлялась: почему вы думаете, что в этом виновата я?! Потом успокоились и стали разговаривать нормально. Я говорю: вы напишите список, кто тут есть, кто потерялся, задокументируйте, ведь все равно без дела сидите. Напишите, что вам нужно в первую очередь – еда, одежда, лекарства. Задумались.

Я видела, что толпа управляется группой людей. Они пресекали лишние речи, направляли в нужное русло, озвучивали требования. Отпустите арестованных лидеров, и пусть сюда приедут СМИ ООН и России – и тогда мы вернемся домой.

Они дали мне перечень того, что им надо. На прощание даже сказали что-то вроде похвалы: Текебаев *(кыргызский политик – ред.)*, мол, приехал с вооруженной до зубов охраной и потому его не пустили, а ты вон сама по себе и даже без камеры…

Прибегаю к себе в Жалал-Абад, со списком того, что нужно. Ведь это наши люди, наши граждане, нам жить вместе – кому как не нам помогать! Быстро-быстро решаю все проблемы – с грузовиками, соляркой, водителями. На другой день еду – на двух КамАЗах по 10 тонн каждый. Мне говорят: ты сумасшедшая! Никто с тобой не пойдет, пограничники имеют право стрелять каждого, кто приближается, а тут ты со

Женщины Юга: молитва о мире

своими КамАЗами. Я уговорила женщину-замакима – поедемте, ведь они должны видеть представителя власти. Она боялась, но поехала. И с нами еще две женщины – из комиссии по распределению гуманитарной помощи – говорят, аким велел. Как подъехали и увидели толпу, они не вышли, остались в машине, а мы с заместительницей акима пошли. Подходим и видим, что лидеры лагеря уже поработали.

– Откуда гумпомощь? – спрашивают.

Мы говорим:

– Из Бишкека.

– Из Бишкека мы не возьмем!

– Почему?!

– Мы возьмем ооновское, российское или из Узбекистана. А бишкекское не возьмем! Мы вам не доверяем.

Как так! – взывала я к ним, ведь мы с вами договорились! Уже по пути сюда я перезванивалась с ними о площадке для разгрузки, чтоб как можно ближе к лагерю, чтоб удобнее… Нет, говорят они, вашей помощи нам не надо! Лидеры кричат в толпу: будем брать их продукты? А толпа отвечает: НЕТ!

Я стояла, как оплеванная, молчала. А потом меня захлестнул гнев.

– Хватит, мне это надоело! – закричала я им. Плевать мне на дипломатию! Ведь мы люди! Вы люди, да! Но и я человек. Что, я виновата в этой войне?! Ведь до войны мы жили вместе, и мирились, и дружили!

– Жанна, так нельзя, – попытался одернуть меня их лидер.

– А вам можно?! – кричала я. – Можно? Разве я затеяла эту войну? Ведь вы вернетесь. Продержитесь тут от силы три дня – и вернетесь, сами вернетесь, потому что ТУДА вас не пустят. Вы для них зараза! На вас делают политику! Думайте! Нам жить вместе – как этим деревьям. Попробуйте выдрать их с корнем и пересадить – они погибнут. Так и мы.

Взбешённая, я повернулась к водителям: все, поехали обратно.

И мы уехали. На другой день нам позвонили и сказали, что примут груз. И мы снова повезли. Но нам снова отказали. Потому что звонили одни, а отказывали другие. Были абсолютно очевидны манипуляции со стороны их лидеров – они хотели удержать людей как можно дольше – и в как можно более взвинченном состоянии.

ПОЧТИ В ЗАЛОЖНИКАХ

Для полноты картины – и справедливости ради – расскажу и о взвинченности кыргызов. И как я чуть не попала в заложники. Говорить об этом совсем не хочется, потому что в заложники меня брали свои, кыргызы, – но слова из песни не выбросишь.

14-го июня утром едем с коллегой по Жалал-Абаду. На площади перед администрацией толпа – заводят какие-то БТРы, гудят, кричат. Подхожу – спрашиваю, о чем спорят. Объясняют: эти хотят ехать туда-то и жечь дома, а эти говорят, что не надо. Я спрашиваю: ПОЧЕМУ вы хотите жечь их дома? Они говорят: узбеки сожгли наши, там-то. Тут же звоню в указанное место – в кыргызское село. Спрашиваю: как у вас дела? Мне говорят: пока все нормально. Ваши дома целы? Пока Бог миловал. Мою беседу по громкой связи слушают собравшиеся. Я говорю: вы почему слухам верите? Почему не проверяете?

Иду дальше, мой коллега со мной. Подхожу к другой группе. Они такие странные – озлобленные и какие-то отрешенные, у них пулеметы, пушки. Видно, что приехали из разных мест, группами, их много и друг друга не слышат, пьют пиво, и лица у них странные. Я говорю: что вы хотите? Они начинают кричать: власти начихать на нас, почему прячется комендант? Я думаю: ага, надо звонить коменданту. Звоню в Бишкек и прошу его телефон. И тут слышу: хватайте их, они информаторы! Поднимаю голову и вижу – ни одной женщины. Мелькнуло: бежать нельзя. Это как от нападающей собаки. Нельзя бежать. Повернулась и стою. Нахлынула толпа. Несколько раз сильно-сильно ударили моего коллегу. Скрутили меня и почему-то начали бросать друг другу. Я чувствовала себя тряпкой. А они бросают меня – толкая друг другу, как мячик. Говорила себе: только не молчи. Испугалась за спину, у меня была травма. Видела, что моему коллеге совсем плохо – потом выяснилось, что они отбили у него почки. Они бросали меня и смотрели как бы в одну точку. Один сказал: возьмем ее в заложники. Тут я очнулась и стала говорить то, что приходило в голову:

– Подождите! Я не пойму, с кем вы воюете? Если с узбеками, то я не узбечка. Если с властью, то я не власть. Или вы воюете с городскими? Да, я горожанка, но я беспокоюсь за всех, я не хочу, чтоб мы умирали, зачем вам это надо, остановитесь!

Толкаю речь. И понимаю, что останавливаться нельзя.

– Зачем вам брать меня в заложники? Никто не даст вам за меня денег.

И вдруг понимаю, что они могут использовать меня по-другому. Ноги подкосились. Вижу, бежит мулла, и у меня надежда: вот он за нас заступится! Но он подбегает, в своем облачении, и… кричит что-то ободряющее нашим мучителям – что-то вроде «хватайте». И тогда я замолчала: все, бесполезно. Нас стали куда-то уводить. Мой коллега чуть живой – еле двигается. Ясно вижу, насколько плохи наши дела. Ведь никто не знает, где мы. Мы просто ехали мимо площади и притормозили узнать, в чем дело. Узнали…

Возложение цветов к монументу памяти жертвам конфликта

И тут из толпы раздается мужской голос: оставьте ее, я ее знаю, она работала в ПРООН! Толпа повинуется – ей, в общем, все равно, что делать. Они говорят: давайте сюда ваши мобильники и проваливайте. Отдали, идем, стараемся не спешить, чтобы не показать наш страх. Вдруг крик: стойте! Стоим. Вам ваши сотки не нужны? Кинули наши мобильники – зачем-то стерли всю информацию. Мы сели в машину и нажали на газ. Изо всех сил.

А ВЕДЬ МЫ ПРЕДУПРЕЖДАЛИ -

задолго до июня. Надо все же объяснить, для чего мы полезли в толпу. Это был нормальный профессиональный импульс. Начиная с апреля, когда в стране начались бесконечные митинги, мы начали вести мониторинг. Кто что говорит, какие претензии выдвигаются, какие главные проблемы у людей. У власти кто? Только что откуда-то прибежавшие люди не знают ничего. Мониторим, чтобы делать качественные рекомендации им. Никто не просил, сами. Приходим к губернатору и говорим: смотрите, вот самые конфликтогенные зоны – и называем 7-8 позиций. На пальцах разъясняем, что где у людей болит и чем это чревато. На первом месте стоял этнический конфликт – эта лампочка загорелась ярким красным светом когда еще.

Однажды стоим на площади – и вдруг тишина. Как-то притих народ. Смотрим – тысячи три молодых узбекских парней, во главе с Батыровым *(лидер узбекской оппозиции – ред.)*, неторопливо входят на площадь и идут прямо на трибуны, а в руках у них небрежно, как бы невзначай, – обрезы. Это был еще апрель. И всегда ощущалась угроза со стороны бакиевцев.

Мы были как бы группой оперативного анализа. Эта идея и функция перенеслись в новый проект – ЖКМ. Мы начали его после конфликта.

ЖЕНСКИЕ КОМИТЕТЫ МИРА – ЖКМ

Это звенья, из которых состоит наша Женская миротворческая сеть. В ней сейчас 823 члена, 20 комитетов, 70 ячеек, 100 авторитетных персон – лиц сети, которые могут не работать в проектах, но представлять Сеть на переговорах, в медиа или там, где требуется авторитетное мнение. В Сети есть и мужчины, хотя их немного. Мы это приветствуем – ведь это работа для всех.

И все это без лишних слов и без всякого пиара. Но, когда все закончилось, мы поняли, что были одной из главных конструктивных действующих сил. И что нам нельзя расходиться, а надо продолжить работать. Если мы не хотим повторения кошмаров. Надо заставить работать наш опыт. Весь, в комплексе, – ведь мы интенсивно работали и до конфликта, и во время него, и после… Опыт мониторинга, например, – он бесценный. Надо давать властям анализ и требовать реакции – своевременной и правильной.

Нужно защищать женщин, и не только в конкретных случаях – надо последовательно отстаивать их права путем лоббирования интересов в национальных документах. Этим тоже занимается наша Сеть. Ищет и обретает единомышленников во власти.

Отдельно надо думать о культуре мира как философии и практике – это огромная задача. Тут надо много-много работать – вместе с медиа, благодаря грамотному пиару и настойчивости. Разрушать легко – восстанавливать очень трудно.

Мы думаем и о том, чтобы нашу южную сеть сделать общенациональной, объединив ее с теми организациями на севере, которые работали вместе с нами во время войны. Планов много, есть большая, сильная и закаленная команда. И есть надежный партнер – ООН Женщины. У нас все получится.

Юг Кыргызстана, июнь 2011
год после беды

МОИ СНИМКИ, ВАШИ ГОЛОСА

ОТ РЕДАКТОРА "ДИАЛОГА"

Я была в Оше по приглашению ООН Женщины и Сети женщин-миротворцев в июне. В тот момент там проходила Вторая национальная консультативная встреча «Роль сети женщин-миротворцев в постконфликтном восстановлении юга Кыргызстана», на нее съехались лидеры и активистки, а также включенные госслужащие. Эти истории я записала там. Мне кажется, что они не нуждаются в комментариях.

Снимки были сделаны там же.

Возложение цветов к памятнику Курманжи Датка. Лидеры Сети миротворцев и Дамира Сартбаева, Региональный Директор Программ ООН Женщины для стран Восточной Европы и Центральной Азии (вторая справа). В сети объединены кыргызки, узбечки и представительницы других народов, населяющих этот регион.

Жанна САРАЛАЕВА

НАЧАЛО

Наша сеть начала складываться в те трагичные июньские дни. В городе не было хлеба – элементарно нечего было есть. Женщины быстро сориентировались. Созвонились и начали печь хлеб. Никто не спросил: а из чего печь-то? Еще муку не завозили, не было ничего, но все мобилизовались, как одна, без единого вопроса. Раздавали гуманитарную помощь. Перевязывали раненых. Успокаивали население. И все это без лишних слов и без всякого пиара. Но, когда все закончилось, мы поняли, что были одной из главных конструктивных действующих сил. И что нам нельзя расходиться, а надо продолжить работать. Если мы не хотим повторения кошмаров.

Салима ИСМАИЛОВА

Я И ТВ

Во время конфликта почти целую неделю никто на улицу не выходил, никакой информации не было, полный вакуум. День сидим, два, уже устали бояться и тревожиться, чувствуем, что больше нельзя без дела сидеть. Тринадцатого звонит замминистра, говорит: что нам делать? Ведь надо что-то делать, людей защищать как-то. Я про детей думаю, ведь я работаю в отделе по делам семьи и молодежи. Понятно, что детей надо как-то вывозить из зоны конфликта. А у них каникулы, где они все, как собрать? Я женщина мужского характера – села в свою машину, поехала в обладминистрацию. Встретила там знакомую – поедем, говорю, на телевидение, попросим, чтоб дали нам выступить. Но она отказалась, страшно ей. А мне надо рассказать, что горячая линия у нас, чтобы собрать детей, вывезти их подальше – в лагерь, на Иссык-Куль.

Приезжаю к телевидению – там автоматчики, полно вооруженных людей, охраняют. Оказывается, руководству телеканала уже дали команду приглашать аксакалов, чтобы те усмиряли враждующих, призывали к спокойствию. И вот этих аксакалов привозят под охраной, с автоматчиками, они их сопровождают сюда и обратно.

А я сама приехала!

Удивились они, но эфир мне дали. Целых 15 минут. А горячую линию я на своем домашнем телефоне сделала. И вот выступила – обратилась к родителям, сказала, что хотим детей на отдых забрать, пока тут все закончится – звоните, мол, на такой-то телефон. И вот все стали звонить, это наше предложение было как надежда. Таким образом, уже 19-го числа мы повезли в лагерь первую группу – 61 ребенка. Мы были первые. Потом уже подтянулись международные организации, ЮНИСЕФ и другие, стали организовывать. Но мы были первыми. В группе были разные дети – и кыргызы, и узбеки.

Жанна САРАЛАЕВА

КАМАЗЫ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В самом начале конфликта в Ала-Букинском районе Жалал-Абадской области люди собрали продукты для Оша – целых три КамАЗа. Они поехали в сопровождении нескольких маршруток и легковых. На подступах к Жалал-Абаду, на перевале Санпа, их обстреляли – ранили всех троих водителей. Но они все равно ехали, так как замены у них не было. Я потом спрашивала у них: как же вы ехали-то, с кровотечением? Они говорят: у нас была водка, мы полоскали раны – ну и внутрь, конечно, для обезболивания…

Они приехали в Ош, разгрузились, надо обратно. Тут выясняется, что в обратный путь им предстоит везти пассажиров – жалал-абадских девушек – студенток ошских вузов. 800 человек! Дома, в Жалал-Абаде, родители с ума сходили, а девчонки сидели тряслись в Оше, надо было выбираться. И вот они набились в три огромных камазовских фургона – и поехали. Места было так мало, что стояли плотно прижавшись друг к другу, в раскаленных железных ящиках, без окон и практически без воздуха. Водители часто останавливались, чтобы дать им подышать, некоторые девчонки падали в обморок. Ехали почти сутки – дорогу, которую в нормальное время можно проехать за два часа. По пути их обстреляли, но все кончилось благополучно. Там были и кыргызские девчонки, и узбекские, и других национальностей.

Жанна САРАЛАЕВА

ГЛАЗ

Одну женщину сильно избили – так сильно, что она потеряла глаз. Она закрылась дома, не хотела ни с кем общаться, даже с домашними. Жить не хотела. Как жить со страшной дыркой вместо глаза? Мы узнали о ней в ходе мониторинга, когда изучали положение дел, сразу после конфликта. Мы создали мобильные группы из экспертов врачей, психологов и совершали обход домов в самых горячих точках. Познакомились – и ясно увидели, что нужна очень срочная операция, чтобы поставить протез, иначе потом будет поздно. Денег найти было трудно. Нам говорили: это не наш профиль, мы на это не даем! Вот если бы она была жертва сексуального насилия – другое дело. Да как же, доказывали мы, – на холодильник даете, на компьютер даете, а на глаз человеку – нет?! Убедили МОМ, хотя это точно не их профиль – но они дали денег, и мы отправили женщину в Бишкек, прооперировали. Теперь это другой человек – она повеселела, стала уверенней, приходит на наши встречи, нередко вместе с мужем. Она узбечка.

Святая Сулейман-гора. Город у ее подножия все помнит и хочет мира

Салима ИСМАИЛОВА

СТАРИК УЗБЕК

У меня дома во время конфликта жили знакомые узбеки, 11 человек, три семьи. Они позвонили и спросили: Салима-эже, можно у вас спрятаться? Дома им было небезопасно оставаться. Я говорю: конечно, приезжайте и живите – дом у меня большой, я живу одна, потому что мои дочки замужем – одна в Лас-Вегасе, а другая хоть и в нашем же районе, но все равно далеко, не рядом. Я говорю своим знакомым: приезжайте, всем места хватит, как не помочь людям.

И вот они приехали и жили у меня, потихоньку. Но прожили только три дня, до них слух дошел, что их дедушка погиб. У них дом сгорел, а он там был, и вот не нашли его. Мои узбеки очень расстроились, плакали – говорят: хоть и опасно все еще, но надо нам уходить, искать дедушку, спасибо вам за все. И ушли. Искали-искали своего деда, горевали, но никак не могли найти. А потом оказалось, что он просто упал и память потерял, временно. И вот он в больничном саду жил на лавочке, пока они искали его. Очень обрадовались дедушке своему, и я вместе с ними. А вскоре к нему и память вернулась.

Кыргызки Оша

Узбечки Оша

Арафат АЛИМЖАНОВА

СВЕКРОВЬ

Я закончила узбекскую школу – здесь, в Оше. Когда училась в девятом классе, меня посватали. И я вышла замуж, очень рано. Но не жалею, потому что мой муж был очень хороший. Мы прожили вместе всю жизнь, он умер несколько лет назад. Когда выходила замуж, хоть и была совсем молодой, поставила условие, что мне дадут закончить школу – и вообще, дадут учиться. Иначе не согласна, сказала им. И они меня поняли – и муж, и его семья. Я и школу закончила очень хорошо, будучи уже замужем, и потом в пединституте училась, имея троих детей. Вся семья меня поддерживала, все помогали. Не только муж, но и свекровь у меня была просто золото, моя гордость. Мой муж был у нее единственный ребенок. Она была народной артисткой Киргизии. Партийная, работала директором театра. Мой отец был председателем колхоза, и они мое воспитание согласовывали, поощряли желание учиться. В 1961 году я замуж вышла, а в 1967 уже закончила институт, имея троих детей. И потом активно работала, в том числе и в общественных организациях.

Арафат АЛИМЖАНОВА

ДЕТСКИЙ САД

Несколько лет назад я пережила две страшные потери – сначала умер муж, а потом убили сына. Сосредоточилась на работе, всю себя отдала. Я была директором детского садика. И вот вся моя активность и любовь на нем сконцентрировались. Без преувеличения могу сказать: он был один из лучших в Кыргызстане. Мебель из России привезла, два вагона, бассейн устроили, ремонт отличный провели.

Но после конфликта меня освободили. Сказали: пиши заявление об уходе. И я написала. А работала там с 1978 года – почти 35 лет! Я не утверждаю, что освободили потому, что я узбечка. Но других поводов тоже не вижу. На моем месте теперь работает кыргызка. Я очень скучаю по садику, по детям. И ведь это несправедливо! Мне даже не объясни-

ли причину увольнения. На встрече с президентом Розой Отунбаевой я пожаловалась, но пока никакой реакции. Я хочу работать на своем месте. Я вложила туда так много сил и души!

Айна МАМБЕТОВА
СТУДЕНТЫ

В дни ошских событий моя семья прятала двоих студентов-узбеков. Они были близкие нашего друга, он попросил, и мы согласились. Эти парни нас не знали, были очень настороженные и подозрительные, не хотели кушать, вздрагивали от каждого звука. Они нас опасались, а мы их. Но в итоге все кончилось хорошо.

Жанна САРАЛАЕВА
АТТЕСТАТЫ

Мне рассказали одну простую историю, которая поразила меня. Одна женщина из Оша была в командировке в Бишкеке. Она работник системы образования – и вот, возвращаясь домой, везла с собой 500 «аттестатов зрелости» для ошских выпускников. Ведь дело было в июне, заканчивались экзамены. И вот прилетает эта женщина, а в аэропорту столпотворение, кошмар, невозможно в город въехать. Она понимает, что надо назад возвращаться – спасать документы. Садится опять в самолет и летит в Бишкек, оставляет аттестаты и летит обратно – ведь там дом, семья. Прилетает и сразу включается в работу. А потом уже, когда все успокоилось, она привезла аттестаты. Эта история кажется очень скромной, на первый взгляд. Но для меня это настоящее геройство. Благодаря своей ответственности, она для 500 выпускников сохранила целый год жизни. Иначе для поступающих в вузы он пропал бы. Ведь аттестаты готовятся заранее, и если бы с ними что-то случилось, то все очень затянулось бы. А так – все пошло по плану, несмотря ни на что. Уверена, что эта женщина ни на минуту не подумала о своем поступке как о геройстве.

Назым ДЖАЛИЛОВА
ПОЮТ МАМЫ И БАБУШКИ

Мне так не хочется вспоминать про конфликт. Мы хоть и намного южнее Оша, и ехать к нам несколько часов, но и до нас докатилось. Трудно было, страшно, тревожно очень. Но я про это не хочу – давайте я вам лучше про этномузыкальный ансамбль бабушек расскажу? Это очень взрослые женщины, уже вырастили детей, внуков, многим за 70. То, что они делают, можно назвать агитацией и пропагандой. Нетрадиционной. И их слушают, потому что традиционная-то всем надоела. Они поют и тем самым воспитывают, говорят о важном, о главном. Там и кыргызки, и узбечки. Как наденут свои чапаны – заглядение. И к ним прислушиваются, потому что, во-первых, они матери – а матерей у нас еще уважают. А во-вторых, они и с юмором поют, интересно слушать.

Истории записала Галина Петриашвили
снимки автора
Ош, июнь 2011

Жизнь продолжается, песня радует - и это значит, что все в итоге будет хорошо. Фольклорный ансамбль из Жалал-Абада

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА ПО МИГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

реализуется совместно МОМ, ООН Женщины и Всемирным Банком при поддержке Правительства Великобритании

Галина ПЕТРИАШВИЛИ
Грузия

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЖЕНЩИНЫ

подруги по планете

ТАДЖИКИСТАН КАК СПОСОБ ПОНЯТЬ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Когда я летела в Душанбе из Стамбула, справа от меня сидел 30-летний парень-таджик, который уже несколько лет живет в США, а слева женщина под 50, которая возвращалась из Европы, где живут ее дочери – одна в Будапеште, другая – в Лондоне. Мне пришлось ждать в аэропорту пять часов, и за это время я познакомилась: с юной женой, которая только что рассталась с молодым мужем, улетевшим московским рейсом на заработки; с продавщицей газет по имени Тамила, которая сказала: и рада бы уехать – но куда; с учительницей из пригорода, которая сообщила, что в их местечке уже все-все-все уехали, потому что иначе не прожить, работы нет.

Потом, уже в Худжанде и Исфаре, я увидела, что кое-какая работа все же есть – но за нее платят сущие гроши. Государство и предприятия время от времени устраивают ярмарки занятости, однако они не пользуются большой популярностью. Самой оплачиваемой работой, которую я видела на такой ярмарке в Исфаре, была должность инженера-взрывника, – она стоила около 150 долларов в месяц и находилась в большом отрыве от остальных предложений, которые имели в виду не более

Женщинам приходится думать за двоих

фото автора

50. Однако даже рекордные 150, если и позволят свести концы с концами, все равно никак не разрешат такие семейные проблемы, как образование детей или строительство дома. Вот почему надо куда-то подаваться. И они подаются.

КОНТЕКСТ

Государство заметило проблему лишь тогда, когда в стране стало слишком мало трудоспособных мужчин. Поначалу это всех устраивало – некому бунтовать. Не болит голова за пособия – уехал, присылает семье – вот и отлично. Сами как-нибудь, граждане, сами. Строго говоря, миграция на начальном этапе – подарок властям. Принцип «разделяй и властвуй» сработал сам, естественным порядком, – одни уехали и увезли с собой много-много вопросов; другие остались, чтобы как-нибудь выжить – им тоже некогда ходить на митинги. Государство долго делало вид, что оно ни при чем. Ну, едут они – но как бы сами собой, дело житейское. Власть не ощущала вины, что нищета выдавливает людей из дома, никто не стремился предостеречь, научить их; и уж совсем никто не озаботился тем, чтобы договориться с принимающей стороной. Мол, не обижайте там наших-то.

Так продолжалось годами, пока безмятежный сон государства не стал все чаще прерываться глубокими диссонансами. Уехал живым, вернулся «грузом 202» – сироты, вдовы. Или: уехал и потерялся, и вовсе не стал ничего присылать жене и детям. Опять – социальное сиротство, вдовство. Таких случаев накопилось десятки тысяч. Как тут забудешь о социалке? Или: приехал и уехал, а жена вскоре заболела, пошла к доктору – ВИЧ, а то и уже СПИД. И таких все больше. Миграцию пришлось заметить. Этому помогли и международные организации, у которых, помимо глобальной заботы, положенной по мандату, много своих национальных беспокойств на эту тему. Ибо нарастающее напряжение грозит стать реальной опасностью для всех.

Озабоченность ООН, Всемирного Банка и других серьезных институтов выражается в ряде программ. Они имеют в виду национальные ресурсы, меры по занятости, работу с трудовыми квотами, межгосударственные договоренности. Однако выясняется, что любые усилия остаются малоэффективными до тех пор, пока «принимающие» – от обывателя до президента – считают, что они делают одолжение мигрантам, когда позволяют им мести улицы и строить дома. Регулируя миграцию экономически и юридически, необходимо принять меры к очищению завалов в мозгах людей. Главным очистителем может стать главный засоритель – масс-медиа. Если внедрить туда здоровые стандарты и регуляторные механизмы. В этом смысл и философия региональной программы по миграции в Центральной Азии, которая реализуется совместно МОМ, ООН Женщины и Всемирным Банком при поддержке Правительства Великобритании. В программе участвуют журналисты 4 стран – «поставляющих» мигрантов и принимающих: России, Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана. Главная задача – отработать здоровые медийные подходы в освещении этой проблемы. Но сначала – самим понять то сложное и тревожное, что представляет собой сегодня миграция. Вот для чего мы ездили в Худжанд, Кистакуз и Исфару. К истокам.

По данным Минюста, за последние пять лет число разводов в стране выросло в два с лишним раза. Президент Эмомали Рахмон выступил с инициативой поднять брачный возраст девушек до 18 лет – как шанс снизить рост разводов. Ранее девушки могли выходить замуж в 17, а в исключительных случаях и в 16 лет. Снижение брачного возраста было принято в годы гражданской войны, когда родители из соображений безопасности своих дочерей старались как можно скорее выдать их замуж.

ЖЕНЩИНЫ

«Он уехал, мы остались. Как не присылает? Две тысячи в прошлом году. Российских рублей. В этом – пока ничего. Живем как-то. Едим в основном хлеб с чаем. Плохо с водой. Зимой плохо с электричеством… Ты сними-ка моего маленького. Смотри, – Боже, какой он красивый, правда же?»

Детей по-прежнему много. К деторождению таджички относятся не то чтобы спокойнее, – но как бы на другой философской основе. Для них появление ребенка – никакая не революция, а нормальное жизненное событие. Я хочу сказать, что решаются на очередного ребенка они значительно легче, чем русские или грузинки. Дитя однозначно благо, и Божий дар, и гордость. Непременно гордость. А никакой не тормоз в карьере. Я видела разведенную женщину с тремя детьми, которая подала на вакансию в международной организации, получила место и поехала туда работать – вчетвером. Никаких комплексов многодетности, никакого ущерба мобильности – такой подход достоин самого глубокого уважения.

Однако – это женщина продвинутая, сильная, образованная, знающая языки. Те, кто попроще, тянут воз дома. Однако в их жизни не меньше мужества. Какую отвагу надо иметь, чтобы смотреть в глаза пятерым голодным детям? И какую силу, что найти чем накормить. Каждый день, годами.

Все человеческие цивилизации в кризисные моменты выживают за счет женщины. Частично благодаря ее сознательно-условному рефлексу кормить, согревать, сопереживать и брать на себя. Если этого ресурса не хватает – принудительно. В ход идут пышные идеи о природном предназначении, в пример ставятся «хорошие девочки», спешно корректируются законы. Все страны проходили это. Если дефицит работников, бросается лозунг: «Девушки, на тракторы!» Если дефицит рабочих мест – «Девушки, на кухню!» – становится популярным образ домашней жены. Сельская таджикская женщина эксплуатируется дважды – государством и семьей. Государством – когда оно делает вид, что рождение и выращивание населения – сугубо хобби женщин и они делают это сами для себя. Семьей – когда она считает молодую мать и невестку последним человеком в доме. Отдельная беда – если муж уедет, тут уж защиты никакой, могут и из дома выгнать, с детьми. А родители – не принять.

Вот учительница – в прошлом отличница в школе и институте, специалист по иностранным языкам – английский, немецкий, французский. Сюда еще русский и родной таджикский. Трое детей. Преподает в школе. Летит туда, как на крыльях, очень любит работу. Любит читать, готовиться к занятиям, развивать себя. Нельзя! Семья запрещает. Никто в доме не может понять, на кой ей эти книги и чего в них смотреть так пристально – куда полезнее пойти полоть грядки. Свекровь тотально контролирует, когда она возвращается с работы – и не дай Бог опоздать. При этом – внимание! – зарабатывает эта учительница одна на всю семью. Кормит их всех. Если это рабство, то что тогда?

Или вот еще. Беременность на восьмом месяце четвертым ребенком, муж на заработках, прислал два раза по чуть-чуть: первый раз на еду, второй раз на арматуру для будущего дома. Она честно купила арматуру, свалила во дворе, а теперь делает кирпичи – в том числе и на продажу. Песок и цемент ссыпаны на улице, и она немного сетует, что трудно носить их во двор ведрами, хорошо бы тачку. Смешивает и заливает в форму. Солнце жаркое – кирпич готов сам по себе. За тысячу штук дают 50 долларов, лепят они их впятером: 50 делим на 5. Из своей доли она еще отщипывает немного прежней мужниной жене, что-то вроде алиментов.

Героизму и самоотречению этих женщин дивятся разве что приезжие журналисты. Для местных людей это рутинный порядок вещей.

…Тут я приостанавливаюсь и думаю, как может исправиться положение? Причем не волшебным способом – если вдруг все станут богаты и изобильно-семейно счастливы – а имея в виду реальные рамки в виде безработицы и миграции. Клин клином вышибают – страдания женщин от миграции, может быть, могла бы сгладить сама миграция? В мире растет число женщин, покидающих дом ради работы. Их эксплуатируют еще жестче и еще больше опасностей на их пути – однако мобильность дает им шанс найти более перспективное место, проверить себя на прочность. Кто выдержал – тот победил. Однако пока этот вариант не для массы скромных таджичек. Они остаются очень послушными и управляемыми. Мигрировать большинство могло бы только с мужчинами. Но тогда Таджикистан остался бы совсем без населения.

По данным Центра стратегических исследований при президенте Таджикистана, в настоящее время около 10% мужчин в стране имеют более одной жены. Многоженство запрещено законодательно; если факт доказан, мужчине грозит пять лет тюрьмы. И потому, как отмечают сотрудники Центра, «при опросе большинство женщин воздерживались от ответа - какой по счету женой она является».

...думать за двоих, работать на всю семью. Нередко она является основным кормильцем.

фото автора

СЕМЬЯ

Послушание не спасает – первичная ячейка общества трещит по всем швам. На нее давит, с одной стороны, глобализация, с другой – некоторые исламские традиции. Они выдергиваются из контекста и вульгаризируются под прикладную реальность. Многоженство, обряд «никох», обряд «толок» – ислам включается фрагментарно – лишь в той части, которая обеспечивает банальные удобства мужчинам, отсекая глубокую философию ответственности и совести. Говорят: мужчин стало мало из-за гражданской войны и трудовой миграции, потому у нас многоженство. Понятно. Про дефицит мужчин. Но есть и другое обстоятельство: понизилась их платежеспособность. Казалось бы, это тоже вполне себе экономический фактор. У женщины пять или семь детей – одному мигранту, даже очень трудящемуся, их не прокормить, – отчего бы ей не взять еще одного мужа? Но таких крамольностей в Таджикистане не говорю даже я. И все же: если во главу угла ставить целесообразность и экономические обстоятельства, – почему ж не признать, что для многомужества у женщин есть показания? Однако интересы мужчин святы. Они не пострадают никогда и ни при каких обстоятельствах. Потому что!

Еще пара историй. Женщина европейской ориентации – по ментальности, по карьере. Ездит по свету в командировки, руководит некой структурой. Муж и трое детей. Вдруг он ей говорит: чего это ты у нас без платка, мать? Не походить ли тебе в хиджабе? А она не хочет. Ей неинтересно и жарко в нем, и она не видит повода менять свои привычки. И тогда он уходит к другой женщине. И живет с ней целый год. А потом возвращается. В ее, между прочим, квартиру. Она не хочет его принимать, ибо у нее было время подумать и оценить факт, но – дети. Живут пока вместе. «Ту женщину» он держит как запасной аэродром и полуфабрикат быстрого возмездия. Денег на детей и хозяйство он не дает, семью содержит Она.

Еще одна история. Младший брат и любимец семьи, хотя уже очень взрослый, под 50. Из образованных. В России женат на русской, но приезжает на родину, и в поле зрения попадает женщина помоложе, таджичка. Никох – и они муж и жена, он уезжает, у нее ребенок, она дружит с его родней – она и есть их родня, типа невестки. Но не совсем. Сама она верит, что он ее муж (понимая, что не совсем, ясное дело), хранит верность, родственницы мужа (псевдомужа, протомужа, постмужа?) говорят: что ты сидишь? замуж выходи, по-нормальному! А она говорит: все равно не за кого. Уж лучше так, какой-никакой статус. Хоть вторая, но жена.

Порой возникает ощущение, что многоженство – это ловкая отмазка, которой пользуются таджикские парни и которой нет в подобных случаях у русских, украинцев или грузин. Ширму используют не только мужчины, но и женщины. Культура поощряет первых и прессует вторых: если родила сама по себе, когда и от кого сочла нужным, – позор; если как вторая жена – то ничего, можно, все в порядке.

Семья болезненно трансформируется, ее черты искажаются, ей все труднее сохранять функции защиты. Никто пока не сосчитал «вторых жен» – и без того видно, что армия их огромна. Теневые жены и дети не имеют никаких прав, а в случае утраты кормильца никоим образом не могут рассчитывать на часть собственности, в том числе такой жизненно важной, как земля или дом. Женщины не получают никаких гарантий ни для себя, ни для детей. Ведь закон рассматривает семью с тех, прежних позиций, в нем нет места для «вторых» и «третьих». Государство проявляет растерянность, медлит, непростительно запаздывает. Тем временем лидирующую роль берет на себя неправительственный сектор. Дильбар Тураханова, одна из авторов исследования (его можно найти здесь http://caucasia.at.ua/publ/stati/zh_i_m_voprosy_balansa/kak_zashhitit_semju/2-1-0-32), считает, что меры надо принимать безотлагательно – слишком велика группа людей, чьи фундаментальные права нарушены. Такого мнения придерживаются не только национальные эксперты, но и ООН, Amnesty International. В их документах указывается, что Таджикистан хотя и ратифицировал международные документы, не выполняет обязательств по защите женщин. Комитет по CEDAW, Специальный докладчик ООН по насилию в отношении женщин подчеркивают существование полигамных союзов и отсутствие в них экономических прав для женщин.

ХИДЖАБ

Таджикистан изо всех сил старается остаться светским государством. Это сложная задача, если учесть окружение и финансовые возможности фундаменталистов. Правительство довольно неуклюже борется с хиджабами, запрещая их в публичных местах. Старается как-то урезонить многоженцев – было даже несколько процессов над госчиновниками. Однако наступление религиозности очевидно. Сгущается фон, растет концентрация, становятся другими привычки и обыкновения.

В поездке по кишлакам нас сопровождала молодая женщина – совсем девочка, недавно выучилась и работает в неправительственной организации. Милая, тоненькая, открытая, по-европейски одетая и постриженная, замужем и имеет ребенка. Она мне сказала, что хотела бы носить паранджу, по идее. Или хотя бы хиджаб. Душа просит. Но это помешало бы в ее работе, контактах с людьми – они будут сторониться, подозревая в ней фундаменталистские наклонности.

Вторая история. Также профессионально успешная женщина, счастливо замужняя, с тремя детьми. Ходит в платке. Зарабатывает на семью, критично настроена, умна, активна, сильна, самостоятельна. Говорит: да, многоженство. Мне надо подготовиться к этому и принять идею, и постараться полюбить его вторую жену. Пока не готова, но потом, когда-нибудь, когда я постарею… Но ведь и он постареет, осторожно говорю я. Она отвечает: он может помочь кому-то еще, дать тепло, детей, защиту… – я не должна быть эгоисткой. И еще она сказала, что только углубившись в веру, поняла, как надо правильно жить.

Это сложные вопросы, вечные и трагичные, если подумать. Слишком трудно разобрать, что происходит с твоей душой и сознанием. И где истина.

Я купила хиджаб и надела его. Женщины на базаре помогли мне его правильно устроить и закрепить, и мы сфотографировались на память. На мне было национальное платье, которое я купила раньше и с удовольствием носила, оно красивое и удобное. Я боялась, что меня осудят за карнавал. Опасалась как-нибудь нечаянно оскорбить национальные чувства. Но нет – всем нравился мой интерес походить в этой одежде; люди видели, что я чужая – но принимали за свою, им нравилось, что я хочу немного пожить по-ихнему. Были откровенны, приглашали в гости, рассказывали сугубо личное. Многие женщины, покрытые платками, говорили мне, что это не их выбор – заставляет муж, отец, брат.

ВОПРОСЫ СОЛИДАРНОСТИ

…Я все вспоминаю ту женщину, которая на восьмом месяце лепит кирпичи, и как она часть заработка отдает бывшей жене мужа. Она ясная, та женщина, грустно-улыбчивая. Я не думаю, что она делится куском хлеба только потому, что так велел муж. Мне кажется, что она дала бы и сама. Ей 33 года – на вид гораздо больше. Рядом с ней были товарки постарше, застенчивые и смешливые. Сняла их, но они не хотели, чтоб я публиковала. Русского не знают, мы говорили односложно и жестами, возраст и число наших детей писали прутиком на земле. Смеялись и обнимались. С юмором у них все в порядке. С условиями жизни плохо совсем.

…Совсем плохо. Уже дома, сидя у компьютера и рассматривая снимки, я думаю, что может помочь им. Не каждой в отдельности, а – как классу, зависимому и угнетенному. Что может помочь рабе раба? Ведь вопрос вполне можно поставить так. Во все времена и в любой культуре спасение угнетенного – в образовании. Но это для молодежи. Что может помочь этим условно замужним женщинам, обремененным детьми, домом, огородом, каждодневной борьбой за кусок хлеба? Сижу думаю и как-то не хочется мне повторять очевидное – про силу и солидарность. Ну где ж их взять столько?

Женщины плохо понимают друг друга, если под пониманием разуметь не сиюминутное, но системное. Как рефлекс защиты и поддержки друг друга. У них слабые межпоколенческие связи. Скорее, это межпоколенческий антагонизм. Армия невесток стонет от армии свекровей. Дедовщина (бабовщина) свекровей! Так продолжается тысячелетиями, и бесконечно передается обжигающая эстафетная палочка: меня прессовали, ну так теперь я тебя. А сын женится – тогда уж ты ее, твое время. Не пора ли прервать эстафету? Но как?! Неправительственный сектор бьет тревогу: число женских суицидов огромно. Почти все они связаны с насилием в семье. Женщины сжигают себя, когда не в силах терпеть издевательства. Я не представляю, каким должно быть подавление, чтобы на ЭТО решилась покладистейшая и неприхотливейшая из женщин, настолько любящая своих детей.

У женщин слабы межгрупповые связи – не просто контакты, но уважение, доверие и взаимопомощь между женщинами из разных социальных групп. Образованные городские – сельским и неграмотным, деловые и успешные в бизнесе – нищим и малообеспеченным. Если бы мы поступали так! Тут я, пожалуй, совсем отклоняюсь от темы и говорю уже не только о Таджикистане. Отнюдь не только о нем.

Душанбе-Худжанд-Исфара

Манижа КУРБАНОВА
Таджикистан
корреспондент газеты «Азия Плюс»

ОН УЕХАЛ – МЫ ОСТАЛИСЬ

как живут жены и дети мигрантов в таджикской глубинке

У НАС В ТАДЖИКИСТАНЕ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ФОЛЬКЛОР, О РАЗЛУКЕ:

О хез, хезе вакти намозай очае,
О бачат мерава, рахуш дарозай, очае.
О бачат мерава, як моха не, як солае,
О ин киссаи гариби дарозай очае.
Перевести с таджикского можно примерно так:
Мама, вставай же, время молиться,
Твой сын уезжает, и долог его путь,
Сын уезжает – не на месяц, на год,
И эта сказка странствий очень длинна…

– Почему ты такая маленькая? – не унимаются женщины, лежащие в одной палате с Мавлюдой – смуглолицей, худенькой и невысокой.

– Если бы у меня был отец, я не оказалась бы в таком положении, – слезы наворачиваются на ее глаза, и мне, случайно услышавшей этот разговор в Навобадской сельской больнице, становится любопытно, кто эта девочка и что с ней случилось.

Оказывается, Мавлюде 15 лет, хотя выглядит она как пятиклассница. По словам лечащего врача, у нее анемия и замедленное развитие организма. Она просто недоедает.

С мамой и двумя братьями она живет в селе Гуноч Гармского района. Старшую сестру год назад выдали замуж. Отец уехал на заработки 12 лет назад и не вернулся… Жив, здоров, имеет другую семью и о них совсем не вспоминает. Только иногда звонит своему брату, дяде Мавлюды, чтобы узнать последние сельские новости.

– Как же вы жили без кормильца столько лет?

– А так и жили. Дядя, у которого своих детей четверо, давал нам ведро муки раз в неделю, мы пекли лепешки и ели. Никого не волновало, хватит нам муки или нет. Поэтому мама ходила по кишлакам и просила хлеба. Хорошо, что у нас была корова. Так мы и выросли. Теперь вот брат собрался в Россию, но его не пустили, он еще несовершеннолетний. Ждет, когда получит паспорт. А младшему брату 12 лет исполнилось. Ровно столько, сколько отца нет.

ТАКИХ СЮЖЕТОВ МНОГО

Сангали из кишлака Кадара Гармского района уехал на заработки 15 лет назад. Недавно его старший сын, повзрослев, поехал в Россию и привез отца. Но тот пробыл в своей семье всего 8 дней и вернулся домой – в Россию, ставшую родной. Как оказалось, у Сангали там другая семья.

Другой житель соседнего с Кадарой кишлака тоже приехал недавно, спустя долгие годы. Его родные и близкие давно справили поминки по нему. Мужчина, по словам сельчан, стал совсем другим. Раньше он был весельчак и балагур, теперь немногословен. И когда его просят что-нибудь рассказать, он лишь тяжело вздыхает и говорит: «Молчать проще».

А в Навабаде совсем другая история. Муж вернулся домой спустя 8 лет. Жена, оставшаяся без помощи родных и близких, устроилась мыть полы и готовить на кухне в одну из воинских частей. Так муж, вместо благодарности за то, что она несла все эти годы такой нелегкий груз, воспитывая одна пятерых детей, систематически напивается и избивает ее, подозревая в измене. Теперь та со слезами проклинает тот день, когда он вернулся.

фото Галины Петриашвили

ДРЕВНЯЯ ТРАДИЦИЯ ГАСТАРБАЙТЕРОВ

По официальной статистике, в Гармском районе проживает более 110 тысяч человек. По данным райстатотдела, официально 10 тысяч человек ежегодно отправляются на заработки в Россию, Казахстан и другие страны. А неофициально, по данным неправительственного сектора, за пределами республики находятся почти 88% мужского населения. Издавна, еще во времена феодализма, трудовая миграция в этом регионе была очень развита. Примером тому – персонаж в повести «Одина» Садриддина Айни, который отправляется на заработки из Каратегинской долины на север. Поэтому и жизненный уровень населения в этом регионе намного выше, чем, например, на юге страны, в Хатлоне. Согласно исследованию, проведенному рабочей группой Национальной ассоциации политологов, если в среднем по республике одна семья получает доход от внешних мигрантов в 896 сомони (236 долларов) в месяц, то в Гарме такие поступления составляют порой 1892 сомони (498 долларов). Так что современные «одины» много трудятся, чтобы прокормить свою многочисленную семью, в состав которой зачастую входят не только престарелые родители, но и невестки, дети братьев и сестер.

…В Гарме, кроме как садоводством и картофелеводством, ничем больше не займешься. Нет ни завода, ни фабрики. Из-за уменьшения воды в реках страдает урожай. Поэтому многие жители вынуждены уезжать на заработки в другие страны, так как яблоками и картошкой семью не прокормишь.

ЖДУЩИМ ДАНАЯМ НУЖНА МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

Трудовая миграция стала передаваться из поколения в поколение. По результатам исследования в Раштском регионе, проведенного неправительственной организацией «Оштии Милли» еще в 2002 году, 60% работоспособного населения от 15 до 45 лет систематически выезжали на заработки в ближнее зарубежье. «Сейчас эта цифра, конечно, намного больше, – говорят исследователи из «Оштии Милли». – Многие из молодых выезжают, даже не заканчивая средней школы, не зная языка, не имея информации ни о своих правах, ни о стране пребывания, правилах миграции. И уж конечно, они ничего не знают о заболеваниях, передающихся половым путём».

В Нурабаде и Раште при поддержке Международной организации по миграции запустили проект профилактики ВИЧ/СПИДа среди трудящихся мигрантов и членов их семей. Там были открыты два кабинета, где можно анонимно получить бесплатную медицинскую консультацию и медикаменты.

Мы были в одном из таких кабинетов в Раште. В 2008 году сюда анонимно обратилось 679 человек. Есть здесь и гинекологический кабинет, куда обращаются жены мигрантов.

«Ждущие Данаи» из таджикской глубинки – это молодые женщины, которые, проведя неполный медовый месяц, остаются без мужа в течение долгого времени, иногда и годами. Отсюда гормональные нарушения, женские и онкологические болезни. Жаль, что никто из многочисленных НПО республики еще не занялся исследованием этой проблемы, не обратил внимания на обратную сторону трудовой миграции – на больных жен, слаборазвитых детей. Уже сейчас в республиканском онкоцентре можно увидеть длинные очереди женщин к маммологам и женским онкологам.

ВЕЧНЫЕ РАБЫНИ

Жизнь мигрантских жен однообразна и похожа одна на другую. Буквально с того дня, когда девушку наспех выдают замуж за потенциального мигранта, она уже обречена на мучения. Свекровь, как только муж покидает дом, начинает относиться к ней как к рабыне, потому что ей некому пожаловаться: муж далеко, родной отец и братья – тоже в эмиграции.

– Муж уехал два месяца назад, я на восьмом месяце беременности, – рассказывает мне мать двоих детей Холида, поднимая тяжелое ведро с углем. – Кроме меня, в доме еще две невестки, но в мои обязанности, кроме всего прочего, входит смотреть за печкой, отапливать помещение. Уже в 4 утра, затемно, мне надо вставать раньше всех и топить.

РАДИ МЕШКА МУКИ

…Девочка Мавлюда, о которой мы рассказывали в начале нашего повествования, продолжать учебу после 9-го класса не хочет.

– Школа от нас очень далеко, в соседнем кишлаке. Каждый день ходить по крутым склонам, по снегу – сами знаете, как трудно, – делится она. – Не хватает учителей и учебников. Я хожу в школу только ради мешка муки в месяц, который получает за меня моя мама…

Кымбат КАЛЫКНАЗАРОВА
Кыргызстан
бывшая трудящаяся мигрантка,
в настоящий момент домохозяйка

ИНОГДА ТОСКУЮ ПО РОССИИ

фото Галины Петриашвили

как живут жены и дети мигрантов в таджикской глубинке

исповедь «понаехавшей»

Число прибывающих в Россию из Центральной Азии увеличивается с каждым днем. Конечно, они едут с целью найти работу. Российские власти говорят, что только в столице работает до миллиона иностранцев, хотя точной статистики нет. Среди них едва ли не половина – из Кыргызстана. Я много слышала о миграции, о расставании с домом. Раньше была уверена, что никогда не смогу принять такое решение. Но, как в народе говорят, жизнь прожить – не поле перейти. В конце 90-х годов впервые в жизни мне пришлось покинуть родную землю. Так сложилась судьба. Значит, зачем-то надо было мне это увидеть. Я хочу рассказать об этом. О моей жизни в могучей России на протяжении десяти лет.

НАЧАЛО

В то время было модно называть людей с клетчатыми баулами – «челноками». В их число входила и я. В незнакомой стране без денег – пропадешь. И я занялась торговлей. Работа тяжелая. По утрам заставляла брать в руки баул и мысленно говорила себе: «Терпи, не зря говорят, волка ноги кормят. А терпенье – мать ученья». И так каждый божий день. Сначала работала в Самаре, потом в Екатеринбурге, Новосибирске. Пугающий регион – Сибирь. Климат суровый. Температура резко меняется не только в течение недели, но и даже за одни сутки. Зима длится целых семь месяцев. А морозы порой достигают минус 55 градусов – одним словом, суровая зима и короткое лето. Но меня это не пугало. Я жила в Сургуте. Стояла на морозе и продавала свой товар. Законы были не такие жесткие, как сегодня. У тебя должна была быть временная регистрация, патент и уплаченные налоги – а там живи себе спокойно. В то время, если честно, особо не придавали значения слову «мигрант». Порядки для приезжих из Центральной Азии были в упрощенном виде. Местные жители подходили к нам, спрашивали, кто мы по нации, где наша родина. «А разве есть такой народ – «кыргызы?» – удивлялись они. Старались вспомнить географию, пожимали нам руки, говорили – мол, впервые видим живых кыргызов. Сейчас это уже смешно, потому что с тех пор не только на Сургут, но и на всю Россию обрушился поток мигрантов, в том числе и моих земляков.

КЫРГЫЗЫ НА ЧУЖБИНЕ

Кыргызы сегодня встречаются практически во всех городах России. Работают в торговле, строительстве, охранниками, дворниками. Работа разная, и зарплата тоже. Могут и вообще не заплатить. Можешь оказаться на улице, без средств к существованию. Некоторые навсегда остаются на чужбине, спиваются, теряются, пропадают. А кто-то возвращается домой без копейки.

За много лет, что я прожила там, насмотрелась разного. Многих мучила одна и та же мысль – что ради выживания они вынуждены были покинуть свои дома – возможно, навсегда. К сожалению, многие меняют свое гражданство на российское. Конечно, все упирается в заработок, деньги. Ведь без гражданства очень сложно найти хорошую работу. Мы просто вынуждены идти на такой шаг, и желающих обрести вторую родину – тысячи. Если честно, я тоже чуть не поменяла родной паспорт. Утешала меня одна только мысль, что завтра я обязательно уеду домой, в Кыргызстан. Так, со словом «завтра», прожила больше десяти лет. Не жалею, за это время я нашла много друзей – русских, таджичек, дагестанок… Они дали мне уверенность и поддержку. Знала – что ни случись, они всегда окажутся рядом.

НАРУШЕНИЯ ПОНЕВОЛЕ

Каждый раз, возвращаясь домой, я снова бежала туда, а вместе со мной и мой ребенок. Порядки становились все суровей. Сегодня на территории РФ без миграционной карты не обойтись. Без нее нам в России нет места. По новым законам, каждый мигрант должен иметь пластиковую карту, она дает право работать – три месяца со дня въезда. Пока не кончился этот срок, надо найти работу, иначе придется выехать обратно. Иностранец может продлить срок не более чем на один год. Для этого ему необходимо обратиться в ФМС. Если не обратился, то его ждет штраф, а иногда и депортация. Нарушителю может быть закрыт въезд до пяти лет.

Трудоустроиться не каждому по карману! К примеру, вот мои расходы на те документы, которые дают право находиться в РФ. Фотографии, документ, удостоверяющий личность, миграционная карта с отметкой пункта пограничного контроля, квитанция об уплате государственной пошлины за выдачу иностранному гражданину разрешения на работу. Всего я потратила примерно 18 тысяч рублей (или 25 тысяч сомов, или 600 евро). Это только на оформление документов. Кроме того, у меня есть расходы на жилье, на питание и на дорогу. Чтобы сэкономить хоть копейку, мы с ребенком сначала снимали только одну комнату. В итоге в течение 2-3 месяцев я кое-как восстанавливала израсходованные деньги. А за это время уже и срок регистрации заканчивается. Опять бежишь на границу Казахстан–Россия за новой миграционной картой. И все начинается заново. Из-за этих расходов почти половина трудовых мигрантов из Кыргызстана живут без временной регистрации. А это большой риск. Многие по дешевке приобретают фальшивые документы, чтобы хоть как-то себя обезопасить. Но это тоже нарушение закона.

БЕЗВИННЫЕ ЖЕРТВЫ МИГРАЦИИ

Так же тяжело и детям мигрантов. Ребенку нелегко разделять участь своих родителей. Это еще хорошо, когда отцы и матери успешно адаптировались в стране. А если нет? Многие ребята живут, не получая среднего образования. Тешут себя надеждой, что у них будет потом возможность выкупить школьный аттестат на родине. Конечно, больно и грустно слушать такое, но это чистая правда.

В России можно устроить ребенка в школу без проблем. Это я испытала на себе. Не требовали с меня российское гражданство. Лишь бы ребенок говорил хоть немного по-русски. Да и старание его должно присутствовать обязательно. На протяжении восьми лет я не видела никакого вымогательства. У них с этим строго. Я очень благодарна учителям, которые помогли моему ребенку адаптироваться в русскоязычной среде и дали знания.

СКИНХЕДЫ

Конечно, в России есть и свои минусы. Например, «скинхеды». В основном это происходит в день рождения Гитлера. Если честно, раньше такого не было. Это молодые, в основном лысые ребята, их цель – хотя бы один раз в год показать иностранцам, мол, кто в доме хозяин. Будешь сопротивляться – изобьют, могут и убить. Те, кто знает про этот день, стараются тихо сидеть дома и не выглядывать на улицу. Так случилось, что мне надо было на работу. На остановке подошли ко мне несколько ребят, среди них были и девушки, стали «докапываться». Мол, кто я, откуда родом, требовали открыть сумку. Сначала я не понимала всей серьезности, отвечала дерзко, а их становилось все больше. Они отобрали у меня сумку и с наглым видом ушли. Вечером соседи сказали, что мне просто повезло. Говорят, одну таджичку убили, на рынке у дагестанца отобрали весь товар. Это было страшно. Впрочем, страна менялась у нас на глазах. Четыре года тому назад в Москве был зарезан скинхедами якут Сергей Николаев, мастер спорта по шахматам международного класса. «Погасла шахматная звезда азиатского Севера России», – писали о нем красивые слова в некрологе. Но кто ее погасил? Бритоголовые скинхеды.

Мигранты стараются выжить. Несмотря на все тяготы, они все равно предпочитают оставаться там. Ведь у них есть хоть какая-никакая, но все же работа, деньги. И это дает им право на жизнь.

НИЩЕТА ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ

Сегодня, будучи уже дома, мне кажется, что я там оставила какую-то часть моего сердца. Бывает, что иногда тоскую по России. Она стала частью моей жизни, и какие бы трудности ни пришлось преодолеть, все же я люблю ее – такую, какая она есть.

Возвращение домой после долгой разлуки, в свою любимую страну, где ты родился и вырос – это непередаваемо. Душа твоя поет, радуется и немного дрожит. Наконец-то на родине! Но первое, что бросается в глаза, – это тусклые, усталые, безнадежные глаза людей. Везде – в автобусах, маршрутках, на рынках. Опять та же нищета, знакомая до боли безысходность. Что делать? Это моя земля, моя родина. Хотя и больно мне, но я люблю свой народ. И никогда в жизни не променяю его ни на какой другой.

Историю записал Асилбек Эгембердиев,
журналист из Кыргызстана

Тамара БАЛАВАДЗЕ
Грузия / США

НАШИ В АМЕРИКЕ

психолог и журналист, живет в Нью-Йорке

вся взрослая часть иммиграции сталкивается с главной проблемой – как быстрее и лучше устроиться на работу. И тут каждый вспоминает правило номер один: забыть кем ты был «там».

фото Галины Петриашвили

ДОЛЛАРЫ ОТСЮДА ТУДА

«Женских» дел гораздо больше, чем «мужских». Судите сами: ремонтно-строительная подработка нестабильна, особенно если у вас нет американской лицензии, да и грузчики не в ходу – механизировано все! Если вы хоть немного владеете английским, то можно, к примеру, в таксисты податься. Мне довелось однажды встретить необычного, удивительного. Его вежливость и интеллигентность потрясли с первых минут. Восторг вызвали два советских диплома, аккуратно приклеенных к лобовому стеклу и удостоверяющих степень кандидата технических и кандидата философских наук. Обладатель сразу двух PhD с грустной иронией признался, что впервые в жизни его дипломы «работают на него», а именно: пассажиры, обнаружив, что их везет дважды кандидат наук, щедро добавляют чаевые. «Так что, несмотря на то, что поздно приехал в Америку, на жизнь не жалуюсь».

Для женской части иммигрантов в США возможностей куда больше! Повсеместна и постоянна потребность в бебиситерах (нянечках, присматривающих за малышами). В детском парке, где я часто гуляла со своей подопечной (больше года и я проработала в этой должности), мне приходилось встречаться с землячками из Армении. Они заверяли меня, что нелегальные мигрантки из Армении в основном работают с детишками, грузинки же – с бабушками, при этом недоумевали по поводу моего бебиситерства.

Но, пожалуй, самой популярной и востребованной профессией является home attendant (работник по уходу за престарелыми на дому). Забота американского государства о пожилых потрясает своим размахом и гуманностью. Нередко на улице вы можете встретить весьма немолодую американку с красивой прической, даже в морозные дни с непокрытой головой, элегантно одетую, с ярким маникюром, прогуливающуюся под руку со своей home attendant. В основном это эмигрантки из Латинской Америки, Польши и стран бывшего СССР. Той же заботой окружены пожилые иммигранты, не проработавшие в США ни единого дня. Именно в таких случаях в работу включается армия русскоязычных home attendants. Многие, уже немолодые, приехав нелегально и получив официальный статус, отрабатывают положенные десять лет, чтобы заработать американскую пенсию, обеспечивая тем самым безбедную старость на Родине.

Моя знакомая Марина более семнадцати лет не видела своих детей и внуков в Тбилиси, все эти годы аккуратно поддерживая их материально. Она рассказывала мне, что счастлива, так как обеспечила свою старость в Грузии и не будет ни от кого зависеть.

Еще одна моя приятельница Лиана приехала в Нью-Йорк нелегально и вот уже двенадцать лет работает home attendant. Купила за это время детям квартиры, машины, и вот уже собралась было домой, так как очень соскучилась, но… сын попросил задержаться немного: купил, мол, земельный участок, надо бы еще немного денег, на дом… Она плакала и рассказывала, как сердце сжимается от обиды. Но – все же осталась зарабатывать на строительство.

Калбатони Мзия прекрасно говорит по-английски, работала в Грузии в каком-то министерстве, вышла на пенсию и поехала по гостевой визе в США. Десять лет обеспечивала детей и внуков. Наконец, собралась обратно домой, на родину, как вдруг внезапный обширный инфаркт. Американская семья, в которой она работала, ухаживая за бабушкой, помогла ей с госпиталем. Ей, нелегалке, заменили три сердечных клапана, провели дорогостоящее обследование. Это стоило государству 300 тысяч долларов США. Однако в Нью-Йорке существует закон о том, что, если в больницу попадает пациент, у которого стоит вопрос жизни, ему безоговорочно оказывают помощь, даже без страховки. Она поправилась, но лететь в самолете так далеко ей пока противопоказано. Добрые люди помогли устроиться компаньонкой в замечательной семье. Чтобы Мзия не скучала, для нее выписывают из библиотеки книги на русском языке. Она собирает деньги, чтобы не возвращаться на родину с пустыми руками. Таких душу щемящих историй об эмигрантках home attendant очень много. Некоторым так и не удается вернуться домой.

С Элиной из Украины мы живем в одном доме, познакомились в прачечной. Яркая и красивая, живая и общительная, с нескрываемой гордостью она рассказала мне о том, что работала вместе с супругом Софии Ротару. Многие музыканты пророчили ей большое будущее. «У меня голосище был сильнее, чем у самой Сони Ротару», – делилась со мной Элина. Но замужество, дети и переезд в США изменили ее жизнь. «Когда ухаживала за своими старушками, все время пела им украинские песни. Это были мои немногочисленные, но очень благодарные слушатели», – улыбается Элина.

Гульнара приехала из Ташкента. На родине она была проректором одного из престижных вузов, но дети уговорили ехать в Нью-Йорк. Учиться не пошла – возраст не тот, чтобы начинать с азов английский. Вот и влилась в ряды армии home attendant. Говорит, что обязательно вернется в Узбекистан, но непременно с американской пенсией. Бывшие студенты пишут ей теплые письма, Гульнара все время вспоминает свою работу, это согревает душу.

Очень многие home attendants – бывшие учителя и врачи, музыканты и математики. Нелегальный статус и незнание английского языка предопределяют их выбор. Облегчает ситуацию сознание того, что ты такая не одна, нас целая армия на

службе людям – и при поддержке государства. И самое главное, это дает возможность помогать родным и близким на родине. Последним порой невдомек – ценой каких усилий и воли зарабатываются доллары, которые так приятно получать из далекой Америки.

АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА АНЖЕЛЫ

Она жила в Ташкенте. Ей повезло с хорошими родителями и интеллигентной семьей. Получив престижное образование в Институте востоковедения и изучив два языка, молодая девушка начала свою карьеру не где-нибудь, а в Министерстве иностранных дел. Готовила информацию для первых леди о разных странах, в какие туда наряды одеваться, каким манерам учиться, о традициях и культуре. А мечта, как назойливый червячок, не давала покоя, прожигая маленькое сердечко, и в один прекрасный день она получила ЕЕ – долгожданную визу в США.

И здесь пора беспечности завершилась. Девушка, которую лелеяли мама с папой, оказалась одна в огромной стране, где у нее нет ни знакомых, ни родных. Знакомая-землячка, у которой девушка жила первые два месяца, преподала ей первый американский урок. Анжела обзванивала агентства в поисках работы, в ответ – молчание. Она уже потеряла всякую надежду и вдруг случайно узнала, что землячку-хозяйку просто устраивает бесплатный бебиситер, и она спокойно отказывает всем агентам, отвечая за Анжелу и уверяя, что уже нашла работу.

Второй урок был преподан в настоящей американской семье. Хрупкая миловидная «русская» home attendant приглянулась внуку бабушки, за которой ухаживала наша героиня. Он зачастил на уик-энды, каждый раз демонстрируя образец галантности и мужского изящества. В жизни Анжелы наступила долгожданная весна, а вместе с ней твердое убеждение попрощаться с девственностью. Последнее обстоятельство немало удивило и даже обескуражило нашего обольстителя, ведь девушке было 29 лет. Бабушка тепло относилась к Анжеле, почти как к родной внучке и члену семьи, баловала ее, возила с собой в рестораны… но в один ненастный осенний день просто легла спать и не проснулась. После похорон внук расплатился с девушкой, посоветовав подыскивать новую работу. На вопрос «а как же мы, наши отношения?» – обаятельно улыбнулся и ответил, что он не собирается жениться до сорока лет и НИКОГДА не приведет в дом невесту, у которой не будет хотя бы одного миллиона долларов.

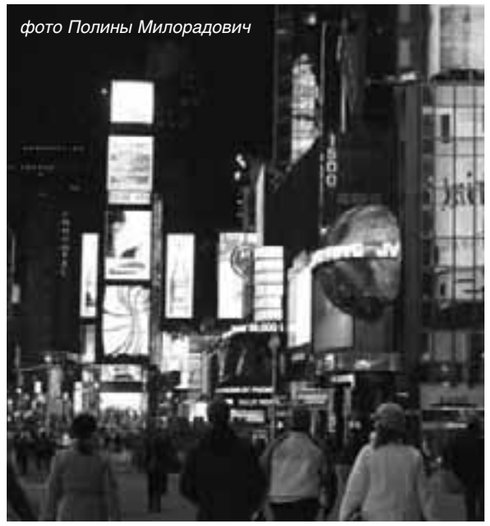
фото Полины Милорадович

А потом пришла настоящая любовь, муж, сынишка и третий урок разочарования. Она все время работала, хватаясь за любое дело. Муж не работал, и это как-то сразу насторожило. Когда без всякой причины начал бить и жену, и ребенка, жизнь стала невыносимой. Анжела терпела три года, а потом позвонила в полицию. И тут узнала горькую правду – бывший любимый муж оказался наркоман и шизофреник.

Мы познакомились с Анжелой в агентстве по трудоустройству. Маленькая хрупкая женщина в свои 38 лет она выглядит гораздо старше, и только все еще сохранившийся огонек в глазах выдает романтичную мечтательницу. Грусть в лице истосковавшейся по родным и измученной жизненными проблемами женщины просто потрясает. Родителей она не видела 10 лет. На мой вопрос «а если вернуться назад, как бы поступила?» – не задумываясь, ответила «все равно бы приехала, для сына в Америке гораздо больше перспектив, чем в Узбекистане».

Меня поразил один эпизод на тренинге, в котором мы участвовали. Его организовали, чтобы научить нас навыкам интервью и многим другим полезным вещам. Во время практического занятия наши шумные со-группницы «имитировали» устройство на работу в роскошный отель на позицию «housekeeper» (горничная). Они так горячо убеждали, что любят убирать, и наслаждаются, когда что-то чистят и моют, что поверила даже я. Когда настала очередь Анжелы, она, прожившая в Америке 10 лет, честно заявила, что не сможет сказать, что обожает убирать, но, поскольку ей позарез нужна работа, у нее маленький сын и есть соответствующий опыт, она уверяет, что будет делать все с полной отдачей и ответственностью. Результат был следующий: ей ответили: ребенок – это ваша проблема, и «нам не нужны люди, которые не получают от работы удовольствия».

8-го мая, в День матери, маленький сын Анжелы сделал ей подарок – нарисовал большой красивый дом, о котором она часто мечтает вслух. На рисунке их было двое – мать и сын, они стояли, взявшись за руки. 8-го мая они пошли в парк и отметили этот замечательный праздник, ее сын и она, Анжела, мужественная женщина, все еще не потерявшая надежду найти свою американскую мечту.

Правозащитник, глава комитета «Гражданское содействие», много лет защищает права мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев. В числе других экспертов работает над концепцией государственной миграционной политики.

Светлана ГАННУШКИНА: ЧЕМ ПЛОХА МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА? тем, что ее - нет

восполнит ли этот пробел новая концепция?

интервью

государство, слушай нас

– Вы считаете, что следует отменить временную прописку иностранным гражданам, учитывая коррупционную составляющую?

– Должна признать: десять лет назад было проще бороться с не соответствующими Конституции региональными нормативными актами. Тогда, например, общественная организация, минуя прокуратуру, могла пойти в суд, защищая определенную группу лиц. В 2000 году мы в Московском городском суде обжаловали правила регистрации, установленные областной администрацией.

– Чем аргументировали?

– Прямым противоречием закону о свободе передвижения, в котором четко сказано, что отсутствие регистрации не может вести к ограничению каких-либо прав. В данном случае, речь шла о конституционном праве на образование: школы могли отказать, если у родителей не было регистрации. Московский городской суд не полностью, но в значительной мере нас поддержал.

– Есть ли общий рецепт, позволяющий действовать с максимальной пользой?

– Чаще всего, проблемы, с которыми сталкиваемся, – не вопрос миграции, скорее – состояние государства и общества. Есть территории, где законы вообще не соблюдаются. Единственный способ кому-то помочь – методично добиваться своего, ни минуты не сомневаясь в наличии правовых возможностей. Если не получается на местах, действенными могут оказаться обращения в Конституционный и Европейский суды.

– Верите ли вы в то, что концепция миграцион-

ной политики, над которой работает правительственная комиссия, ответит на большинство горячих вопросов?

– Надеюсь. Напомню, работа над проектом концепции началась еще в конце 90-х годов. Затем, когда ФМС была передана в ведение МВД, очередной проект имел, скорее, ограничительный характер, нежели защищал права мигрантов. Из названия документа тогда ушло слово «политика», появилось – «регулирование» (каким образом регулировать и возможно ли это вообще, никто так и не понял). Когда мне задавали вопрос: «Чем плоха миграционная политика в России?», я говорила: «Тем, что ее нет». Последние полтора года над новым вариантом концепции работает вновь созданная комиссия. Обсуждаем горячие вопросы. Надо решить, например, каким образом устранить перекос, при котором основной темой миграционной политики стала борьба с нелегальной миграцией, как будто нет других проблем: убежища, гражданства и т. д.

– В чем, по-вашему, заключаются опасные тенденции в настроениях общества? В информации, которую нам предоставляют?

– В рассказах о том, что очень велик процент преступлений, совершаемых иностранцами. Часто в цифрах – прямая ложь. Опасно, когда представители власти говорят про «след мигрантов», «запах чужих» и т. п. Я как-то писала, что с таким обонянием на охоту можно ходить без собаки! Риторика провокаторов такова: не хотим, чтобы кто-то занимал рабочие места россиян (это притом, что приезжие занимают места, которые нас не прельщают), не дадим «понаехавшим» танцевать лезгинку. Но что же плохого в лезгинке? Если хотите, танцуйте чарльстон или краковяк!..

– В том, что людям приходится годами оставаться на положении нелегалов, зачастую не их вина.

– Это верно. Недобросовестному работодателю часто приходится делиться с теми, кто может воспрепятствовать наживе. Их интерес – нанять работника, из которого можно выжать все соки, превратить в шлак, заплатить копейки или вообще не платить, и, наконец, выбросить.

– Насколько важны для соблюдения прав мигрантов международные договоренности?

– Простой пример. Родина прав человека – Франция, одна из немногих, не присоединилась к рамочной конвенции «О защите национальных меньшинств», принятой в феврале 1995 года. Когда едешь в парижском метро, видишь, насколько высок процент людей с темным цветом кожи, с самыми разными чертами лица. Я попыталась спровоцировать молодых французов, своих коллег по правозащитной работе, вопросом: «Вас это не раздражает? Вам не хотелось бы, войдя в вагон метро, увидеть перед собой француза?» На что получила искренний, удивленный ответ: «Но ведь они – французы!» Задала очередной вопрос: «Тогда почему вам пришло в голову принять закон, запрещающий девочкам-мусульманкам ходить в школу в платках?..» Во время одной из акций протеста юная француженка возмущалась: «Девочка из гимназии, в которой учусь, покрасила себе волосы наполовину в зеленый цвет, наполовину – в желтый. Это, видите ли, свобода! Я надела маленькую косыночку, и мне сказали – нельзя?!» Откуда веет опасностью? У меня нет на это однозначного ответа. Понимаю только, что с новыми вызовами надо справляться. Желательно, не поодиночке – всем миром.

Вопросы задавала

Евгения Дылева, Россия

ЧЕТЫРЕ БОЛЬШИХ ПРОБЛЕМЫ

у людей, которые приехали к нам работать

Больше половины иностранных рабочих в России составляют сегодня выходцы из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана.

***Главным препятствием** на пути их интеграции в общество является позиция государства. А именно:*

– весьма жесткое, по сути, антимигрантское законодательство,

– масса подзаконных актов,

– беззакония, творимые милицией, ее безнаказанность.

***Вторая серьезная причина**, тормозящая процесс интеграции – это политика работодателей. Крупные компании блокируют упрощение легализации. Им не выгоден мигрант, имеющий четкий юридический статус, обладающий точно такими же трудовыми и социальными правами, что и российский работник.*

***Третья проблема интеграции** – замкнутость мигрантов в своем собственном кругу. Абсолютное меньшинство обращается за помощью к правозащитникам или журналистам. У них нет ни опыта таких обращений, ни времени на это. Зато есть привычка решать деньгами все проблемы, возникающие с властью, и доверять только своим (родственникам, землякам, близким друзьям).*

***И, наконец, четвертая проблема** – ксенофобия многих российских СМИ, целенаправленно создающих из трудящихся-мигрантов образ врага. Очевидно, что эта проблема непосредственным образом вытекает из первых двух.*

Александр Желенин,
руководитель Бюро журналистских расследований, Москва

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

КЫРГЫЗСТАН

КАК МАССАЖИСТКА ПЕРЕИГРАЛА ТРЕФФИКЕРОВ

фото Полины Милорадович, Грузия

риски миграции

Одной жалал-абадской женщине не везло с работой, хотя она была неплохим специалистом – массажисткой. Сама сельская, средних лет, крепкая, боевая, напористая. Но – не везет ей. Не везет с работой, не везет в любви. Совсем расклеилась и попала в больницу. И там она слышит некую историю о том, как одна учительница младших классов из райцентра поехала в Турцию и заработала так много денег, что уже строит себе двухэтажный дом. Но не ограничивается этим, а всем желающим дает бесплатные консультации – как и куда поехать, чтобы заработать столько же.

Понятно, что наша героиня ужасно обрадовалась и активно повела розыск чудесной женщины. Найти ее в небольшом городе не составило проблемы – и вот уже хозяйка двухэтажного особняка охотно дает советы и даже берется помогать нашей массажистке.

Она не забрала ее паспорт, а только переписала данные. Я вас найду, говорит. Действительно, через три дня к нашей массажистке подошли и сказали: завтра надо ехать. Поедете не одна, а с еще одной женщиной. Следуйте к узбекской границе, там вас встретят и дадут деньги на дорожные расходы, продолжайте путь до Ташкента, таксист отвезет вас прямо в аэропорт; ждите, пока объявят рейс на Стамбул; как объявят – идите в зал досмотра, там вам дадут билеты. В Стамбуле пересаживайтесь на Анкару – а там вас встретят.

Эта женщина никогда не бывала дальше Оша и Жалал-Абада, но она отважно выслушала инструкцию. Утром положила в полиэтиленовый пакет одежду и немного еды – и отправилась в путь. Ехать предстояло с девушкой, которая почему-то с ног до головы была одета в красное. На узбекской границе их встретила женщина, пересадила

в другое такси, но денег в руки не дала, а заплатила таксисту.

В Ташкентском аэропорту все произошло, как сказала жалал-абадская наставница – все сработало четко. В Стамбуле между рейсами их покормили. Поскольку эти женщины нигде не бывали и представления не имели о полетных процедурах, то особенно и не волновались. Им казалось, что это нормально, когда везде тебя кто-то встречает и куда-то провожает, и никто ни о чем не спрашивает. Система, в которую они попали, была настолько отлажена, что перемещала их сама. Как болванки на конвейере. Когда объявили рейс на Анкару, им просто кто-то помахал издалека – идите сюда, мол. Не скоро наша героиня поняла, зачем на ее спутнице яркий-яркий красный спортивный костюм, такие же кроссовки и кепка. На ее вопрос та ответила: дали организаторы. Массажистка удивилась: а почему мне не дали?

В Анкаре система продолжала работать четко. К ним подошел таксист и спросил: едете туда-то? Приехали, поднялись на пятый этаж – в офис, который их трудоустроит. Там их встретила женщина. Такая красивая, ухоженная и вся в бриллиантах – рассказывала потом наша героиня. Женщина сказала: примите душ, сейчас будете работать.

Спутница пошла куда указали, а массажистке не терпится приступить к работе, она не хочет никакого душа. Заходит в кабинет к красавице и говорит:

– Слушайте, я умею делать очень хороший массаж, давайте начнем прямо сейчас, прямо с вас? Вы сами убедитесь.

Та говорит:

– Вы что, какой массаж? Вы разве не в курсе?

И популярно рассказывает, для чего их привезли сюда. Разговор идет на узбекском, потому что они обе узбечки – жалал-абадская и турецкая.

Ошарашенная массажистка говорит:

– Я не могу делать это! У меня ребенок. Посмотрите на меня – я уже совсем не молода. Я не могу, не хочу. Меня обманули.

Та отвечает:

– Ах, так. Тогда верните все деньги, которые на вас потратили. Верните – и идите на все четыре стороны.

Массажистка говорит:

– Минуточку, что-то мне как-то нехорошо, пойду выпью таблетку.

Выходит и идет в душ, к попутчице, и говорит:

– Вымылась? А теперь слушай. Мы ужасно попались. Я буду бежать. А ты?

Та подтверждает, что намерена бежать тоже. Массажистка снова идет в кабинет и говорит:

– Я уже в возрасте, что за польза вам от меня? То, что я умею, принесет вам гораздо больше выгоды. Вы лучше посмотрите, какой массаж я делаю.

Та согласилась, и наша героиня сделала, вероятно, лучший массаж в своей жизни. Потом заботливо прикрыла одеялом: полежите и отдохните, и хорошо бы вам немного поспать. На цыпочках вышла из кабинета, прикрыла дверь.

Схватила свою попутчицу и ринулась на выход! Ключи были в двери, они тщательно закрыли ее снаружи и прихватили их с собой, а потом бегом по лестнице, по улице – бежали и кричали: «помогите!»…

Им показали полицейский участок, там они рассказали, что произошло, назвали адрес, отдали ключи. Между делом, видели, как машина с решетками привезла ту женщину в бриллиантах. Покончив с показаниями, их отвезли в аэропорт. Там им прочли лекцию, главный смысл которой был: не будьте же такими дурами! – у нас тут всех хватает, своих, – и нянек, и посудомоек, и массажисток…

Они поняли, что легко отделались, – паспорта при себе и даже есть обратный билет с открытой датой. Однако в аэропорту их не хотят регистрировать – это делается заранее и уж точно не в день прилета. Массажистка снимает золотые сережки, кольцо, протягивает регистраторше – на, сделай нам регистрацию, пожалуйста! Та отказывается. К разговору прислушивается стоящий рядом старик-турок. Он говорит:

– Я понял, что у тебя беда.

– Если можешь, купи мое золото, помоги! – хватается она за соломинку.

Он не взял сережки – заплатил за билеты просто так.

Сели в самолет, не верят своему счастью. Прилетают в Ташкент – и видят того же таксиста. Обрадовались ужасно: слава Богу, ведь мы тут ничего не знаем, вези нас обратно!

Денег нет, опять она достает свои сережки-колечки – таксист соглашается. По дороге рассказали ему о своих злоключениях. Приехали на границу. Таксист надоумил все рассказать пограничникам. Те говорят: так и поезжайте к той женщине, жалал-абадской, которая построила двухэтажный дом – пусть хотя бы заплатит таксисту, незачем тебе еще и свое золото отдавать. И вообще, посоветовал пограничник – возьмитесь за нее, ваше дело правое.

Поначалу они так и сделали. Однако владелица дома отделалась легким испугом, потому что девушка в красном передумала. По слухам, она даже стала сотрудничать с треффикерами.

А у массажистки все кончилось благополучно. Ей помогла неправительственная организация «Женщины-лидеры Жалал-Абада», в рамках совместной программы с Международной Организацией по миграции. Они убедили МОМ, что, несмотря на благополучный исход, эта женщина достойна поддержки. Ее стойкость и воля к победе достойны вознаграждения! Ведь она боролась и победила. Мини-грант помог ей снять в аренду помещение, купить массажный стол. И теперь она зарабатывает своей профессией. Дома.

Записала Галина Петриашвили, со слов Жанны Саралаевой (Кыргызстан, Жалал-Абад)

КАЗАХСТАН

ЦЕПКИЕ ЛАПЫ РАБОТОРГОВЦЕВ

Фарида и Асия испытали их на себе.

младшая сестра до сих пор остается в неволе

Молодой, необразованный, с финансовыми проблемами – такова во всем мире типичная жертва трафика людей. К сожалению, немало таких и в нашей области. Фактами массовой вербовки молодых южноказахстанцев занимается Правовой центр женских инициатив «Сана сезім». Подробности кошмарной жизни бывшего кассира московского магазина – в рассказе одной из обманутых девушек, которой чудом удалось бежать.

фото Полины Милорадович, Грузия

риски миграции

«ДОБРАЯ ТЕТЯ» МАМУРА

Четыре года назад сестренки Фарида и Асия остались круглыми сиротами. Мать умерла еще в 97-м. Отец – в 2006-м, девчонкам было по 17-18 лет. Их комнату в общежитии, которая осталась после родителей, навещали соседи. Помогали советом, едой, деньгами. Но средств все равно не хватало, тем более что старшая продолжала учиться в одном из шымкентских колледжей. Вот тогда-то и стала захаживать к девочкам Мамура – тоже соседка. Предложила работу в Москве: старшей – кассиром в магазине ее брата, младшей – няней. Обещала большую зарплату, на которую со временем можно будет купить квартиру, машину, оплатить обучение. Буквально на следующий день Фарида выехала в Москву. Несовершеннолетнюю сестренку привезли в столицу через неделю. С этого времени у девушек началась совсем другая жизнь. Увы, отличная от той, которую им обещала добрая тетя Мамура.

Полное одиночество и абсолютная беззащитность - это страшно

фото Полины Милорадович, Грузия

В МОСКОВСКОМ ПЛЕНУ

В магазине «Grand Nord – продукты», куда привезли сестренок, работали еще человек 10 – практически все из Южного Казахстана. Жили на двух складах, спали на полу без подушек, кормились просроченными продуктами. Кроме того, хозяева заставляли пить алкоголь. Кто отказывался – жестоко били, причем делали это остальные работники. Таковы были методы воспитания. При этом «пахали» с 6 утра до 2 ночи.

– Когда в магазин наведывались с проверками, нас прятали на складе. Оставались лишь те, у кого был российский паспорт, – вспоминает Фарида.

В том, что у хозяина неплохие связи с правоохранителями, девушка убедилась сама. Однажды ей удалось бежать. Это было зимой 2008 года. Она забежала в парикмахерскую недалеко от магазина, и одна из мастериц помогла ей доехать до ближайшего пункта милиции. Там она написала заявление, а еще через пару часов за ней приехал… хозяин магазина. За ее возвращение он заплатил ментам 1000 долларов. В тот день Фариду жестоко избили.

Иногда хозяева устраивали вечеринки, на которых девушек заставляли напиваться. Во время одной из таких попоек у Фариды случился сексуальный контакт с другом хозяина. В начале ноября у нее родился сын. Еще через три месяца девушку заставили подписать какие-то бумаги. Как оказалось, это было ее разрешение на вывоз ребенка в Шымкент. За попытку отказа – вновь избиение. Малыша увезли. В начале июня, во время очередной попойки, Фариде вновь удалось бежать. На этот раз ее заметили оказавшиеся в магазине земляки, которые и помогли ей. Дали денег (за все три года Фарида ни разу не получила зарплату), посадили в поезд.

В Шымкенте девушка вместе с соседкой написала заявление в РОВД. Через несколько дней к общежитию подъехали трое незнакомцев. Угрожали убить соседку, Фариду и ее ребенка. К тому времени ее малыша вернула дочь той самой Мамуры. Кто-то посоветовал отчаявшейся девушке обратиться в Правовой центр женских инициатив «Сана сезім».

А БЫЛ ЛИ «ПЛЕН»?

– Фарида пришла к нам за помощью в мае прошлого года, – говорит курирующий это дело социальный работник центра Раушан Худайшукурова. – Она была запугана, растеряна. Ребенок был в тяжелом состоянии, в 7 месяцев не держал головку, у него был рахит. Спасибо нашим врачам, малыша выходили. Девушке мы помогли снять квартиру, продолжить учебу. Сейчас вплотную занимаемся возвратом ее сестры.

Но, как оказалось, не все так просто. Согласно заявлению Фариды, было возбуждено уголовное дело. Однако спустя пару недель его закрыли… за отсутствием состава преступления. Сложно сказать, кто поработал над этим решением. Возможно, сыграли роль показания одной из московских заложниц, вдруг неожиданно появившейся в Шымкенте и утверждавшей, что никто их там насильно не держал, не бил. «При этом все тело девушки было в ссадинах, – вспоминает Раушан. – А то, что она запугана, читалось во взгляде».

Так или иначе, уголовное дело вновь возбудили. История повторилась и в Москве. В возбуждении уголовного дела там было сначала отказано. Сейчас ведется доследственная проверка. Резина тянется уже год. При этом правоохранительным органам известны фамилии, имена главных героев, адрес и название магазина, где до сих пор держат сестренку Фариды. По Шымкенту спокойно разгуливает Мамура, возможно, в поисках новых жертв. Остается только гадать, чем вызвана неторопливость госорганов обоих государств – Казахстана и России. Сотрудники «Сана сезім» будут обращаться к московским коллегам – правозащитным НПО. Ведь время в данном случае работает против заложников. В частности, против Асии.

Оксана Сивцова – по материалам Правового центра женских инициатив «Сана сезім» (Казахстан, Шымкент)

РОССИЯ – НЕ ДЛЯ БЕДНЫХ?

СВОБОДА ОТ КСЕНОФОБИИ

как категория экономическая, политическая, правовая

интервью с журналистом и общественным деятелем Лидией Графовой («Золотое перо России»)

– Лидия Ивановна, ваше имя прочно связано с темой миграции, вы ее олицетворение в российских медиа. Вы лидер Форума переселенческих организаций, член Общественного совета при ФМС, член Правительственной комиссии по миграционной политике, главный редактор нового замечательного журнала «Миграция XXI век», постоянный автор «Российской газеты». Вы – авторитетное лицо этой темы в общественной дискуссии. Расскажите, как и почему она стала для вас главной?

– Моя «зацикленность» на миграции началась с зимы 90-го, когда после бакинских погромов прибыли в Москву эшелоны армянских беженцев. Я просто принесла еду и вещи в Армянское постпредство, как и многие москвичи. Тогда жители столицы горячо сочувствовали беженцам, это позже появилась кличка «лица кавказской национальности». Они лежали прямо на мраморном полу в коридорах и вестибюле постпредства, старые и молодые, было много раненых, и у всех – тьма обреченности в глазах. Их было примерно триста – тех, кому не хватило места в гостиницах и пансионатах, куда спешно расселяли прибывших. Много тысяч сразу отправили в другие регионы. Конечно, я тут же написала заметку в «Литгазету» – она называлась «Не милости ради». Пыталась доказать, что государство, не сумевшее защитить этих людей, обязано обеспечить им, все разом потерявшим, условия человеческого существования. Тогда был Советский Союз, еще была иллюзия, что наше государство способно позаботиться о людях, пострадавших по его вине. Одна заметка, вторая, третья… А они продолжали жить на том же полу, начались вши, дизентерия. Стало понятно, что на нашу, бесплатно доставшуюся, свободу слова нам отвечают… «свободой» слуха.

– Большое разочарование. И тогда вам пришлось к слову добавить дело?

– Честно говоря, не раз хотелось бросить. Но их глаза. Это же бездна горя. Тогда, зимой 90-го, я возвращалась в свою квартиру с окнами на Кремль, ложилась в уютную постель, а они там, в каких-то 20-ти минутах ходьбы от того же Кремля. В общем, писать дальше было бессмысленно, но и забыть их я уже не могла. Идея создать общественную организацию появилась как выход из безысходности. Познакомилась на «Московской трибуне» со Светланой Ганнушкиной (она теперь известная право-

защитница), и в марте 90-го мы зарегистрировали первую в Советском Союзе общественную организацию, помогающую беженцам, – комитет «Гражданское содействие».

– Тема сильно изменилась. Беженцев заменили «гастарбайтеры». И отношение к ним поменялось диаметрально. Они «понаехали» и «заполонили» – Москву, Россию. К «понаехавшим» с легкостью относят и русских переселенцев. Ваша недавно изданная книжка «Страдания по гражданству» посвящена именно этой категории иммигрантов.

– В защиту трудовых мигрантов у меня тоже много статей. Они ведь, по сути, почти что беженцы, только бегут не от погромов, а от страшной нищеты, чтобы хоть что-то заработать и спасти голодающие семьи. И ведь России очень выгоден их дешевый труд. Директор ФМС Ромодановский говорил мне в интервью: на каждый заработанный мигрантом доллар в бюджет поступает шесть долларов. Да если мигранты из-за нашей мигрантофобии устремятся в другие, более милосердные страны (рабочие руки и в Европе нужны), у нас развитие экономики остановится, каждый россиянин станет хуже жить. Ну как можно до сих пор этого не понимать, когда трудоспособное население России сокращается на миллион человек в год?! Меня, конечно, возмущает наша неблагодарность и стыдно, что в России фактически существует «гастарбайтерское» рабство, но зациклилась я еще и потому, что убеждена: без мигрантов у нашей страны нет будущего.

– В книжке вы рассказываете, как в «нелегалы» попадают и русские переселенцы, которые возвращаются на историческую родину. Их муки по обретению гражданства – иллюстрация того, как власть относится к мигрантам вообще?

– Пожалуй, так. После распада Союза в Россию переселилось около 11-ти миллионов. Горько вспоминать, с какими муками перебирались они в Россию. Ну, тогда страна была почти нищей, теперь стала богаче, вроде бы власти опомнились – провозгласили программу содействия добровольному переселению, оплачивается переезд, в некоторых регионах подъемные. Как мечтали первые переселенцы, чтобы родина их позвала! Но вот парадокс: по госпрограмме за три года приехало всего 30 тысяч человек, а самостоятельно за то же время в десять раз больше. Бросают все нажитое, за гроши продают жилье, а в России – жизнь с нуля… Да они потому отказываются от госпрограммы, что это, по сути, – оргнабор: все привязано к рабочему месту, ехать можно только туда, куда пошлют. Сначала было 12 «пилотных» регионов, теперь 25. Но эдакий «гулаговский» дух остался. Вот Минрегион разработал новую концепцию этой программы добровольного переселения: пусть не дают подъемных в обжитых местах, но зато пусть будет у человека свобода выбора – чтобы вся Россия стала территорией вселения… Так нет же, тормозится эта хорошая новая концепция. Дело в том, что главная «фишка» программы – ускоренное получение гражданства. И тут наше государство, прошу прощения, как собака на сене. Это уму непостижимо: Россия вымирает, а переселяющиеся вне программы соотечественники (с 2002-го все они, согласно закону, стали «иностранцами») должны выпрашивать гражданство РФ как милостыню – от пяти до семи лет приходится обивать пороги миграционных служб. Столько тут взяткоемких ловушек придумано! И попадают в них, как ни странно, в основном русские и русскоязычные «иностранцы»! В книжке «Страдания по гражданству», о которой вы упомянули, есть, например, история про молодую телятницу, которая накануне развала Союза уехала было из родного калужского села в Украину, к мужу, потом вернулась (уже с двумя сыновьями) в это самое свое село, но стала теперь «иностранкой». Не было ее, понимаете ли, в России, когда распадался Союз, а теперь нет прописки. Никак не может получить эту проклятую прописку, которая называется теперь регистрацией, но крепостническая суть осталась. Так вот, бабушка отказала ей с детьми свою избу, но изба эта такая ветхая, что ее не хотели считать жильем. Не прописывали там мать с детьми и потому не подпускали к гражданству. Больше десяти лет маялись они в «нелегалах». Сын с красным дипломом техникум закончил – ему этот диплом не давали. Да сколько я писала о таких трагедиях! Это какая-то дурная бесконечность. Если так издеваются над русскими, которые возвращаются на свою единственную родину, чего ждать нерусским? Ну как с этим безобразием смириться?! А ведь мигранты – не устану повторять – могут стать спасением для вымирающей России. И национальность тут ни при чем.

– Однако есть некая обида русских в России – на нерусских. Я сейчас не про переселенцев, а про «оседлое» население. Есть напряженность и беспокойство. Я сужу по социальным сетям. Там люди очень откровенны. Они боятся поглощения русского – нерусским, скажем так.

– Это трудный и долгий разговор – про обиды русских, которые мучительно ищут свою идентичность. Почти в каждом из нас есть какое-то смешение кровей, но разве по крови определяется родина? Вот в нашем «Форуме переселенческих организаций» большинство, конечно, русские, но есть и армяне, осетины, таджики, много украинцев – так они, нерусские, просто вскипают, если кто-то начинает ругать Россию. В то же время, когда приходится выпрашивать гражданство как милостыню для таких «нелегалов», как моя телятница, а тебе отвечают, что по закону она иностранка, мне самой хочется спросить: «Если Россия даже не для русских, то для кого же она?» Впрочем, ответ известен: сегодняшняя Россия готова принимать только богатых. А люди, как просто люди, нашему государству совершенно не нужны. Знаете, у нас человек – это ничтожная пылинка под гусеницами танков. Не могу избавиться от этой «метафоры», я ее остро прочувствовала, она как бы вонзилась в сознание со времени моих поездок на чеченскую войну. В этой нашей «пылинскообразности» для властей все и дело. Отсюда и протест русских, которые чувствуют, что у них как бы отнимают родину. Люди видят, что у нас продаются богатым приезжим целые кварталы, доходные места, высокие должности, да то же гражданство можно хоть за сутки купить. Но разве сами «понаехавшие» себе Россию продают?

Действительно, слишком многое упирается в коррупцию. Однако же есть какой-то опыт – и наш бывший советский, и мировой. Есть страны, свободные от государственной ксенофобии.

Вот в Америке, где сравнительно недавно зверствовал куклус-клан, были суды Линча, сегодня темнокожий президент. Наверное, американцы в какой-то момент поняли, что подошли к краю пропасти. Кровавой. И круто, может быть, даже слишком круто, стали насаждать ту самую толерантность, а потом она превратилась в национальную гордость. Соединенные Штаты имеют право гордиться тем, что все их разноцветные граждане чувствуют себя равноправными американцами. А когда наши «Наши» и «Местные» (подумать только, какая мина заложена в сами эти названия) кричат, что они русские, а кавказцы (кстати, тоже законные российские граждане) пусть убираются вон – это страшный позор. Нет, еще хуже – это взрывоопасная бомба под Россию.

– Коррупция, обывательская ксенофобия как настороженность к любому «другому», общая незащищенность людей и желание найти «крайнего» – все это присутствует. Плюс масс-медиа, которые все время охотятся за жареным. Как в этих условиях можно охлаждать страсти?

– Самое главное – их не разжигать. Тут приходится устыдиться за многих коллег-журналистов, которым плевать, как наше слово отзовется. Возбудить в людях дурные чувства очень легко, а вот чтобы побудить к добру – это требует труда и компетентности в том, про что пишешь. Вот путешествует сегодня в СМИ миф о том, что якобы 50 процентов преступлений совершают мигранты. Ну как тут местным мигрантов не возненавидеть? Между тем, доподлинно известно, что мигрантская преступность составляет не более 3,8 процента от всероссийской. В Москве, конечно, больше, ведь в столицу наши вчерашние сограждане едут по старой памяти и находит же большинство себе работу. Правда, из-за произвольного урезания квот многие законопослушные вынуждены работать нелегально. Но в самый богатый город страны едет поживиться и криминальная братва. Со всех концов России – законные, кстати, россияне. Кто разбирался, какой процент приходится на трудовых мигрантов? Вот даже министр Нургалиев говорит, что основная часть преступлений мигрантов – это незаконные документы.

– Но есть же в России и здоровые силы. Все же состоялся митинг против ненависти, были и еще кое-какие акции.

– На митинг вышло слишком мало москвичей – около 5 тысяч. Если бы после безобразий на Манежной такой митинг объявила не оппозиция, а, допустим, мэр Собянин, на улицы вышли бы толпы. Когда в одной из европейских стран убили женщину-мигрантку и манифестацию возглавил президент страны, там вышло, кажется, несколько миллионов. Да что говорить? У нас очень многое в общественном настроении зависит от власти, как она формирует отношения между людьми и какой пример сама подает.

– Лидия Ивановна, ваша, как вы говорите, «зацикленность» вызывает большое уважение. Вы демонстрируете силу и глубокую мотивацию. Ваша общественная активность помогает вам как журналисту?

– Вообще-то, работа с мигрантами (а я занимаюсь этим вот уже 20 лет), конечно, мешает работе журналиста. Сковывает свободу. Ведь приходится все время, что называется, наступать себе на горло: вот раскритикую я на чем свет стоит какого-то чиновника, а завтра мне к нему же идти просить за кого-то из моих подопечных. Ведь каждый день в моей электронной почте – несколько писем-SOS. Но в то же время правозащитная деятельность придает, наверное, веса моим статьям. Думаю, если бы я была просто журналистом, не стал бы тот же директор ФМС Ромодановский, которого я весьма часто критикую, говорить, что мои статьи оказывают влияние на миграционную политику. Правда, иногда подступает отчаяние. Вот пример: уже десять лет, с тех пор как приняли новый, жест-

кий Закон о гражданстве и сотни тысяч наших переселившихся в Россию соотечественников остались без определенного правового статуса, я пишу и говорю с разных трибун о необходимости иммиграционной амнистии для этих «нелегалов поневоле», но добиться этой крайне необходимой акции никак не удается. Такие «амнистии» (легализацию мигрантов упрощенным способом) регулярно проводят многие западные страны, а наши власти все чего-то боятся, мучают людей, вынужденных жить в совершенном бесправии. Сегодня многие ответственные лица уже осознали, что необходимо как можно скорее легализовать людей, которые давно у нас живут и никуда ведь от нас не денутся. А виноваты они в чем? Только в том, что потеряли или неправильно оформили какие-то бумажки! Да, чиновники уже соглашаются с правозащитниками, но института легализации, как такового, в нашем миграционном законодательстве по-прежнему нет. Как с этим абсурдом смириться? Но что поделать – если не удается помочь сразу многим, добившись той же амнистии, приходится утешаться теорией малых дел: поможешь хоть одному человеку – уже счастье.

– Вы чувствуете себя счастливым человеком?

– Знаете, когда вхожу в кабинет к какому-то чиновнику, он, наверное, понимает, что я не просто журналист, а за моей спиной – как бы точнее сказать? – да, толпы переселенческого народа. Все-таки что-то да значит, что вот уже 15 лет работает «Форум переселенческих организаций», общественное движение, которое я бессменно возглавляю. «Форум…» – пожалуй, главное, что мне удалось в этой жизни сделать, создать… В начале 2000–х, согласно анкетированию, в состав «Форума…» входило 267 общественных организаций, созданных мигрантами в 53-х регионах России, и объединяли они около двухсот тысяч (200000!) человек… Вот какая была у меня армия, и чем только ни приходилось заниматься. Начиная от помощи переселенцам в строительстве компактных поселений (это была такая трагическая эпопея) до устройства кого-то в институт, в больницу, в роддом, потом с новорожденным брать к себе домой. Много разных мигрантов прошли через наш дом (спасибо моей терпеливой семье). Во время чеченской войны долго жила у нас Варвара, маленькая, аккуратная старушка, она все время плакала по своей разбомбленной квартире в Грозном. Потом года два жила девушка Карина, она собиралась было перебраться в Польшу, к брату, но вернулась в Чечню, и теперь у нее двое детей. Да разве перечислишь всех «форумцев», которые стали буквально родными. Это самое драгоценное мое богатство.

За прошедшие годы большинство наших переселенцев, разумеется, интегрировались, но многие лидеры «Форума…», не имея никаких грантов, сохраняют свои организации и активно помогают новоприбывающим (теперь это в основном трудовые мигранты). Наших переселенцев недаром же называют «другие русские». Долго жившие на Востоке, они привезли с собой оттуда много добрых традиций и стали носителями двух культур. Они хорошо понимают так называемых «гастарбайтеров» и лучше, чем кто бы то ни был, помогают им адаптироваться, устанавливать контакты с местным населением. Вот уж кто поистине свободен от ксенофобии.

Вопросы задавала Галина Петриашвили

..свобода от ксенофобии и чувство юмора! несмотря на все проблемы

Фото Галины Петриашвили

ТАДЖИКИСТАН

ЕЩЕ ТРИ СЮЖЕТА

МАВДЖИГУЛЬ

Будучи в командировке в Москве, мне довелось побывать в гостях у наших мигрантов. Маленькая, старая двухкомнатная квартира на окраине города, метро «Юго-Западная». Восемь женщин живут в одной комнате, в другой расположились человек десять мужчин. Осматриваюсь вокруг: несколько старых матрасов, много баулов и одна кровать, которую заняла молодая девушка из Дагестана. Знакомлюсь с ней и ее мамой – они тоже приехали на заработки, но им легче, потому что они россиянки. Остальные – наши землячки. Приходит Мавджигуль – высокая, миловидная, голубоглазая женщина лет 42-45, она из Курган-Тюбе, где работала акушеркой. У нее муж и четверо детей. Она много лет работала в роддоме, зарплата была небольшой, но ей часто перепадали подарки и деньги от благодарных рожениц. Муж хороший человек, но не умеет зарабатывать. Дети стали подрастать. Старшему сыну пришло время поступать в институт, поэтому она решила поехать в Россию, заработать. Но теперь поняла, что Россия – не место для порядочных женщин. Почему?

По ее словам, сами таджики относятся к своим соотечественницам непорядочно, в каждой видят живой товар. «Когда мы жили на другой квартире, ко мне стали приставать мужчины. Когда я рассказала об этом своей подруге, она лишь улыбнулась в ответ: «Это тебе не родина, ко всему надо привыкать… ». Знаете, невозможно представить, сколько таджичек подвергаются насилию здесь, в России, – наши же земляки стали причиной того, что к ним относятся как к проституткам». Мавджигуль вскоре порвала с подругой и переехала сюда, где ее уважают из-за возраста и называют «апой». Работает на овощной базе фасовщицей. За работу ей и ее подругам из Таджикистана платят меньше всех – по 7 тысяч рублей в месяц. «Это в то время, когда мы работаем наравне с молдаванками и украинками, которым платят по 10-15 тысяч», – возмущенно рассказывает она. – Что мы, люди второго сорта?».

Мавджигуль разочарована. «От наших мужчин то и дело слышу оскорбления: «Эй, ты, где твои платок и штаны?» Это по поводу того, что я хожу здесь в юбке и кофте, – объясняет она и продолжает. – Однажды мне это все надоело и я сказала: «Пожалуйста, я буду надевать национальную одежду, а вы будете каждый раз платить «сагпули» (дословно с таджикского – деньги собакам)».

Я прошу ее разъяснить, что это такое. Она объясняет, что это подачка для милиционеров, которые ловят таких, как она. «Не проще зарегистрироваться и ходить себе спокойно?» – переспрашиваю я. «Все равно не получится, работу не получишь без прописки, прописку без постоянной работы – короче, круговерть какая-то», – с досадой говорит она. Спрашиваю, почему не возвращается домой. «Не могу собрать на билет – еда, квартира дорого обходятся, при этом нужно постоянно платить за «просроченную миграционку» – милиционеры на каждом шагу ловят. И еще – стыдно возвращаться домой ни с чем – хотя бы подарки надо родным купить…» Работу в роддоме она потеряла безвозвратно, поэтому не представляет, где может работать в Таджикистане после приезда.

МЕХРИ

Мы сидим за кухонным столом в квартире ее старшей сестры в Душанбе. Мехри лет 30-35. Короткая стрижка, брюки, спортивка – у нее стройная фигурка, я никогда бы не подумала, что когда-то она надевала длинные национальные платья, штаны и никогда в жизни не снимала с головы платок. Трясущейся от волнения рукой берет сигарету и закуривает. И начинает свой грустный рассказ. Её рано выдали замуж. Родились двое детей – мальчик и девочка. Они жили небогато, но спокойно. На кусок хлеба хватало. Пока однажды муж не сообщил, что задолжал 500 долларов, это были большие деньги для них… Муж не хотел бросать свою работу и отправил ее вместе с другими женщинами торговать сухофруктами в Екатеринбург. У самой Мехри желания ехать в чужую страну не было, ведь она даже за пределы кишлака не выезжала. Женщины, привезшие ее с собой, разбрелись кто куда. Она долго искала работу, пока не нашла место судомойки в столовой. Начала собирать деньги, чтобы расплатиться с долгами, но их не хватало: нужно было платить за угол, миграционную карту, теплую одежду. И тогда земляки предложили хороший разовый заработок – стать наркокурьером. Всего один раз. Когда получила свою долю за операцию, сразу отправила домой долг и взяла билет домой. Но на следующий день ее поймали и посадили на 7 лет.

…Муж объявил на весь кишлак, что жена умерла в России. Дочь отдал теще на воспитание, сына оставил с собой и женился вторично. Когда Мехри позвонила из тюрьмы и сообщила, что возвращается, ей дали понять, что она никому не нужна. Поэтому она осталась в Екатеринбурге. После долгих мытарств и мучений, наконец, ей повезло. Сейчас она работает домработницей у одного «нового узбека», сделавшего успешную карьеру в России. Зарабатывает неплохо; по ее словам, почти всю зарплату посылает маме. Мехри живет

на даче хозяина, еда и жилье – бесплатно, не надо тратиться на транспорт и одежду, трястись при виде «ментов», к тому же хозяева наведываются на дачу редко, поэтому она не обременена работой. Единственное, что ее тяготит, – это разлука с детьми, родными. Недавно поехала на родину, но не решилась навестить отчий дом. Здесь охотно принимают ее денежные переводы и подарки, но не ее саму. Поэтому она остановилась в квартире своей сестры, куда «на свидания» привозили ее дочь, которой уже 14 лет. Девочка никаких чувств к матери не испытывает, считая ее чужой, но за дорогие подарки ей благодарна. А сына ей за эти годы так и не удалось увидеть – муж не допускает встречи.

МАСТОНА

Она – врач, 45 лет. Одна воспитывает троих детей. В Душанбе ей платят 40 долларов в месяц. У нее солидный рабочий стаж, когда-то даже занималась научной работой. Поэтому ее приняли безоговорочно в состав медработников, выезжающих в Афганистан.

Афганские представители сами приехали в Душанбе, собрали необходимые документы и в назначенный час переправили делегацию из 20 человек через Нижний Пяндж в Мазори Шариф. Там делегацию радушно встретили, посадили в машины и повезли в Кабул, устроив в лучшую гостиницу. Но потом… «Мы находились как в заточении – представители афганской стороны, под предлогом нашей личной безопасности, не разрешали выходить из гостиницы, встречаться с кем-либо, и самое главное – звонить домой. «Вот тогда у меня появилось первое подозрение, – рассказывает апаи Мастона, – мы потребовали аудиенции у нашего посла в Афганистане». Но хозяева уговорами и обещаниями успокоили их, а через несколько дней отправили в одну из дальних провинций.

С ними обращались неплохо, не грубили и не применяли физического насилия. Они работали в американской клинике (так в Афганистане называют больницы, построенные на деньги международных организаций), и им платили по 700 долларов в месяц. Проработав 5 месяцев и не получив разрешения хотя бы позвонить домой, моя героиня и ее две коллеги кое-как, окольными путями, вернулись на родину. Уже позже они узнали, что каждый наш медик приносит такой группировке по 20 тысяч долларов в месяц, хотя хозяева платят копейки. По рассказу Мастоны, им бы пришлось еще долго гнуть спину в рабстве и непонятно, чем бы это кончилось, если бы не талибы, взорвавшие больницу. Теперь моя героиня благодарит Бога за то, что так легко отделалась, хотя без вмешательства таджикского посольства в Кабуле, ей вряд ли удалось бы вернуться.

…В очередной раз жду во Внуково рейса на Душанбе. Потихоньку наблюдаю за двумя женщинами. Женщины, посовещавшись, достают документы, а к ним и деньги. Пронесло! Их билеты возвращают из-за перегруза. Снова ловкость рук, и молодой мужчина берет «на лапу» российскую тысячную купюру, пропускает их. В автобусе, который везет нас к самолету, одна из женщин не выдерживает, взрывается:

– Надоело! Все надоело! Копишь месяцами эти проклятые деньги, чтоб потом ни за что раздавать их?!

– Зачем даете, ведь нужно знать свои права.

– Эх, ападжон, вы не мигрант, не знаете, как трудно работать здесь женщинам, – вмешивается в разговор другая и показывает свои руки, – посмотрите на мои пальцы, в каком они состоянии, моя работа на комбинате связана с водой и кислотой. Мне так трудно достаются эти деньги, а тут на каждом шагу – милиция. В порядке у меня документы или нет – никого не волнует, я женщина-таджичка, поэтому заранее виноватая. Если с обычного гастарбайтера сдирают тысячу российских, то с меня возьмут две. Такова наша доля… – она все причитала, ее голос становился все тише и тише. Никто его уже не слышал, кроме нее самой.

Манижа Курбанова (Таджикистан, Душанбе-Москва)

фото Галины Петриашвили, Грузия

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ

Анна ЯКОВЛЕВА

Россия

философ, культуролог, редактор, журналист. Кандидат философских наук, имеет более 500 авторских публикаций в научных и популярных изданиях

Татьяна Мамонова: ФЕМИНИЗМ – ЭТО Я

Поэт, журналист, режиссер, признанный лидер движения unisex. Была выслана из Советского Союза за активное распространение своих взглядов на права человека и за связи с международной общественностью. В 70-е годы выпустила самиздат-альманах «Женщина и Россия», за что подверглась давлению. После изгнания жила в Вене, Берлине, Париже. Затем была приглашена в США Гарвардским университетом как исследователь. Прочла лекции более чем в 100 университетах и колледжах по всему свету.

Сегодня издает Альманах «Женщина и Земля», который является международным продолжением «Женщины и России».

ЛИЧНОСТЬ

…И выслали её в Вену, рассказывала я подруге. Эх, хорошее место для отбывания каторги, я бы не отказалась, встрепенулась она. Ну, это как сказать. Речь шла о Татьяне Мамоновой, лишённой гражданства и высланной из СССР 20 июля 1980 года – власти боялись ее деятельности во время Олимпийских игр – за создание и распространение совместно с коллегами самиздатовского альманаха «Женщина и Россия».

Авторы были не диссидентами, не порнографами – всего лишь, в отличие от парадных «Крестьянки»

фото из архива Татьяны Мамоновой

Russian feminist pioneered struggle for women's equality in homeland

Пресса мира много писала о выдворении Татьяны из Советского Союза

и «Работницы», рассказывали о реальной жизни советских женщин: в каких условиях рожают, каково быть матерью-одиночкой и что делается в Домах ребёнка. Сегодня Татьяна живёт в Нью-Йорке, она профессор Гарвардского и Мичиганского университетов, издаёт три журнала: «Женщина и Земля» (выходит на 11 языках), Succees destime и Around the World, одна из лидеров мирового феминистского движения, объездившая с лекциями полмира, художница, поэтесса, прозаик, теперь нередко бывающая в родном Питере. Спортсменка, умница и просто красавица. Она могла бы принять французское или американское гражданство, но не стала – надеется на возвращение российского.

«Второй культурой» называли андеграунд, участников самиздата и тамиздата, в отличие от «первой культуры» – официозной, и деятельность Мамоновой, казалось бы, должна быть квалифицирована именно так. Но… По свидетельству одной из участниц событий, вторая культура приняла альманах в основном хорошо. В политическом диссидентском движении, однако, приветствовали инициативу в основном мужчины; правозащитницы же брезгливо пожимали плечами: мы тут занимаемся серьёзными вещами, а вы – про роддома, церковь, детские сады, пионерские лагеря, матерей-одиночек, семейный быт… Что поделать: борцы всегда в чём-то похожи на тех, с кем борются. Мужской шовинизм был характерен для всего советского общества, и те правозащитницы были его порождением.

Татьяна Мамонова работала литконсультантом в журнале «Аврора», писала рецензии, делала переводы со славянских языков, потом – с французского: Превер и Эльза Триоле (притчи) в её переводах были частично опубликованы. Став единственной женщиной – участницей одной из первых ленинградских художественных нонконформистских выставок, поняла: сексизм был болезнью и многих её коллег-мужчин. Так что российский феминизм с полным правом можно назвать третьей культурой.

Редколлегия альманаха «Женщина и Россия» вскоре раскололась по идейным причинам: Татьяна и некоторые её сотрудницы считали, что издание должно иметь светский характер, другие настаивали на православной идеологии. Так или иначе, но из страны выслали представительниц разных «лагерей». Репрессии КГБ и успех альманаха на Западе во многом определили судьбы членов редколлегии. Вместо образа счастливой советской женщины авторы создали совсем иной образ – женщины дискриминируемой, унижаемой, на каждом шагу лишаемой человеческого достоинства.

– *Татьяна, когда вы стали феминисткой?*

– Я ею родилась. Это я так горько смеюсь. Отец был юристом – и алкоголиком, он сделал моё детство очень суровым. На самом деле он всё умел делать, в том числе исполнять и так называемые женские обязанности, и в другом обществе он бы стал иным человеком. Он мог сам стирать и гладить, хвалить меня за ум, но тривиально следовал законам патриархатного общества во всём другом. Мама была бухгалтером – и модельером: она обожала математику (мои стихи иногда называют «высшей математикой») и красивую одежду, которую сама же и сочиняла. Она очень любила меня в раннем детстве и принимала патриархат как нечто неизбежное – увы, это убеждение многих российских женщин. Но, когда родился брат, по настоянию отца меня отдали в интернат, и это стало моей первой психологической травмой. Меня тянуло к спорту, и я много им занималась: велосипед летом и коньки зимой, даже стала чемпионом школы по скоростному катанию, – а родители гнали меня на кухню и усаживали за швейную машинку. Это вызывало у меня яростный протест. Между прочим, брат всегда тянулся к кулинарии и шитью, но от таких «немужских» занятий его всячески оберегали. Запихивание ребёнка в прокрустово ложе патриархатной культуры калечит и девочек, и мальчиков.

Родители развелись, когда мне было пятнадцать, и я поддержала это мамино решение. Уже в Нью-Йорке вместо отчества я взяла «мамчество», матриним: Татьяна Валентина, или Татьяна Валентиновна (Валентиной звали мою маму). Свои обиды на родителей я изжила, решив взять от них лучшее: любовь к поэзии (отец писал стихи) и мамину артистичность: мои костюмы часто привлекают внимание даже на Бродвее. Но замуж выходить я никогда не хотела, насмотревшись на отношения родителей и прочувствовав на себе боль детей, вырастающих в таких семьях.

– *И что же, никогда не влюблялись?*

– Конечно, влюблялась. Моё увлечение одним нежным одноклассником можно назвать классическим примером первой любви. Но когда он протянул мне при всех флакончик духов в подарок, я убежала: была болезненно застенчива.

– *Но ведь вы замужем…*

– Да, судьба поймала меня на уговоры другого нежного юноши. Но он был на шесть лет младше меня и не мешал моей самостоятельности. Хотя и ему не удалось избежать традиционной мужской российской беды – алкоголизма. С мужем мы остались лишь творческими соратниками. Но у меня есть и сын. В Америке и муж, и сын взяли мою фамилию в женском звучании: Mamonova.

– *Откуда растут корни вашего свободолюбия – кроме постоянного сопротивления навязываемым ролям дома и в школе?*

– Времена моей юности – это либерализация в стране, битлы, твист, мы получили доступ к лучшим мировым фильмам (Феллини, Бунюэль, Бергман), книгам (Ремарк, Фейхтвангер, Арагон), на прекрасные выставки и театральные постановки бегала постоянно. Сложности и обиды, конечно, бывали, но у меня есть секретная терапия – дальние поездки. На поезде только на Камчатку ездила не раз через всю Сибирь… Увлекалась буддизмом, йогой, философией дзен…

– *Да, Восток тогда пришёл на Запад и в Россию…*

– Но любую религию я считаю манипулятивным инструментом, хотя я толерантна к вашим православным убеждениям.

– *Как вы пережили высылку из страны – как изгнание или обретение?*

– Оставаться тогда в России было бы самоубийством. Власти назвали мой альманах идейно вредным и тенденциозным. Я понимала, что это только начало… Оторванность от родины болезненна, но свобода тоже кое-чего стоит. Это смешанное, противоречивое чувство не оставляло никогда, хотя, объявив меня лидером женского движения, мне облегчили решение некоторых задач на чужбине. Поддержал Толстовский фонд, предоставил жильё, устроил международную пресс-конференцию, и тогда посыпались приглашения, что дало мне возможность объездить с лекциями и выставками весь мир. У меня много наград. А в Гане мне подарили землю – от одной горы до другой. Я пока не знаю, что с ней делать, но приятно, что даже где-то в Африке у меня есть своя земля. А вот российское гражданство мне до сих пор не вернули. Оказывается, самый страшный враг России – не обычные диссиденты, а феминистка…

– *Каковы ваши впечатления от заграничной жизни?*

– Реалии капитализма оказались куда более жестокими, чем это представлялось. Сами Соединённые Штаты подчас кажутся гигантской коммуналкой. Всё обнажено, всё на виду, как помойка, вынесенная наружу.

Так называемый индивидуализм оборачивается элементарным жестоким эгоизмом. Как поспешно усвоили у нас всё дурное с Запада: алчность вместо взаимопомощи, конкуренцию вместо дружбы и т.п. А позитивные свойства Запада, такие, как вежливость и ответственность, пока не очень привились в нашем быту. И мои впечатления от родов в советском роддоме не слишком отличаются от опыта по удалению желчного пузыря в клинике Коннектикута: хотя у меня была медицинская страховка, меня «попросили» из палаты почти сразу после операции, несмотря на то, что держались высокая температура и давление. Эти два с половиной дня в клинике стоили мне 25 тыс. долларов. Но западный опыт дал мне многое. Есть такой принцип: если хочешь достичь успеха, делай то, чего больше всего боишься. И он оправдывается. Например, в школе я чувствовала себя скованно, поскольку приходилось решать не детские проблемы, боялась выходить к доске – теперь выступаю перед огромными аудиториями и сама вызываю студентов к доске. Америка открыла для меня детство, научила раскрепощаться, чувствовать себя свободной, танцевать на ярмарке, если вдруг понравилась музыка, понять, что это такое – «будьте как дети»: оставайтесь как дети, не в их беспомощности, а в их бесстрашии. Оставайтесь как дети, не в их несамостоятельности, а в их любознательности. Оставайтесь как дети, не в их капризности, а в их отзывчивости. Это помогает расти в любом возрасте. И Запад же приучил меня работать: я люблю поездки, только если они связаны с делом, с творчеством и преодолением. При этом люблю новые впечатления, распахнута непривычному, необычному, люблю примерять на себя разные роли, пытаться прожить разные жизни – это даёт понимание других людей, чей образ жизни совсем иной.

– *Где ваши лекции и выставки оказались наиболее успешными?*

– Лекции – в Японии, там меня пригласили выступить в парламенте, в Германии – в университете 1000 человек поднялись с овацией. Из своих выставок считаю самой удачной выставку в Ginza Gallery в Токио. Стихотворение Exile было опубликовано во многих международных изданиях. А самой мне дорога моя работа, сделанная

фото из архива Татьяны Мамоновой

совместно с мужем, «Корабль пустыни», она отчасти символизирует мой путь.

– *И как там, в дальних странах, слушают о проблемах России?*

– С любопытством и опаской. Патриархатное общество везде одинаково, добавляются лишь специфические национальные особенности, поэтому российские проблемы иностранной аудитории в общем понятны и вызывают сочувствие. С опаской… Раньше я полагала, что западные люди ошибаются в отношении россиян. А нынче, бывая на родине чаще (не давали разрешения на въезд в течение 15 лет!), убедилась: да, увы, есть основания для опасений. Повальное пьянство, воровство, аддикции и фобии всякого рода, мизогиния. А уж дай дураку молиться, он и лоб расшибёт – это точно о наших. То «Слава КПСС!» на каждом углу, а то вовсе наизнанку: творог «Императорский», халва «Царская», шхуна на Мойке «Монарх», паром «Святой Павел»… Дико это с непривычки-то.

– *В России сложился карикатурный образ феминистки. Что такое феминизм на самом деле?*

– Феминизм – это я (смеётся).

Я не против мужчин (а это расхожее мнение о феминистках).

Я не буржуазна (обвинение советизма в адрес феминизма).

Феминисты и бисексуалы – не одно и то же.

Равноправное партнёрство женщины и мужчины есть решение большинства проблем социума. «Женский вопрос» является в не меньшей мере «мужским вопросом».

Считаю, что русские женщины всегда были феминистками и остаются ими до сих пор. Просто они не всегда это осознают. Ведь феминизм – стремление женщины к самосовершенствованию и самореализации.

Пора взрослеть. Когда мы взрослеем? Некоторые – никогда. Взрослость мало зависит от возраста. Взрослость – это когда ты берёшь ответственность на себя. И ответственность прежде всего за себя, своё поведение, свою жизнь. Вы хотите жить в гендерном варварстве? Нет, отвечают мне девушки на моих лекциях в России. Молодые россиянки полны энтузиазма. Растёт нам на славу новое поколение феминисток и красавиц.

Конечно, они страдают от женоненавистнической пропаганды на ТВ и в СМИ. Но они уже всё понимают. Наверное, поэтому мне тут вручили орден «Сердце Данко» «за выдающуюся общественную деятельность» и медаль Святого Петра «Служитель России».

…Татьяна прекрасно управляется с компьютером. Но любит писать от руки – теперь даже часть текстов журнала выходит в типографски отпечатанном, но рукописном виде. Свои стихи она тоже предпочитает писать от руки, украшая листочки рисунком. Для неё в этом – теплота прикосновения, аура детства, прелесть девичьих альбомов. Живое дело живой жизни.

Виктория ИВЛЕВА
Россия
корреспондент "Новой газеты", Москва

ИМЯ РОЗЫ

Гражданская война началась на пустыре около Розиного дома, и следы от пуль и снарядов видны на доме до сих пор. Перед этим, конечно, были массовые митинги на главной площади Курган-Тюбе, но стрелять начали именно рядом с Розой.

Ее дом стоял как раз между вовчиками и юрчиками. Юрчиками считались те, кто как бы был «за советскую власть», а вовчиками – кто как бы был в оппозиции, против, и то ли за исламскую республику, то ли еще за что-то. В общем, против. И в вовчики, и в юрчики записывали не по политическим симпатиям, а, в основном, по району Таджикистана, из которого ты был выходцем. Розина семья стала вовчиковской автоматически.

Перестрелка с каждым днем усиливалась, и они отправились в Пяндж - это в сторону границы с Афганистаном - к родителям Розиного мужа Саади. С собой особо ничего не взяли - так, немного денег да одежду для себя и детей – Рахмону было 6 лет, а Озоде – 4. Вернуться рассчитывали через пару недель.

Вышло - через жизнь.

27 декабря 1992 года началось наступление на Пяндж. Вовчики отступали. Поток людей из окрестных кишлаков хлынул к границе. Кто-то кинулся к русским в погранотряд, но солдаты встали на крыше, крича «не подходите, мы вас расстреляем» и начали стрелять в воздух. Небо было все в гари, на нейтральной полосе стояли чьи-то трактора, валялись палатки, сундуки, ковры, холодильники – и тьма орущих людей вокруг.

Саади кричит:

- Надо уходить, нас здесь убьют.

В колючей проволоке был уже разрыв метров 5-6, народ ломился туда с телегами, груженными бог знает чем, - казалось, всех засасывает в бездонную дыру. Потом они шли по какому-то болоту, реке, зарослям, траве, тростнику, они шлепали, хлюпали по этой грязи, все были мокрые, люди падали, бросали свои вещи и продолжали брести по полузасохшим руслам реки, пока не вышли к брезентовым палаткам оппозиции...

Стало смеркаться и пришлось заночевать под открытым небом - в палатках уже не было места. Пошел мокрый снег, люди натащили палки, навесили на них ковры и курпачи (одеяла), но холод все равно был жуткий. Ночью пришли какие-то ребята и сказали, что всех мужчин, которые попытались спрятаться в погранотряде, юрчики расстреляли.

Становилось понятно, что единственный выход - уйти в Афганистан. У некоторых людей были покрышки от колес, чтобы переправиться через пограничную реку Пяндж, у Розы и Саади покрышек не было. Роза, и без того не хотевшая уходить, испугалась, что и она, и дети просто замерзнут в холодной воде и утонут. Она наотрез отказалась переплывать реку:

- Я никуда не пойду, я там никого не знаю. И за что нас должны убивать? Мы ничего никому не сделали.

Саади куда-то ушел, вернулся понурый-понурый и стал собираться… Мужчины его поторапливали. Он плакал, не стеснялся.

Дальше мой рассказ будет перемежаться с воспоминаниями Розы, выкинуть из которых я не смогла ни одного слова:

"Я вот не помню, целовал ли он меня на прощанье, а помню, как он сильно плакал, и все говорил мне:

Таджикистан, государственная граница, 1992.

Фото автора

- Самое главное – ты выживи, Роза, и детей спаси. Постарайся уехать к матери на Украину (моя мама украинка, а папа – таджик, меня часто называли русской).

И несколько раз Саади повторил:

- Помни, честь дороже всего.

Так мне в память и врезалось - его плачущее лицо и эта фраза...

Они погрузили на лошадь ковры, но до Афгана ковры не доехали – лошадь под их тяжестью стала тонуть в реке, и пришлось ковры срезать…

Все мужчины и подростки ушли. Начался обстрел. Били из минометов. Было до ужаса страшно. И я стала верить, что нас убьют и хотела, чтобы если убили – то всех троих сразу…"

Освободилось несколько мест в палатках, но сидеть там можно было только на корточках - так Роза и провела два дня, прижав к себе детей. Сколько лет прошло с того сидения - а она все мучается болью в коленях...

У тех, кто оставался на улице, за ночь умерло несколько детей - утром нашли скорчившиеся от холода трупики. И они ходили, просили – хоть одеяло, хоть что, чтобы закутать оставшихся, – но никто не дал, и Роза не дала, потому что тогда бы ее дети погибли. Там уже не было милосердия, каждый был сам за себя, кончались припасы, и никто ни с кем не делился.

Наступил третий день. Приехал БТР с красным флагом, в нем были таджики, и они стали звать людей обратно, говоря, что их никто не тронет.

"Мы побрели назад. А на поле лежали трупы, и был там один такой красивый мальчик с длинными-длинными ресницами и полуоткрытыми глазами, и снег падал и не таял ни на щеках, ни на ресницах. А рядом лежал другой - и его глаза были полны травы, которую нанес ветер. И так мне стало жалко их, но мы прошли мимо, мы не могли их похоронить – мы боялись, мы даже боялись плакать…

Нас остановили вооруженные люди, приставили моего старика-свекра к стенке:

- Эй ты, вовчик, где твои сыновья?

Он говорит:

- Я не знаю. Они ушли в Афганистан.

– Ну, тогда ты пойдешь с нами.

Я стала орать:

– Отпустите его, отпустите его.

А они дали автоматную очередь по асфальту в мою сторону и матом на меня – пошла вон отсюда. У меня коленки подкосились, я села на задницу и обоссалась. Сижу и встать не могу, как будто ноги отказали. И я думала, если подползу к старику, они меня убьют, они так и сказали мне – если, сука, ты не заткнешься, мы тебя застрелим. И еще дали очередь по асфальту. Потом погрузили старика в машину и уехали.

Ночью раздалась жуткая стрельба, крики. И я вдруг понимаю – они кричат «Соли нав!» - Новый год! Я и забыла – это было 31 декабря. Я всю ночь проплакала, вспоминая, как мы его встречали раньше – под елкой и с мандаринами на столе…"

Здесь наши с Розой пути чуть не пересеклись. Я была в Пяндже 5 января. В те дни многие парни залезали на высокие деревья грецкого ореха и орали через реку – тем, кто ушел, - пытаясь найти своих; колючая проволока еще не была починена, по нейтральной полосе бродили несчастные бабы в халатах, - Роза могла быть одной из них, мы просто тогда не знали друг друга; валялись остатки прежней жизни – даже чьи-то застрявшие в непролазной грязи «жигули» – и таскались мычащие недоенные коровы.

На следующий день удалось вызволить старика, а потом женщины пошли по городу искать убитых родственников. Я помню эти дни в Пяндже - кровь была повсюду, в гостинице везде на полу была застывшая кровь - сгустки крови - как холодец. Тетки в цветастых платках ступали по ней калошами, а она дрожала.

Много трупов было под навесом в Колхозстрое - человек двадцать; кто-то лежал, а кто-то сидел вдоль стены со связанными руками. Среди них Роза и нашла Хасана:

"Он сидел с закинутой головой, и когда я голову подняла – мне на руку вылились его мозги серовато-молочного цвета. Стало не то что противно - как спазм какой-то случился, и меня вырвало. Потом в яме мы увидели еще людей – полуприсыпанных землей, в глазах была земля, застывшие трупы, из них торчали руки-ноги, их было уже не опустить вдоль тела. Здесь же рядом два каких-то старика копали могилы. И все это было молча - так страшно, тишина была ужасная. Неподалеку стояли победившие солдаты, и мы, чтобы их не раздражать, старались все делать незаметно. И вдруг среди этой немыслимой тишины у меня началась истерика. Я стояла, облеванная, среди трупов и орала:

- Бог, я не верю, что ты есть, тебя нет, я не верю. Как ты мог все это допустить? Ты врал, что ты есть!

Несколько дней я не могла есть. Закрою глаза - трупы передо мною со вздернутыми руками. Мне хотелось хоть какого-нибудь конца всему этому – любого…"

На маленькие золотые сережки, вынутые из ушей, Роза доехала до Курган-Тюбе, чтобы увидеть, что их с Саади квартира разграблена, в ней живет какой-то мужик из победителей. В самом конце января Роза с великими трудами, распродав последнее, что было, добралась с детьми до Душанбе и умудрилась сесть в поезд, идущий в Москву. Денег у нее не было совсем, дети были завернуты в немыслимые тряпки, все четверо суток дороги они ели то, что давали люди в вагоне. В Москве ее встретили дальние родственники из Рязани. На перроне Роза вдруг полностью потеряла память.

«Я забыла, как меня зовут, кто я, какой это город, куда я еду. Единственное, что помнила – что вот этих детей я почему-то должна охранять, имена их тоже забыла. Я сидела на полке в поезде, полностью отупевшая, сжимая руки детей. Все вышли, а мы все сидели. Родственники, видимо, стали искать меня по всему составу. Увидели – двоюродный брат бросился ко мне – Роза-Роза-Роза! Что с тобой? И вот тут я вдруг опять все вспомнила – да, ведь я же Роза, я еду к маме на Украину, это мои дети, Рахмон и Озода, я должна их спасти. Я поняла, что все закончилось. Мы вышли на платформу – я села на землю и заплакала, ничего не могла с собой поделать, сижу и реву – так долго, ручьем, мимо люди идут, мне начали деньги бросать…»

Роза поселилась у мамы в Винницкой области, устроилась на работу, дети пошли в сад. От Саади не было никаких известий, в Таджикистане по-прежнему шла война…

Однажды в конце весны Розе позвонил ее дядя Эдик: «Ты маешь яких знайомых в Москве? Жинка звонила и сказала, шо ей трэба Курбонову Розу. Будэ звонить еще».

Роза примчалась к нему.

- Вы – Роза? – спросил женский голос по телефону.

- Да, - сказала Роза и почему-то заплакала.

На том конце тоже почему-то захлюпали носом.

- Вам привет от Саади из Афганистана.

Это была я, только что вернувшаяся из лагерей таджикских беженцев на бывшей советской военной авиабазе в Кундузе. Таких как Саади на этой базе было несколько тысяч: кто-то пытался шевелиться, искал работу в городе, но большинство пребывало в полнейшей апатии. После бегства из Пянджа прошло четыре месяца. Записная книжка пухла от фамилий, телефонов и адресов по всей России, по которым я должна была позвонить и передать или привет или просьбу, чтобы помогли вырваться. А вырваться – это уехать в любое место, кроме Таджикистана. Домой ехать боялись. Саади тоже дал мне телефон каких-то двух старушек в Душанбе – если они живы, то могут знать, где жена и дети.

…Шелестящий засушенный голос ответил мне после 20 звонка. Нет-нет, она сама еще жива, это сестра уже ушла в вечность. Про Розу ничего не знает, но пороется - может быть, найдет адрес родственников. Вы перезвоните. И я перезваниваю. И она дает какие-то телефоны на Украине. И вот я набираю номер Розиного дяди (см. выше). И Роза через несколько дней приезжает ко мне в Москву. Она не дает мне говорить, перебивает, заставляет сто раз повторять одно и то же, приговаривая: он, наверное, худо-о-й – худо-о-й, и плачет, и смеется. И мы разрабатываем гениальный план вызволения Саади из беженцев.

В нашем плане добровольно участвовал Розин дядя, его роль фактически и стала решающей – дядя взял на работе справку, что Саади работал на Украине инженером в дядиной конторе, а в Таджикистан поехал в отпуск.

Это была охранная грамота – на основании такой бумаги Управление Верховного Комиссара ООН по делам беженцев давало людям сопровождение до Душанбе и помогало выехать из страны. На тот момент это означало – остаться в живых.

Я вернулась обратно в Афганистан, везя такие или похожие бумажки, добытые родственниками попавших в беду людей, еще нескольким смешанным семьям – русские жены - таджикские мужья, неизвестно какой национальности дети. Всем им российское консульство в Мазари-Шарифе наотрез отказалось помочь в выезде в Россию, что-то бормоча о непроставленном российском гражданстве или необменянном паспорте. Господи, ну что в том постсоветском бюрократическом бардаке могли понимать в гражданствах и паспортах

простые люди, жившие на окраинах разваливающейся империи?

…Саади, как и в первый мой приезд, по-прежнему лежал на грязной курпаче в маленькой каморке, стены которой были покрашены темно-синей масляной краской до половины, документу обрадовался, но отнесся недоверчиво. Передал для Розы немного денег, и мы расстались.

Что двигало мною? И вообще, как объяснить то время? Не пепел Клааса, но человеческая порядочность Рауля Валленберга явно стучала в сердце, заставляя не молчать и не проходить мимо. Это была необъявленная война наивных индивидуумов с остатками - как тогда казалось - подлой власти. Наличие восточной фамилии еще не свидетельствовало о причастности владельца к мировому злу, люди просто выручали друг друга, ощущение беды еще было общим. Это были те славные времена, когда мы - очень недолго - помнили, что каждый из нас что-то значит и что-то может. И я была одним из тех романтиков.

Благодаря этой моей наивной романтике 4 смешанных семьи – всего 32 человека – смогли выехать в Россию. С одной семьей – милыми моему сердцу Раей и Тураджоном, их пятерыми детьми и уже семью внуками - мы дружим до сих пор.

Вернусь к Розе. Однажды в программе новостей она увидела сюжет из Таджикистана о том, как на родину возвращаются беженцы, как они заселяются обратно в свои дома, и как жизнь в целом становится лучше и явно веселей. Прошло два года; ни Саади, ни весточек от него все не было. Розе казалось, что, если она будет дома, в их квартире, он это почувствует и обязательно появится.

И Роза пишет письмо президенту Таджикистана Рахмонову. И начинается тысяча и вторая сказка Шахерезады - ей предлагают вернуться в Курган-Тюбе и возвращают квартиру.

И она опять едет с двумя детьми через три независимые страны - Украину, Россию, Узбекистан – домой.

..В квартире не было даже розеток, по комнатам гулял ветер - стекол тоже не было. Роза была первой женой вовчика, которая вернулась. За ней по городу бегали мальчишки и орали полунеприличный стишок:

Урус-Кукуруз,
Халта пури гуз,
что примерно можно перевести как:
Русский - кукуруза,
Напе..дел в штаны от пуза.

Контейнер с вещами из Украины задерживался, Роза отвезла детей в деревню к свекру - там хотя бы была еда, заперла две комнаты из трех - и стала обживаться заново.

"Я жила только одним днем - поняла, что чокнусь, если буду думать обо всем сразу. Нашла где-то на помойке каркас газовой плиты, еще у меня были сковородка, чайник, масло и картошка. Я варила себе утром в сковородке две картофелины, на завтрак пила картофельную воду - вкуснота была незабываемая. Мне кажется, я в то время была ужасно худенькая и красивая... Потом пришел контейнер с вещами. Там был мешок промокшего сахара, я отбивала кусочки молотком и пила чай... Знаешь, эта война меня многому научила. Раньше я была такая меркантильная - стыдно вспомнить. Однажды с Саади дело чуть до развода не дошло из-за разбитой хрустальной вазы... "

А Саади все не было.

Из моего письма Розе весной 95-го года: "Я понимаю, как тебе трудно, но не осуждай Саади, лучше пожалей. Ты пишешь, что он может быть в Кундузе. Ты же знаешь, я была там, там я его и встретила. Роза, это ужасная жизнь - в бывших советских казармах, в грязи, в полной зависимости от тех, кто тебя накормит, без Родины, без дома и без всяких перспектив. Поверь, тебе лучше, чем ему. Ты - у себя дома, как бы ни был дом беден, ты со своими детьми, которым ты нужна, но и они нужны тебе - такой сообщающийся сосуд. Вокруг тебя друзья и знакомые. А он - скорее всего, как несчастный одинокий волк... Как было сказано в одном фильме: "Каждого человека есть за что, если не полюбить, то хотя бы пожалеть".

Постепенно, очень странным и извилистым путем Роза пришла к религии. Началась она для нее с одной из многочисленных американских сект, которые расплодились в то время по всему бывшему Союзу, оттуда через православие Роза пришла к исламу и поняла, что она - дома. Розин ислам напоминает розу Хафиза или полночный истекающий соком персик, это ислам волшебных сказок, Аладдина и Синдбада. И Роза в нем - как прелестная восточная пери.

АБСОЛЮТНО СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Последний раз мы виделись недавно - я была у Розы в том самом доме, с которого началась война. Сейчас Роза работает во французской неправительственной организации "Актед", инженером в программе по водоснабжению, мотается по всему Таджикистану, помогает сельским людям устанавливать колодцы, грамотно рыть скважины и ставить насосы. Она пишет замечательные поэтические отчеты о своих поездках, она знает жителей кишлаков по именам. Забиралась даже на Памир в пятидесятиградусный мороз, где демонстрировала приготовление пищи в печи, которая работает от энергии солнца. "В тот день было солнечно, и приготовление пищи заняло три часа. Люди были просто удивлены происшедшим, задавали много вопросов, радовались," - пишет Роза.

Рахмон учится в Душанбе в университете и живет у тети - одной из тех, которая вместе с ним и мамой пережила войну в Пяндже.

Озода учится в русской школе, пишет сочинения про Есенина, и никто ее не обзывает "Урус-Кукуруз".

P.S. *Саади вернулся в Таджикистан в 1997 году - среди последних возвращавшихся беженцев - с новой женой и ребенком.*

ОЛЬГА БУРМАКОВА
Россия

социолог, независимый исследователь, корреспондент программы "Гендерная демократия" Фонда Генриха Бёлля. Занимается изучением гендера как социального конструкта и связанных с ним явлений - таких, как сексуальное влечение и сексуальная ориентация, семья и семейные отношения, гендерно-обусловленное насилие. Блог: http://svollga.livejournal.com

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

абортов меньше не там, где их сделать труднее, а там, где их делать незачем

В России усиленно продвигают законопроект, ограничивающий женские репродуктивные права

Нашумевший законопроект Валерия Драганова, ограничивающий доступ к абортам, после многочисленных отзывов и незначительных исправлений снова находится на рассмотрении. Но вызванная им в обществе волна обсуждения демонстрирует немало давних и новых тенденций в подходе к репродуктивным правам и правам женщин.

Моё внимание привлёк пункт законопроекта о том, что, если женщина состоит в браке, то аборт проводится при наличии письменного согласия её супруга. По этому поводу профессор Института экономики РАН Людмила Ржаницына говорит, что «был момент, когда предлагали ввести не только согласие мужа, но и согласие всей семьи. Следующий шаг должен быть – обязать женщину надеть чадру». По её мнению, законопроект, внесённый депутатом В. Драгановым, нарушает права женщин.

Если бы я ещё питала какие-то иллюзии насчёт понимания и соблюдения прав человека в России, то была бы, наверное, шокирована, потому что этот пункт – законодательная поддержка репродуктивного принуждения – шире семейного насилия. Это всё равно что ввести закон о том, что муж имеет право жену бить.

ЧТО ТАКОЕ РЕПРОДУКТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Это форма домашнего и сексуального насилия, при которой мужчина принуждает женщину к беременности. Оно может принимать разные формы, например:

– отказ от использования презервативов – некоторые прямо отказываются это делать, несмотря на уговоры женщины, другие соглашаются, но снимают презерватив во время секса или нарочно его повреждают;

– саботаж контрацептивных средств, которые использует женщина, – их выкидывают, прячут, подменяют;

– экономическое ограничение – отказ покупать

сколько детей иметь и когда - решать семье. А утверждать или отклонять решение - женщине

фото Полины Милорадович

презервативы и давать деньги на контрацептивные средства;

– психологическое давление, от уговоров («докажи, что ты меня любишь», «я хочу от тебя ребёнка, чтобы мы всегда были вместе и ты была совсем моя») до угроз («иначе уйду к той, которая согласится», «иначе побью»);

– физическое насилие и изнасилование.

Исследования, проведённые в Калифорнии в 2009 году, показали, что 20% молодых женщин – одна из пяти – сталкиваются с репродуктивным принуждением в той или иной форме. Этот процент значительно возрастает в отношениях, в которых уже присутствуют другие формы насилия со стороны партнёра. Особенно высок он у девушек-подростков, потому что они более склонны интерпретировать контролирующее поведение партнёра как проявление любви («он так меня любит, что хочет от меня ребёнка», «он сказал, что, если я люблю его так же сильно, как он меня, то соглашусь на секс без презерватива»).

Репродуктивное принуждение чаще встречается среди людей с низким уровнем образования и дохода, в криминальных кругах, то есть ему больше подвержены женщины и без того находящиеся в группе риска сексуального и физического насилия, семейного насилия и т.д., в группе риска незапланированной беременности и в группе риска аборта. Что характерно, именно этим женщинам придётся тяжелее всего, если, как предлагается в законопроекте, аборты выведут из системы общего медицинского страхования и сделают платными, так как у них, скорее всего, нет средств на оплату, как нет средств и возможности для покупки и использования контрацептивных средств. В этом случае вероятность самодельных или нелегальных абортов возрастает во много раз.

Зачем мужчины это делают? Некоторые испытывают сильнейшее желание «иметь семью», то есть жену и детей. Другие хотят скорейшего «продолжения рода». Третьи считают появление потомства доказательством своей мужской силы. Есть и такие, которые сначала заставляют женщину забеременеть, а потом – сделать аборт. Всех их объединяет одно: они не воспринимают женщину как равноправную самостоятельную личность, не учитывают её желания, вместо построения партнёрских отношений стремятся подчинить её себе и использовать в своих целях. «Явно, что это стремление к контролю над телом женщины. Контроль ради контроля», – говорит проводившая исследование Элизабет Миллер. Это классический портрет семейного насильника.

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

Основная доля (95-97%) зарегистрированного домашнего насилия совершается мужчинами над женщинами и девочками. Поэтому, говоря о семейных насильниках, мы говорим в первую очередь о мужчинах. Но это не обязательно пьяница, размахивающий кулаками: как само насилие может принимать разные формы, так и насильником может оказаться кто угодно. Образованный, мягкий, деликатный с другими людьми мужчина в отношениях с женой может становиться жестоким тираном. Он может даже настаивать, что женщин бить нельзя, и при этом бить жену, причём виновата в этом окажется она, ведь она его довела до того, что он нарушил святой принцип.

Насильственные отношения начинаются как таковые далеко не всегда. Хотя есть пары, в которых насилие началось почти сразу, – обычно это люди, выросшие и живущие в среде, где насилие воспринимается как норма, в низшем классе или в криминальных кругах, но в большинстве случаев на первых этапах отношений всё выглядит совершенно нормально.

Правда, говорить о нормальных и здоровых отношениях в нашей патриархальной культуре трудно. Традиционный ритуал ухаживания сам по себе предполагает элементы контроля со стороны мужчины и подмены межличностных отношений товарно-денежными.

Ланди Бэнкрофт перечисляет признаки мужчины, склонного к насилию. Интересно, что многие из них отчётливо видны в романтических стереотипах. Он делает вам одолжения, о которых вы не просили, и проявляет чрезмерную щедрость? Красивые жесты (за которые, правда, он может потом попросить плату, например сексом или вечной преданностью). Он ревнует? Значит, боится потерять, а что при этом контролирует поведение и круг общения, так это от большой любви. Ставит на пьедестал и идеализирует? Это прекрасно, и неважно, что любое отступление от созданного им образа идеала рано или поздно будет караться. Как уже говорилось выше, желание завести детей от этой женщины, ещё одна часть романтического идеала, тоже может быть частью контролирующего поведения. Так что можно сказать, что традиционный подход к романтике и началу отношений помогает маскировать признаки семейного насильника.

В любом случае в начале отношений насилие незаметно. Со временем поведение мужчины становится всё более контролирующим и агрессивным, проявляется психологическое и эмоциональное давление. Он начинает оскорблять жену и/или обижаться на любые её действия, выдвигать всё более строгие и часто нелогичные требования. При этом многие мужчины стараются отдалить женщину от её «подушки безопасности» – родных и близких – путём ссор, психологических манипуляций, ревности и запретов.

Женщина пытается понять, что происходит, и в соответствии с социальным и навязанным мужчиной программированием берёт вину на себя. Она спрашивает себя, что она делает не так, что она может сделать для исправления ситуации. Не помогает и то, что большая часть советов по решению конфликтов в браке, адресованных женщинам, говорят о необходимости идти на компромиссы, договариваться, подстраиваться… Что характерно, один из популярных «народных» советов – завести ребёнка, мол, это скрепляет семью – становится дополнительным фактором в репродуктивном принуждении.

Рано или поздно психологическое давление переходит в угрозы и физическое насилие. Впрочем, это не значит, что до этого ситуация в семье не была насильственной; однако физическое насилие больше признаётся как таковое. Один опрос показал, что в 51% случаев первый эпизод семейного насилия над женщиной произошёл более чем через год с начала отношений. В 30% случаев это произошло в период от трёх месяцев до года, а в 13% случаев в период от одного месяца до трёх.

В 40% случаев насилие в семье начиналось, когда женщина беременела. Это положение, в котором женщина наиболее уязвима: физическое состояние, перепады настроения, беспокойство о ребёнке в случаях, когда он желанен, ограничение мобильности, вопрос финансов и жилья – беременная женщина оказывается куда больше зависима от окружающих, чем женщина небеременная и бездетная.

После рождения детей зависимость мало ослабевает. К тому же многие мужчины с образованием и высоким доходом женятся на женщинах менее образованных, бедных или значительно моложе себя, и эти женщины оказываются в зависимом положении, даже если у них нет детей. Но наличие детей особенно сильно привязывает женщину к мужу, и этому способствует социальное давление: «кто будет их кормить», «детям нужен отец».

Всё это создаёт прекрасные возможности для семейного насильника получить полный контроль над жертвой. А законопроект предлагает ещё больше укрепить его положение и усложнить ситуацию для жертвы.

САМА, ДУРА, ВИНОВАТА

Самый распространённый комментарий, который я слышу от сторонников того пункта законопроекта, с которого началась эта статья, звучит так: «Если в семье отношения хорошие, то вопрос об аборте и так решают вместе, а если плохие и с мужем договориться не получается, то нечего было за такого замуж выходить и надо от него уходить». Интересно, что с первой половиной – «если в семье отношения хорошие, вопрос аборта решают вместе» – согласны и противники законопроекта. А вот вторая половина…

Поразительно, как однозначно те, кто произносит эту фразу, возлагают всё решение проблемы на женщину. Это она вышла замуж за мужа, с которым не может договориться. Это она от него не уходит. Это она собралась делать аборт. Муж тут получается как бы и ни при чём, за исключением того, что попираются его отцовские права. Сторонники не задают логичный встречный вопрос: что же это за муж такой и что он делает с семьёй, что жена не хочет обсуждать с ним возможное появление общего ребёнка?

Очень часто при анализе феномена семейного насилия поступкам мужчины ищут объяснение, даже оправдание: говорят о психологических травмах, о неуверенности в себе, об импульсивности и страстности, о неумении строить отношения… и всё это сопровождается мыслью, что женщина должна войти в его положение и не обвинять его, возможно, даже постараться «сделать его лучше». В то же время женщина, оказавшаяся в ситуации насилия, оказывается за неё ответственной. Это она вовремя не распознала ситуацию, не ушла; это она спровоцировала, довела; это она не приложила достаточно усилий для исправления положения.

Этот подход к распределению ответственности аналогичен культуре изнасилования: за ситуацию полностью отвечает жертва, насильник либо оправдывается, либо исключается из ситуации, как будто его действия никак на неё не влияют. Он поддерживается и тем, как распределяются гендерные функции в «традиционной» семье, – стоит посмотреть, как выглядит на практике красивое определение «женщина – хранительница очага».

На женщину возлагается задача поддержания эмоционального климата в семье. На это работают многочисленные стереотипы, якобы женщина «более эмоциональна», а мужчина «в эмоциях не разбирается». В случае семейных конфликтов именно женщине обычно рекомендуют «прислушаться», «понять», «потерпеть». Для мужчин есть другой стереотип: «кто в семье мужик?» – рекомендация настоять на своём, показать, кто главный.

На женщину возлагается выполнение «супружеского долга» как обязанности, независимо от её желания. Общественное мнение обычно сходится на том, что, если мужчина не хочет заниматься сексом тогда

так кто главнее:
оплодотворенная яйцеклетка - или человек?
фото Ридус

и так, как того желает его супруга, он в своём праве, а если супруга настаивает, то заслуживает титулов стервы и нимфоманки. Ирония в том, что в обратной ситуации – мужчина хочет секса, а женщина не хочет – мужчина опять в своём праве, а женщина снова оказывается стервой, но на этот раз фригидной. В обоих случаях рекомендации те же: мужчине предлагается «настоять на своём» (путём уговоров, манипуляций или даже применения силы, с оправданием «она просто ломается»), а женщине – прислушаться, понять и потерпеть. Остаётся, правда, вопрос, почему секс через «потерпеть» не считается в данном случае насилием.

На женщину возлагается задача сохранения брака, ради брака как такового или ради детей. Традиционно женщине навязывается приоритет отношений перед собственной личностью, «женщине нужен муж, семья и дети», поэтому она более склонна пытаться исправить отношения любой ценой.

От женщины ожидается, что она будет отдавать мужчине приоритет перед другими родными и близкими. Например, при выборе провести время с подругами или с мужем, предполагается, что женщина должна выбрать мужа, иначе она оказывается эгоисткой, которая не уделяет внимания семье. В то же время мужчина при выборе провести время с друзьями или с семьёй поощряется, если выбирает друзей – «мужчины друзей не бросают», «мужчине нужно своё пространство» и т. д.; а вот если он выбирает жену, то получает насмешки и прозвище «подкаблучник».

От женщины ожидается, что она будет поступаться ради мужа своими интересами. Женщины намного чаще переезжают туда, куда нужно или хочется ехать их мужьям, чем наоборот. Они отказываются от продолжения образования, выбирают работу с более низким доходом или перспективами ради того, чтобы оставить время «на семью», или отказываются от работы, бросают хобби. Это, как и отдаление от друзей и родных, лишает женщину «подушки безопасности».

Эти требования к женщине – часть патриархальной системы, они настолько широко распространены и встроены в общество и культуру, что многими практически не замечаются. Поэтому неудивительно, хотя и печально, что сначала насилие игнорируется и даже поощряется всеми вокруг, а потом его жертвам и тем, кто пытается их поддерживать, задают вопрос: почему она не уходит?

СВОБОДА ВЫБОРА – НЕ НАШ ВЫБОР?

Я читала информацию о действиях в случае насилия в семье, и всё время у меня был только один вопрос: что делать, если женщине некуда пойти? Она подаёт заявление – и возвращается обратно в дом к насильнику ждать повестку в письменной форме, которую он же может прочитать. А потом на неё же возлагается ответственность за то, чтобы доказывать совершавшееся над ней насилие, подвергаясь многочисленным допросам, сомнениям и комментариям сотрудников органов и окружающих. Никакой защиты и поддержки, ни финансовой, ни психологической, ей не гарантируют, а вот вероятность новых унижений и угроз велика. Неудивительно, что в такой ситуации многие женщины, даже решившись уйти от насильника, не подают на него в суд, и он остаётся безнаказанным.

Хотя существование независимых кризисных центров для жертв насилия спасает тысячи жизней и судеб каждый год, но российская правозащитная и социальная системы никак не приспособлены для таких сложных и деликатных ситуаций, как семейное, сексуальное, репродуктивное насилие. Более того, в российском обществе действует немало сил, которые стремятся его оправдывать и продолжать. Законопроект Валерия Драганова – один из примеров такой попытки. Его составители пишут в пояснительной записке: «Российское законодательство в сфере регулирования производства абортов исходит из принципа свободы репродуктивного выбора и охраны репродуктивного здоровья матери. Такой подход, основанный на свободе репродуктивного выбора, противоречит традиционным христианским ценностям, ведёт к духовно-нравственной деградации россиян».

Свобода репродуктивного выбора не соответствует российским традициям. Что ещё им не соответствует? Отсутствие в законодательстве разрешения побивать неверную жену камнями?

Что делать?

Для начала, разумеется, не допускать принятия, а в идеале – даже выдвижения подобных законопроектов, нарушающих права человека и конституцию. Но ещё важнее менять общество и его представления о насилии, сексе и правах, в том числе о репродуктивном праве.

Эксперты сходятся на том, что важнейшую роль в этом процессе играет сексуальное просвещение. То самое, которое десятилетиями не удаётся организовать в России, потому что против него грудью стоят разнообразные группы, вещающие о «растлении» и «разврате». Скажем, Ирина Силуянова, одна из создательниц законопроекта Драганова, говорит: «Вся суть идеологии «планирования семьи» заключается в банальной пропаганде контрацепции. И её результат – не выход из демографического кризиса, а получение фармфирмами прибыли с продаж контрацептивов».

В странах, где сексуальное просвещение принято давно – и на которые, что интересно, любят ссылаться противники абортов как на образец для подражания, хотя в этих странах аборты никак не ограничены, – оно включает (или будет включать в ближайшее время, так как для этого разрабатываются программы):

– информацию о разных методах контрацепции, в том числе тех, в использование которых не может вмешаться посторонний, и о правильном её применении;

– информацию о том, что такое согласие в сексе, понятие «нет значит нет», обсуждение сексуальных практик и связанных с ними вопросов – контрацепция, защита от венерических заболеваний – между партнёрами;

– информацию о здоровых и нездоровых отношениях, о признаках насилия и о его разных формах, о том, какие действия нужно предпринимать, оказавшись в ситуации насилия или в насильственных отношениях.

«Императив заключается в том, что мы должны предоставлять детям комплексное сексуальное образование, которое включает темы насилия и принуждения. Если мы поможем им понять, что такое хорошие отношения и куда можно обратиться, если что-то пошло не так, то мы сможем изменить ситуацию», – говорит Дебра Хаусер, исполнительный вице-президент организации Advocates For Youth.

Сексуальное просвещение нужно не только подросткам, но и взрослым – уровень грамотности в вопросах репродуктивного здоровья и поведения в России крайне низкий. Необходима подготовка кадров в полиции и социальных службах, чтобы женщины не сталкивались с насмешками и недоверием. Информация о репродуктивном принуждении нужна также специалистам, которые сталкиваются с его жертвами в других ситуациях, – например, врачам. По результатам ещё не опубликованного исследования Миллер, если врачи на консультации задают женщине деликатные вопросы о том, не сталкивается ли она с насилием в отношениях, это увеличивает вероятность того, что она выйдет из этих отношений и/или обратится за помощью. А для того, чтобы эту помощь можно было оказать, нужны:

– обеспечение доступа к контрацептивным средствам и средствам защиты от венерических заболеваний, включая их финансовую доступность;

– обеспечение доступа к качественному репродуктивному здравоохранению;

– обеспечение защиты и помощи жертвам сексуального и семейного насилия, включая создание и поддержку специальных центров и разработку соответствующего законодательства;

– своевременное выявление случаев домашнего и сексуального насилия и реагирование на них.

Конечно, это сложнее, чем ограничительные и запретительные законы, и требует финансирования, а не «экономии» на медицинском страховании. И для того чтобы это делать, нужно действительно заботиться о женщинах, а не о том, как бы их строже контролировать.

Материал подготовлен
при поддержке Фонда им. Генриха Бёлля

акции против дискриминационных поправок в репродуктивные законы прошли в ряде городов России и Европы

фото Ридус

Севиндж МАХМУДОВА
Азербайджан

бакинская журналистка, специализируется в социальных вопросах, активно сотрудничает с женским неправительственным сектором

КОМУ НУЖЕН ЗАКОН О РЕПРОДУКТИВНОМ ЗДОРОВЬЕ?

Не так–то просто завести ребенка. Особенно если делать это юридически грамотно

Мамы напрокат и дети из пробирки требуют, чтобы новые виды обретения родительства регулировались законом. Об этом рассказывают эксперты Женского кризисного центра из Баку

В Азербайджане до сих пор нет закона «О репродуктивном здоровье», который включал бы в себя такие аспекты, как планирование семьи, сексуальное репродуктивное здоровье и безопасность материнства. А между тем репродуктивное здоровье – понятие, включающее в себя беременность, роды, послеродовой период, предохранение от беременности, лечение органов, выполняющих детородные функции, и другое важное. Современное планирование семьи служит охране репродуктивного здоровья, защищает женщину от многих заболеваний, предотвращает нежелательную беременность и, как следствие, уменьшает число абортов. Планирование семьи является эффективным средством сохранения здоровья и безопасности. Репродуктивное право и планирование семьи взаимосвязаны друг с другом. По словам гинеколога Женского кризисного центра (ЖКЦ) Тараны Гасановой, в Азербайджане проблема бесплодия стоит остро:

– В нашей стране оно очень распространено по различным причинам, как у женщин, так и у мужчин. И если государство не будет обращать внимание на это, то в будущем Азербайджан ждут большие демографические проблемы.

Причины бесплодия бывают разными. По словам Гасановой, это экология, детские инфекционные заболевания, различные вирусы, физические травмы и т. д. В случае мужского бесплодия травмы являются одной из наиболее распространенных причин. Мальчики часто ввязываются в драки, и даже обычная потасовка может привести к драме. Родителям необходимо проводить плановые обследования мальчиков у андролога, и тогда случаев бесплодия будет меньше.

Доктор Гасанова надеется, что в Азербайджане в ближайшее время примут вышеназванный закон:

– Нужно вселить надежду бездетным семьям, что государство поддерживает их решение зачать ребенка современными методами. А какие методы зачатия будут востребованы – покажут время и обстоятельства.

По ее словам, метод экстракорпорального, или искусственного, оплодотворения (ЭКО) очень дорог. «Например, в Турции есть социальная страховка, которая является хорошей материальной поддержкой».

Психолог ЖКЦ Азад Исазаде считает, что надо исходить из факта: суррогатное материнство имеет место. Оно должно четко регламентироваться законом, должна быть серьезная диагностика, взвешенный учет всех обстоятельств, все моменты должны быть задокументированы и подписаны сторонами. Без нормативных документов этот процесс рискован по целому ряду параметров.

Глава ЖКЦ Матанат Азизова:

– Когда я затрагиваю тему репродуктивного здоровья в различных НПО, мужская часть начинает громогласно заявлять, что это навязывание западной культуры. На самом деле репродуктивное право женщины – это право рожать столько детей, сколько она считает необходимым, это право на аборт, на предохранение. Стремление мужчины иметь наследника приводит к селективным абортам. Часто даже не спрашивают мнения женщины. Разве это не нарушение ее репродуктивного права? В последнее время бесплодие у мужчин встречается все чаще. Хотя в бездетности, как правило, обвиняют женщину. Этот стереотип, к сожалению, в Азербайджане до сих пор существует. Заканчивается разводом. Но есть исключения, когда супружеские пары выезжают в Грузию или в Россию и прибегают к методу искусственного оплодотворения.

Матанат Азизова отметила, что в Азербайджане многие семьи в надежде иметь ребенка тратят свои деньги на мошенников, гадалок, экстрасенсов. Хотя эти же деньги можно было бы потратить с большей пользой, если бы в Азербайджане были специализированные медицинские центры. Эксперты считают: чем раньше в Азербайджане появится закон о репродуктивном здоровье, тем скорее государство наведет порядок в этой такой тонкой и важной сфере жизни.

им нужна защита. Не только медицинская и социальная, но и юридическая

фото найдено на просторах Интернета

Таня КРИС
Дания

работает лаборантом в одном из университетов в Дании, пишет для различных изданий. По собственному определению: обычная постсоветская женщина, неожиданно для себя открывшая на Западе феминизм, который от нас тщательно скрывали и скрывают до сих пор

ИГРЫ, В КОТОРЫЕ НЕ ИГРАЮТ ФЕМИНИСТКИ

Жизнь - театр, без игры она была бы слишком скучной, грубой и жестокой. Это заметил и американец Эрик Берн, написавший свою книгу «Игры, в которые играют люди...» почти шестьдесят лет назад. Столь давний срок популярности не убавил, и в русском медиа-пространстве на него по-прежнему охотно ссылаются. Однако я вам хочу предложить свои игры, в книге Берна они не описаны.

ИГРА «БОРЩ»

Для начала сыграем в нее. Мы живем и варимся в обществе и культуре. Понятия о добре и зле, красоте и уродстве, что такое хорошо и что такое плохо – все это тот бульон, в котором мы тихонько кипим всю жизнь, в качестве ли кусочка свеклы или картошки, или лука, в зависимости от нашего пола, происхождения или национальности. Вкус русского борща отличается от итальянского томатного супа или протертого лукового английского. Вот уже почти десять лет, как я поменяла кастрюльку и варюсь в западноевропейской культуре, пытаясь различить, чем аромат скандинавских супов так не похож на наши. В последнее время все чаще киплю в крепком бульоне русского интернет-пространства, куда все время подбрасываются новые ингредиенты. Моя кастрюля называется «Феминизм».

А теперь другие игры. Они придуманы не мной. Я просто пытаюсь систематизировать их правила

ИГРА «ПОДДАВКИ»

В нее играют женщины с мужчинами на всем постсоветском пространстве. «Видимо, самая тщательно охраняемая тайна России состоит в следующем: женщины не глупее и не слабее мужчин. Но никто не говорил об этом мужчинам», – пишет финская тележурналистка в своей нашумевшей книге «У них что-то с головой, у этих русских».

Именно в том, чтобы никогда этого не говорить, не давать понять и не показывать, и состоит игра. Женщины делают вид, что без мужчин они ничегошеньки не смогли бы. Мужчины делают вид, что они это и так знают. «Мы и так командуем мужчинами. Вся тонкость в том, чтобы убедить мужчину, что он принимает решения», – считают женщины. Без сомнения, ведут мужчины. Счет на сегодня таков: зарплата за ту же работу – 100:70, представительство в федеральных советах – 80:20, процент тех, кто хотел бы сохранить свой пол, если бы была возможность выбора, – 92:64. Теперь главные следствия этой игры. Первое: женщины оцениваются в обществе лишь по одному критерию – их привлекательности для мужчин. Второе: женщины предпочитают скрывать свои способности и ум, так как их демонстрация может быть неприятна мужчинам.

На Западе эта игра вышла из моды еще в семидесятых, после второй волны феминизма и сексуальной революции. С мужчинами ничего не случилось, они живы, здоровы и процветают, так же, как и общества развитых стран. Светлана Кольчик, заместитель главного редактора российской версии журнала «Мари-Клер» так описывает реакцию французских мужчин на игру «поддавки», в которую российские женщины продолжают играть, даже работая за границей: «Вы, русские девушки, ведете себя как инвалиды. Вы пытаетесь казаться слабее, чем вы есть на самом деле». Западные мужчины отвыкли от игры очень быстро, и напоминание о ней вызывает у них лишь недоумение.

ИГРА «ЗАБОТА»

Ее любят мужчины, потому что она является логичным продолжением игры в поддавки. Раз женщины такие беспомощные, глупенькие и слабые, то о них необходимо заботиться. Но когда мужчины перестают заботиться, женщины переживают и обвиняют их в том, что они «не мужчины».

Их забота распространяется на все сферы жизни женщины. Они заботятся, чтобы женщины не перестали рожать, чтобы они всегда хорошо выглядели, чтобы никогда не сомневались в том, что мужчины о них заботятся, чтобы никогда не забывали о том, что мужчин надо беречь, чтобы помнили, что без мужчин они абсолютно беспомощны, и чтобы они не нахватались вредных теорий феминизма. В последнее время мужчины особенно рьяно начали заботиться о том, чтобы женщины вели себя осторожно, так как иначе их легко изнасиловать. Советы по последнему пункту звучат с самых высоких и тиражных трибун.

Священник Чаплин: не носить короткие юбки, не появляться на людях пьяной, не вести себя вызывающе, соблюдать нормы приличия в одежде, искать спутника жизни не на улице или дискотеке, а в приличных местах. Чаплина многие поддержали, и вся Россия на полном серьезе пару недель обсуждала введение дресс-кода: платочек на голове, длинная юбка, взгляд в пол. В итоге практически реализовано в Чечне тамошним президентом – большим другом и защитником женщин.

Журналист газеты «Новые Известия» тоже внес свою лепту, заботливо предложив женщинам: не играть с мужчинами в игру «Динамо» (одна из игр, описанных Берном), не ходить в ночные клубы, всегда платить за себя самой, чтобы не быть латентной проституткой, отказаться от убеждения, что секс с мужчиной до брака – это нечто греховное. Журналист обещал, что если выполнить все рекомендации, то женщин и насиловать не придется.

В «Часкоре» опять же напечатали заботливую статью «В поединке с насильником». Степень заботы поражает и здесь: так как насильники начали надевать на причинное место «лепестки защиты», то нужно применять другие методы обороны. В ход идут шариковые ручки, японские палочки, а также специально выращенные норки, которые натасканы на запах мужских выделений. Норок надо носить в кармане шубки или муфточки. И всегда необходимо помнить о том, чтобы не причинить слишком большого вреда насильнику, иначе в суд придется пойти женщине, а не ему.

Как видим, в игре «Забота» мужчины просто превзошли самих себя. Она вся, без исключения, направлена на женщину. Наиболее частый совет, рефреном звучащий во всех темах об изнасилованиях: не ходить по темным улицам одной. Звучит еще совет «не быть жертвой» – довольно трудновыполнимый и расплывчатый, но очень заботливый. Еще советуют день и ночь носить солнцезащитные очки, чтобы скрыть страх в глазах. Во избежание провокации.

Ценность советов немного блекнет в свете социологических исследований. Оказывается, насильником в большинстве случаев является не маньяк в темном переулке, а знакомый, которому вы доверяли, друг или даже родственник. В новом освещении игра «Забота» перестает быть томной. Она направлена не на то, чтобы обезопасить женщин, а на то, чтобы оправдать насильника. Жертва всегда делает что-то не так и во многом ошибается. Сама виновата.

На этом этапе игра незаметно превращается в другую, которую можно назвать «Не виноватый я!» А феминистки, которые видят эту подмену, просто немного странные и поднимают шум на пустом месте – потому что у них что-то не в порядке. Яркие примеры «странности» – сбор подписей под петицией Патриарху (протест на выступление Чаплина) и медиа-акция против оправдания изнасилований в СМИ, толчком к которой послужила уже упомянутая статья в «Новых Известиях».

ИГРА «ПРОСТИТУТКА»

Обвинения типа «все вы проститутки» до недавнего времени встречались лишь на диких форумах без модерации, где неизвестные мужчины обвиняли неизвестных женщин в том, что если они принимают подарки от мужчины, с которым спят, то это – вид проституции. Или еще круче: если женщина выходит замуж, то она проститутка, так как мужчина зарабатывает больше. Но все игры, которые ведутся подпольно, на диких неконтролируемых территориях обыденной жизни, рано или поздно проявляются и в общественном медийном пространстве. Случилось это и с игрой «Проститутка» – в тех же «Новых Известиях». Журналист заявляет: «В психологии попытки женщин в обмен на секс переложить на мужчин решение своих материальных проблем называют «латентной проституцией». Некоторые мужчины в свою очередь воспринимают женщину как вещь, которую они покупают. Выход – не давать повода считать себя проституткой».

Итак, мы наблюдаем разновидность игры, давайте назовем ее «Прощупать границы». Преданно играя в поддавки, женщины невольно искушают мужчин попробовать: как далеко можно зайти? В отличие от западных стран, где когда-то победил феминизм, на постсоветском пространстве у мужчин одна забота – принести деньги в дом, а у женщин – три: а) принести деньги в дом (желательно меньше, чем мужчина, чтобы не обиделся), б) этот самый дом содержать в поряд-

ке и сытости, и в) растить детей. За две последние функции женщинам никто не платит, а границы прощупываются так: если вместо благодарности за этот безвозмездный труд еще и начать называть замужних женщин проститутками – проглотят они это или нет? В своей попытке нащупать допустимые границы журналисту удалось заботливо назвать сразу всех женщин России проститутками. Конечно, скорее всего, это получилось не нарочно.

Недавно в «Комсомольской правде» напечатали очерк одной американской журналистки о загадочных русских красавицах, о которых мечтают мужчины всего мира. Автор отмечает одну черту: российские женщины гордятся тем, что никогда за себя не платят. «Они бегают по льду на шпильках, редко плачут и никогда за себя не платят» – вот такие они, наши женщины. Российский же мужчина, естественно, обидится, если она захочет за себя заплатить. Казалось бы, вот пример гармоничной игры – поддавки, с одной стороны (конечно, женщина может заплатить сама), забота – с другой стороны (рыцарское и джентльменское поведение) – все должны быть довольны и счастливы. Но тут игра входит в ту фазу, где начинают прощупываться и нарушаться границы дозволенного. И женщины, гордящиеся тем, что никогда за себя в кафе не платят, все как одна оказываются проститутками – пока, правда, латентными.

Обострение интереса к игре «Прощупать границы» можно явственно наблюдать перед каждым праздником 8 Марта. В нее забавно вплетается история о счастливой судьбе одной проститутки из фильма «Красотка», которым поздравляют вот уже несколько лет всех женщин России. Свои границы в этой игре пока четко обозначают лишь феминистки.

ИГРА «АТУ, ФЕМИНИСТКИ!»

Она известна всем настолько, что ее и описывать не надо. Все знают, что феминистки – это бородатые мужеподобные женщины, которым когда-то в жизни страшно не повезло, и с тех пор все не везет и не везет. С мужчинами, естественно. Поэтому они и занимаются всякими неприличными глупостями, размахивают руками и транспарантами там, где надо всего лишь ласково и в нужную минуту сказать рядом пребывающему мужчине правильное тихое слово.

Игра ведется в одни ворота, и феминисткам постсоветского пространства, которых можно пересчитать по пальцам, приходится в ней участвовать, даже если им и неохота. Ни в СССР, ни на его развалинах никто толком не знал и не знает, что такое феминизм, включая журналистов. Поэтому все его на всякий случай боятся. К тому же он заканчивается на «изм», так же, как и не к ночи будь помянутый коммунизм или социализм. Свят, свят.

Все сведения о феминизме на русском языке исчерпываются двумя книгами: «Загадка женственности» (Бетти Фридан, 1963) и «Конец феминизма, или Чем женщина отличается от человека» (2005) А. Никонова. Последняя ведет в счете 10.500.000: 1500 (согласно Яндексу). Понятно, что борьба неравная. Книга Никонова – это классическая азбука антифеминизма, необычайно популярная в России. О том, как непонятен и чужд феминизм нашему менталитету.

Но вернемся к нашей игре. Немногочисленным русскоязычным феминисткам приходится играть следующим образом. Каждый раз, когда им хочется что-то сказать обществу, нужно пройти проверку на безопасность. Их будут дергать за подбородок, проверяя наличие бороды, поднимать юбку для установления степени мужеподобности и непременно интересоваться наличием/отсутствием детей и мужа. При этом никто не станет слушать, что они скажут по основной теме. Игра на глазах приобретает новые оттенки. Иногда их осторожно приглашают на телевидение или радио, время от времени дают место на газетных полосах. Слышны и редкие мужские голоса, тоскующие по сильным и равным женщинам и заявляющие, что общество, в котором управляющий класс состоит из мужчин, – неполноценное. Но это случается редко.

Не могу сказать, что феминистки так уж популярны на Западе. Но там их много, они борются, спорят и действуют. В России же им приходится прятаться и от мужчин, и от женщин. Назрела новая игра «А что это за зверь такой, феминизм?» Предлагаю ее правила. Участники сначала издают книги, которые лет пятьдесят как являются мировой классикой в этой теме, потом обсуждают их и стараются понять, а завершающим этапом является определение того ценного, что подходит для нашей жизни. Такая игра. Весьма познавательная и развивающая. Для тех, кто хочет развиваться.

фото Полины Милорадович

Игорь ЯНОВИЧ
Россия

Феминист, активист, исследователь, блогер, участник инициативной группы FeMedia

мужской разговор
КАК ОНИ НАС ПОДАВЛЯЮТ

обсудим самые расхожие постулаты

Если вы не знали, права и свободы мужчин в нашем отечестве беззастенчиво попираются женщинами. Это женщины загоняют мужчин в армию. Женщины назначают себе в судах меньшие сроки, чем дают мужчинам за аналогичные преступления, подло прикрываясь детьми, не достигшими 14-летнего возраста. А самих этих детей женщины рожают вопреки желанию мужчин – если, конечно, не выбирают подвергнуть свои тела жутким операциям по прерыванию беременности с единственной целью нанести огромный моральный вред мужчине, лишив его права на воспитание ребенка. Ещё женщины повсеместно несправедливо засуживают мужчин за изнасилования. Каковым они подверглись, потому что нагло пытались выпить чашечку кофе со знакомым «на халяву» – как же после такой чашечки не изнасиловать, действительно. Женщины злостно перекрыли мужчинам доступ в лечебные учреждения и насильно делают их алкоголиками, чтобы снизить продолжительность мужской жизни.

Вам смешно? Тогда стоит прочитать статью автора Александра Колесниченко, опубликованную газетой «Новые Известия» в преддверии Дня защитника отечества 2011 г., где все это говорится с полной серьезностью. Можно даже пустить слезу от жалости к бедным мужчинам. Если, конечно, не посмотреть повнимательнее, какое отношение это все имеет к реальному положению вещей. Вот мы и посмотрим. Тем более, что все эти утверждения повторяются из раза в раз самыми разными людьми.

ЖЕНЩИНЫ ОСВОБОЖДЕНЫ ОТ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРИЗЫВА В АРМИЮ

Это и правда кажется нечестным – действительно, с чего это только мужчины должны защищать отечество? Но если завтра будет принят закон, вводящий обязательный женский призыв наравне с мужским, поможет ли это мужчинам-призывникам? Едва ли. Современная российская призывная армия, увы, славится вопиющим попранием прав и свобод призывников. Можно понять, почему мужчины любят упоминать призыв как страшную несправедливость – это та же логика, по которой некоторые радуются, когда у соседа умирает собака. Правда, куда продуктивнее работать над тем, чтобы никому не было плохо. А если уж говорить о несправедливости призыва – стоит не забывать о том, что сегодняшняя система больнее всего бьет по бедным мужчинам, а мужчины с богатыми или влиятельными родителями вообще избавлены от необходимости про службу в армии беспокоиться. Но пожаловаться на мужчин, которые богаче и влиятельнее тебя, куда опаснее, чем обвинить во всем женщин.

Все нарушения прав и свобод граждан, связанных со службой в армии по призыву, можно было бы назвать дискриминацией по признаку пола, если бы всё военное руководство страны, а также все законодатели, принимающие (или не отменяющие) законы, были бы женщинами. В то же время активнее всего борются за права призывников организации, созданные именно женщинами: Комитеты солдатских матерей, фонд «Право матери» и т. п.

...правду сказать, у нас есть кое-какие способы, чтобы снизить их давление

фото Полины Милорадович

Пока мужчины только жалуются, женщины борются за их права.

В то же время если женщина хочет профессионально защищать Родину, именно ее серьезно дискриминируют. Например, прием в военные училища для девочек был открыт только в 2008 году, и пока меньше половины училищ действительно принимают женщин. Но даже если девушка блестяще закончила училище, это вовсе не значит, что ей дадут защищать Родину с оружием в руках – ст. 42 закона «О воинской обязанности и военной службе» говорит, что женщины могут замещать только те военные должности, которые выделены в специальном перечне, составляемом министром обороны. Женщины, у которых есть дети младше 16 лет, не допускаются к участию в боевых действиях. Женщинам запрещено нести караульную службу.

И несмотря на то, что для женщин-военнослужащих есть и «приятные» ограничения (скажем, к ним запрещено применять дисциплинарный арест), – такая «защита» женщин от ряда должностей и возможностей на деле оборачивается ограничением в правах.

МАТЕРИ ИМЕЮТ БОЛЬШЕ ПРАВ, ЧЕМ ОТЦЫ

К женщинам, у которых есть ребенок младше 14 лет, не применяется административный арест, а к мужчинам он не применяется, только если они отцы-одиночки. Конечно, это несправедливо. Да и вообще в нашем законодательстве много норм, обеспечивающих разное отношение к матерям и отцам. «Материнский капитал» или отпуск по уходу за ребенком очень сложно получить даже отцу-одиночке – за это приходится нередко судиться.

Мужчины возмущаются – с какой стати у них меньше прав, связанных с детьми? С ними абсолютно согласны феминистки всего мира: они борются за то, чтобы такое неравноправие устранить – например, ввести равный отпуск по уходу за маленьким ребенком для мамы и папы.

Сегодняшние законы фиксируют общественную норму «дети – женское дело», предоставляя женщинам (при выборе наказания для них) больше «поблажек» из-за наличия детей. Если бы мужчины сами изменили эту практику, участвуя в жизни своих детей в равных пропорциях с матерями, то и необходимость борьбы за изменение законодательства в сторону большего равенства, была бы очевиднее.

Однако неравенство и тут, как и с армией, есть далеко не только в одну сторону. Например, по умолчанию ребенка при разводе оставляют с матерью. Но стоит отцу заявить о своем желании оставить ребенка с собой – и как по волшебству суд обычно встает на сторону мужчины. Даже если тот на самом деле использует ребенка всего лишь как способ поиздеваться над бывшей женой, а вовсе не потому, что его любит и будет за ним ухаживать.

ЖЕНЩИНАМ ЗА УЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЧАСТО ДАЮТ МЕНЬШИЕ СРОКИ, ЧЕМ МУЖЧИНАМ

Также женщин меньше заключают под стражу, не приговаривают к пожизненному заключению и не отправляют в колонии строгого режима.

Однако именно мужчины в 2009 году совершили, по данным Федеральной службы госстатистики, 85 % всех убийств, 82 % умышленного причинения тяжелого вреда здоровью, 96 % разбойных нападений: именно мужчины совершают львиную долю всех преступлений. Конечно, это само по себе не оправдывает неравное отношение, однако заставляет немного задуматься об общей ситуации: почему мужчины не могут отказаться от совершения такого количества преступлений? У женщин же получается.

Что касается условий заключения, неравенство, конечно, это нехорошо. Но и тут не все так просто: неравенство опять же есть не только в одном направлении. Женских зон меньше, чем мужских, поэтому женщины вынуждены отбывать наказание вдалеке от семьи, которая могла бы чаще оказывать материальную и эмоциональную поддержку, что важно для сохранения здоровья во время заключения и последующего возвращения к жизни вне заключения.

ЖЕНЩИНА САМА РЕШАЕТ, ДЕЛАТЬ ИЛИ НЕ ДЕЛАТЬ ЕЙ АБОРТ, НЕ СПРАШИВАЯ РАЗРЕШЕНИЯ МУЖЧИНЫ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОН ХОЧЕТ (ИЛИ НЕ ХОЧЕТ) ИМЕТЬ РЕБЕНКА

Казалось бы, действительно, если мужчина участвовал в зачатии, то почему у него не должно быть права голоса? Почему он не может заставить женщину сделать медицинский аборт, если ему в противном случае придется 18 лет выплачивать алименты? А если он хочет детей, то почему же он не имеет права заставить женщину подвергнуть свой организм стрессу в виде беременности и родов и несению последующей ответственности в течение многих лет против ее воли?

Как только эти вопросы сформулированы без умолчаний, становится понятно, на что жалуются мужчины: что они не имеют права превратить женщину в свою крепостную, обязанную им рожать детей или делать аборты по мужскому желанию. К счастью, у нас не средние века на дворе.

Жалобы мужчин на то, что они не могут распоряжаться женской репродуктивной функцией, ничуть не лучше жалобы директора предприятия на то, что его подчиненные – не его рабы.

БЫВШАЯ ЖЕНА МОЖЕТ ТРАТИТЬ АЛИМЕНТЫ НЕ НА РЕБЕНКА, А НА СЕБЯ

Смешно и странно это слышать в обществе, где многие отцы уклоняются от выплаты алиментов вообще. Но посмотрим, кому же легче жить, если папа честно платит алименты, а не уклоняется от них совсем и не платит их с мизерной белой части зарплаты, скрывая остальное.

По закону на одного ребенка алименты платятся в размере 25 % зарплаты. То есть папе остается 3/4 его зарплаты и беззаботность. А маме – весь неоплачиваемый труд по уходу и воспитанию: обучение, питание, одежда и здоровье ребенка. Это и правда выгодная сделка – для папы, а не для мамы. Хватит ли этой одной четверти от зарплаты покинувшего семью отца, чтобы оплатить: а) услуги няни с ненормированным рабочим днем, доступной для ребенка по первому требованию, и ответственной за все его воспитание; б) штата прислуги, обеспечивающей достаточный уровень гигиены в доме и разнообразное здоровое питание для ребенка, пока мама работает? Понятно, что для 99,9 % россиян четверть зарплаты отца даже близко не приближается к сумме, которой бы на это хватило.

Норковых шуб на алименты не купишь. Мужчины, которые жалуются, что женщина может тратить алименты на себя, а не на ребенка, просто, видимо, не в курсе, сколько времени, денег и сил уходит на воспитание. Похоже, они просто никогда не пробовали этим заниматься, сваливая львиную долю работы на жену.

ЖЕНЩИНЫ РАНЬШЕ ВЫХОДЯТ НА ПЕНСИЮ

Это, конечно, правда. Но так ли хорошо уходить на пенсию раньше? У женщин, приближающихся к пенсии, обычно мнение прямо противоположное. Дискриминация работников по возрасту настолько распространена, что люди предпенсионного возраста часто теряют работу, помимо своего желания, и найти новую по специальности им невероятно сложно.

Получается, что женщины на целых 5 лет раньше мужчин оказываются в ситуации существенного снижения качества жизни из-за потери источника доходов, и в эмоциональной изоляции в связи с невозможностью заниматься любимым делом.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ У МУЖЧИН МЕНЬШЕ

Это правда: мужчины в России умирают в среднем непозволительно рано, в большей степени – от повсеместного мужского алкоголизма. Самое страшное различие в структуре смертности между мужчинами и женщинами – мужчины в несколько раз чаще поги-

взаимоотношения, конечно, важны. Но многое зависит только от тебя самого

фото Полины Милорадович

В моей смерти прошу винить? Здоровый образ жизни, ненасилие и осторожность - помогут нам устранить разницу в продолжительности жизни

фото Полины Милорадович

бают от внешних причин (в 2009 году от внешних причин умерли 173 тысячи мужчин и 51 тысяча женщин…) Еще одна страшная цифра – среди людей трудоспособного возраста от сердечно-сосудистых заболеваний мужчин умирает в 5 раз больше, чем женщин (148 тысяч мужчин и 30 тысяч женщин в 2009 году).

Но вовсе не женщины побуждают мужчин вести нездоровый образ жизни, в том числе становиться алкоголиками. Женщины не перекрывают мужчинам вход в лечебные учреждения. Вовсе не женщины являются теми «внешними причинами», убивающими мужчин десятками тысяч в год. Для решения проблемы безответственного отношения мужчин к своему здоровью, принявшей масштабы национальной катастрофы, необходимо непосредственное участие мужчин. И для начала нужно честно признаться себе, в чем заключается проблема, а не обвинять мир в несправедливости.

МУЖЧИНЫ СТАЛИ ПОЛУЧАТЬ СОВСЕМ НЕ НАМНОГО БОЛЬШЕ ЖЕНЩИН

Наверное, самая смешная жалоба Колесниченко из «Новых Известий» – мужские зарплаты стали чуть меньше превосходить зарплаты женщин с той же квалификацией, чем раньше!

Как мы узнаем из той статьи, по данным Независимого института социально-политических исследований, средняя зарплата специалистов-мужчин с ученой степенью превышает среднюю зарплату специалисток-женщин… всего лишь на 6 %! Чудовищная дискриминация мужчин, это всякому понятно. Вот если бы мужчины получали в три раза больше женщин с той же квалификацией – это было бы честно. Или нет, лучше в 5 раз! В десять! Да вообще можно этим бабам не платить, пусть за бесплатно вкалывают!

А какая ситуация на самом деле? Заглянем в данные Федеральной службы госстатистики за октябрь 2009 года. Из них видно, что в любой области занятости и при любом уровне образования вплоть до полного высшего женщины получают намного меньше мужчин. Например, в целом средняя зарплата мужчин с высшим образованием составила 30000 рублей, а женщин – 20 тысяч, то есть меньше на треть. Зарплата мужчин-специалистов высшего уровня квалификации на 25 % выше женской. У квалифицированных рабочих – на 29 %. Где-то разрыв пониже, где-то повыше, но меньше 10 % не опускается вообще.

Есть ровно две клетки во всей большой таблице, сравнивающей средние мужские и женские зарплаты работников разной квалификации и разного возраста. Кто же эти счастливые женщины, зарабатывающие больше мужчин? Внимание, барабанная дробь! Эти целых две категории женщин – в строке «неквалифицированные рабочие». В возрасте 60-64-х лет работающие на таких должностях женщины в среднем получают 7397 рублей, а мужчины 7051. А в возрасте 65 лет и старше женщинам в среднем платят 6797, а мужчинам 6749. А вот по всем остальным профессиям и возрастам картина знакомая: мужчины в любой области и в любом возрасте получают как минимум на 10 % больше женщин, часто этот разрыв намного больше. Счастливицы эти пенсионерки, работающие неквалифицированными рабочими, ничего не скажешь.

ИТАК? НЕ ДИСКРИМИНИРУЙТЕ МЕНЯ, Я САМ!

Если посмотреть повнимательнее, никакую ситуацию из тех, что мы упомянули, нельзя описать словами «сильный пол все чаще становится жертвой женской дискриминации». Там, где юридическая дискриминация мужчин существует, женщины страдают от той же системы угнетения. А создают и поддерживают дискриминацию вовсе не женщины, а главным образом сами мужчины. В лице своего авангарда во власти – они законодательно и на практике ущемляют в правах других мужчин, не столь удачливых. Уклоняясь от своих обязанностей по равному участию в воспитании детей, мужчины вредят и женщинам, и тем редким мужчинам, кто любит своих детей и вкладывает силы в их воспитание наравне с мамами.

Во всех случаях, когда мужчины пожалуются на дискриминацию, они дискриминируют себя… сами.

Анна ШАДРИНА
Беларусь

Журналистка. Получила степень магистра социологии в Европейском гуманитарном университете (Вильнюс, Литва) со специализацией "Гендерные исследования. Культурные исследования". Сфера профессиональных интересов: трансформация брачного поведения, феномен романтической любви, репрезентации, дискурсы, нарративные практики, гендер, сексуальность, власть, квир. В настоящее время живет и работает в России.

ПОЧЕМУ ЭТО Я ОДНА?

они мне говорят, что это плохо, НО женщины, не состоящие в браке, выигрывают у семейных, в то время как у женатых мужчин жизнь складывается удачнее, чем у одиночек

Сначала кажется, что всё хорошо, потом понимаешь, что вечно это не длится, и вот всё кончилось. Расстаёшься. Терзаешь подушку ночами, досаждаешь по телефону подруге, утешаешься одноразовыми забавами. Забываешь. Внимаешь свободе и отсутствию лишних хлопот. Привыкаешь. Начинаешь страшиться одиночества – убеждаешь себя: не страшно. Убеждена. Свободна. Одна. Но подушку грызёшь.

На протяжении вот уже пяти лет объектом моего исследования являются женщины среднего возраста, отодвигающие матримониальные и репродуктивные планы в связи с карьерным ростом. Эта важная и актуальная тема, находящаяся в центре дискуссии о женском равноправии в условиях капитализма, на постсоветском пространстве не разработана и даже не названа в качестве проблемы. В условиях жёсткой профессиональной конкуренции и модели социальной политики, при которой женщина, родившая ребёнка, на годы выпадает из профессионального поля, приходится делать непростой выбор: работа или семья и дети.

В фокусе моего внимания находится опыт зрелых гетеросексуальных женщин 30-40 лет, испытывающих беспокойство по поводу отсутствия жизненного партнёра и «тикающих биологических часов». Похоже, в моём случае не я выбирала тему, но тема выбрала меня. Моё исследование во многом автоэтнографично. Я 35-летняя гетеросексуальная женщина, профессионально успешная, не состоящая в браке, не определившаяся с материнством. Разумеется, репродуктивный выбор так или иначе касается всех без исключения людей. Однако я полагаю, что «тикающие биологические часы» геев и лесбиянок – связанный, но всё же отдельный вопрос, поскольку эта категория «отключена» от репродукции, если только не предпринимает специальных мер. Поэтому я буду говорить только о том, что знаю.

Исследуя социальные причины трансформации брачного поведения, я проводила интервью с женщинами среднего возраста, не имеющими спутника жизни, анализировала медийные тексты на тему семьи и романтической любви. И пришла к следующим выводам.

– К тому моменту, когда карьерно успешная жен-

Почему я одна?
Потому что мне так нравится

фото Полины Милорадович

щина социально утвердилась и почувствовала себя готовой к партнёрству и материнству, большинство мужчин соответствующего возраста и класса уже имеют стабильные отношения.

– Не имея возможности знать точно, удастся ли в будущем создать партнёрство, женщины, как правило, откладывают репродуктивный выбор. Ограниченный возраст фертильности и неопределённость с партнёрством, а также ожидания общества по поводу выбора поведения в этой сфере порождают так называемую панику «тикающих биологических часов».

– Для многих современных карьерно успешных женщин традиционная семья и материнство не являются безусловной ценностью.

Несмотря на многообразие форм организации личной жизни, принятых в современном обществе, на уровне бытового сознания «нормой» всё ещё считается традиционная семья. Представления о «норме» коренятся в языке и в принятых способах говорить на ту или иную тему. Высказываясь определённым образом, участники коммуникаций выстраивают символические иерархии. Например, когда на встрече однокурсников замужние однокашницы задают вопрос не состоящей в браке, одиночно проживающей женщине: «А ты всё ещё одна? Почему ты не найдёшь кого-нибудь?» – состоящие в партнёрстве женщины позиционируют себя «состоявшимися». А тех, у кого нет партнёра, – «не состоявшимися». Почему так происходит?

Массовая культура тиражирует образ партнёрства как жизненно важную статичную цель. В кино «о любви» до сих пор главенствует традиционный склад событий: он и она встретились, прошли через набор коллизий и, наконец, соединились, хеппи-энд. О том, что отношения – это процесс, имеющий свою динамику, о том, что люди, связанные партнёрством, не вольны делать всё, что хотят, что они тоже вынуждены платить по счетам, иметь дело с болезнями и смертью, о том, что любой союз не может быть вечен, говорить непопулярно. Чтобы описывать многообразие способов устраивать свою жизнь, необходимы новые слова и понятия. Но язык не поспевает за социальными изменениями. В символическом поле русского языка преобладают две категории для обозначения статуса в интимных отношениях: «замужняя» и «одинокая» женщина. При этом обе нагружены смыслами, часто не соответствующими реальному укладу жизни.

Когда мы говорим о женщинах, не состоящих в браке или не имеющих постоянного партнёра, отрицательная частица «не» конструирует норму (наличие партнёра для женщины) и одновременно создаёт маргинальную идентичность. Однако, если стараться не описывать модель проживания в терминах дефицита, например не переводя с английского нейтральное слово single или используя более корректное, чем определение «одинокая», слово «одиночка», точно описать запрашиваемую модель организации жизни не удастся. Слово «одиночка» может подразумевать женщину, которая никогда не состояла в отношениях, но хочет их создать. Женщину, которая уже была в отношениях, но чей партнёр ушёл или умер. Гетеросексуальную женщину, которая не стремится к партнёрству. Гомосексуальную женщину, не заинтересованную в отношениях с мужчинами или женщинами. Под это определение может попасть и 20-летняя активная участница брачного рынка, и 70-летняя вдова. Отдельного термина, описывающего группу женщин среднего возраста, испытывающих беспокойство от неопределённости с романтическими и репродуктивными планами, до сих пор в русском языке нет. Так в языке фабрикуется зловещий образ женщины, которая «не»…

Поэтому женщины из той когорты, о которой идёт речь, пытаясь отрефлексировать своё место в обществе, часто задаются вопросами «Что со мной не так, если у меня нет мужа?» и «Почему я одна?».

Иерархию, сконструированную по признаку наличия партнёра, поддерживают и медиа. В текстах на тему «брачного и репродуктивного поведения» психологам и социологам нередко адресуются вопросы: «В чём причина женского одиночества?» или «Почему сильной женщине сложно найти себе мужчину?».

Подобные вопросы уже содержат представление о том, что иметь партнёра – это естественно, не иметь – плохо. При этом внутреннее психологическое состояние «одиночества» используется в качестве обозначения модели проживания. Однако чувство «одиночества» может переживать человек, окружённый близкими. А одиночно проживающий (ая) может и не испытывать дефицита близости.

Жить одной или жить с кем-то – это два равновеликих опыта. По поводу того, какой способ «легче», имеются различные точки зрения и исследования. К примеру, популярная американская писательница Элизабет Гилберт в бестселлере 2010 года «Законный брак», исследуя трансформацию института семьи, говорит о «дисбалансе полезности брака», при котором по многим показателям женщины, не состоящие в браке, выигрывают у семейных, в то время как у женатых мужчин жизнь складывается удачнее, чем у одиночек.

Вопрос «Почему сильной женщине трудно найти себе мужчину?» воспроизводит сразу две установки патриархатного фольклора: «Притворяйся слабее!» и «Найди мужчину!».

Автор книги «С мужчиной или без», вышедшей в Америке в 2000 году, семейный терапевт Карен Гейл Льюис, исследуя опыт женщин, не имеющих партнёра, говорит о том, что «общество» не только задаёт вопрос одиночке: «Почему ты не замужем?» – но и даёт на него готовые ответы. Эту систему отношений власти Льюис называет «семейным трансом» и выделяет несколько типичных сообщений, с которыми женщины вынуждены иметь дело в течение жизни:

– Найти мужчину!

– Ты не даёшь мужчинам шанса, ты слишком разборчива, слишком нетерпима.

– Если ты будешь умничать, мужчины не будут обращать на тебя внимания.

– Ты встретишь его, как только перестанешь ждать и искать.

– Лучше, если ты будешь ему нравиться больше, чем он тебе.

– Лучше быть разведённой, чем старой девой.

– Ты всегда должна быть при параде на тот случай, если случайно столкнёшься со своим будущим мужем.

– Чем старше ты становишься, тем сложнее будет с кем-то ужиться.

Эти сексистские афоризмы, по мнению Льюис, фабрикуют миф о том, что в контексте обретения партнёрства женщине достаточно «всего лишь взять ситуацию под контроль». Для этого необходимо следовать традиционным установкам:

– Постоянно что-то предпринимать, чтобы «найти мужчину». Даже если не хочется.

– Встречаться с мужчинами, которые не представляются привлекательными, чтобы «давать им шанс».

– Притворяться тем, кем не являешься, чтобы «не спугнуть мужчину интеллектом или самостоятельностью».

– Пытаться усилием воли «не смотреть на мужчин», чтобы «отпустить ситуацию».

– Соглашаться на нежеланные отношения, чтобы приобрести позитивную идентичность женщины, связанной партнёрством.

– Стараться оправдывать чьи-то ожидания в ущерб собственному комфорту.

– Торопиться, суетиться, испытывать панику и чувство вины.

Выполнять эти «инструкции», говорит Льюис, означает подвергать себя депрессии, не доверять своей интуиции и позволять другим определять, что следует чувствовать. Одним словом, это означает предавать себя.

В последнее время на постсоветском пространстве стали весьма популярны всевозможные женские психологические тренинги, курсы «женского самопознания», группы «развития женской привлекательности». Интересно, могут ли эти семинары стать прототипами распространённых на Западе групп взаимопомощи, где участники делятся опытом переживания сложных жизненных ситуаций, психотерапевтических групп, в которых осуществляется поиск собственных потребностей в противовес «ожиданиям общества»? Однако пока целью данной «психологической услуги» является не саморефлексия, а продажа навыков манипулирования, основанных на фольклорных представлениях о том, чего «на самом деле хотят мужчины» и «что такое настоящая женственность».

Вот, например, типичное рекламное объявление:

«Жизнь уже сама обо всём позаботилась. Она сделала нас Женщинами, а мужчин сделала Мужчинами. Сделала нас нежными, умеющими любить, искренне восхищаться и вдохновлять своего мужчину, а мужчин – сильными и просто обожающими заботиться, добывать, доставать и оберегать свою женщину. И всё, что ему для этого необходимо, – её любовь, нежность и восхищение его любыми, пусть даже не всегда удачными, решениями и вылазками на охоту. Являетесь ли вы той единственной и желанной, ради которой хочется совершать подвиги и двигаться дальше? Являетесь ли вы той женщиной, которая вдохновляет и восхищает? Являетесь ли вы той женщиной, которая всегда и всем довольна и которая гордится и восхищается своим мужем в период его побед, при этом поддерживает и терпеливо ждёт в тот период, когда ему необходимо отдохнуть и набраться сил для очередного подвига?!»

Очевидно, что семинар не предлагает обрести знания и умения, как сделать свою жизнь удовлетворяющей и наполненной смыслом в отсутствие пар-

но иногда им удается нас уговорить

фото Полины Милорадович

тнёра. Но обещает научить способам привлечения и удержания мужчины.

Что происходит в случае обретения навыков манипуляции и использования патриархальных рецептов успешного поведения в сфере романтики? Какое сообщение получают мужчины, если женщина следует сексистским заветам?

Вот что говорит мужчина, не связанный партнёрством, давший мне интервью, обобщая свой и чужой опыт общения с женщинами-одиночками среднего возраста:

«Ей нужен не мужик, а его сперма, клетки и деньги. Сначала изображается влюблённость. Потом быстрый «залёт». Рождается ребёнок. Начинаются проблемы. И мужик идёт на фиг, но продолжает оплачивать ей расходы».

Такой обобщённый опыт превращается в фольклор при помощи медиа. В одном из номеров журнала Sexus журналист-мужчина описывает типичные ситуации обмена женской сексуальности на мужские капиталы. В данном случае в качестве капитала выступает сперма как способ обрести материнство и через него благополучную идентичность:

«Я – 36-летняя стареющая баба, которая слишком до сих пор была увлечена работой, а тут вдруг обнаружила, что поезд, в общем-то, уходит и надо бы того, родить. И быстренько через сайт знакомств нахожу какого-то, выпиваю с ним шампанского, чтобы преодолеть коммуникативный барьер, и в койку – детей делать (об оргазме мы что-то слышали, но забыли ещё в школе). Это что, опять секс?»

Мужчине же в медийном пространстве отводится образ не заинтересованного в отношениях и отцовстве человека, а средства достижения благополучия для женщины. Принцип взаимного неуважения – наиболее популярная стратегия говорить на тему отношений в постсоветском обществе.

Сравним для примера два сериала о поиске партнёрства у женщин среднего возраста в Америке и в России. Американский называется «Sex and the City», российский – «Бальзаковский возраст, или Все мужики сво…». Уже само название российского аналога говорит о конструировании неуважительных идентичностей среди участников взаимодействия. Можно предположить, что послание, дискриминирующее как женщин, так и мужчин, которое транслировал российский фильм, во многом не позволило его создателям повторить успех американцев.

Представления о партнёрстве, принимаемые большинством женщин за норму, благодаря неосознаваемой сексистской идеологии часто базируются на нереалистичных ожиданиях, что мужчина возьмёт на себя ответственность за материальное и моральное благополучие. Психолог Карен Гейл Льюис описывает такую позицию, как ожидание «безусловной любви». Иначе говоря, мужчина видится не в качестве равного партнёра, а фактически назначается на роль родителя. В противовес этому инфантильному подходу в книге «С мужчиной или без» ключевое понятие, к которому постоянно апеллирует Льюис, – зрелость. Зрелость – это качество, которое диктует необходимость принимать ответственность за свою жизнь. Автор полагает, что делегированием ответственности многие женщины пытаются восполнить дефицит заботы в детско-родительских отношениях. Но для здоровых отношений необходимо разделять потребности себя-ребёнка по отношению к родителям и себя – взрослой женщины по отношению к партнёру.

Приведу фрагмент интервью с 35-летней женщиной, IT-специалистом, не состоящей в отношениях:

«… Родители считают, что главное – побывать замужем. Если ты в разводе и у тебя ребёнок – это неплохо. Но если ты не замужем и родила – это трагедия. Я готовлю себя к мысли, что и в 40 может не получиться встретить вторую половинку. Хотя это и очень грустно. Но я готовлю себя к этой мысли. Потому что я вижу, что к 30 годам у меня не получилось это сделать. Значит, что-то во мне не так… Ты знаешь, раньше меня очень смущало, что я не замужем. А к 30 годам я успокоилась. И очень хорошо себя чувствую. Я могу заниматься тем, чем я хочу. Могу домой приходить, когда мне удобно. Надо мной никто не довлеет. Никто не указывает, как мне жить. Приходится платить за независимость одиночеством. Я не обделена мужским вниманием. Но я не могу найти мужчину для серьёзных отношений. Это же должно возникнуть… Человек должен быть сильнее меня. Характером. Ну не смогу я жить с сантехником…»

Как мы видим, информантка воспроизводит стандартные установки. Взрослая, успешная женщина, с одной стороны, комфортно себя чувствует, проживая одна. С другой, оглядывается на семейные ожидания и говорит о том, что желанный мужчина должен быть сильнее – принимать на себя больше ответственности за отношения.

А вот что пишет в своём блоге успешная художница, которая для нескольких тысяч своих подписчиков в «Живом журнале» является экспертом по вопросам романтических отношений:

«Думаю, что у меня никогда не будет дома на мой вкус. Потому что ни один НОРМАЛЬНЫЙ (не поэт, не художник, не музыкант и т. д.) советский мужчина не хочет жить в синем доме с полосатым полом, красной кухней и разноцветной спальней. А я хочу. Хочу полосатый пол, синие стены, красную посуду, лохматую собаку, орущих детей, красивое платье, длинные волосы, круглый ковёр и фикус на балконе».

Из данного высказывания можно сделать вывод, что автор, во-первых, откладывает организацию личного пространства по своему вкусу до появления жизненного партнёра. А во-вторых, заранее отводит будущему партнёру главенствующую роль в принятии важных решений.

Одной из главных сложностей в жизни одиночки является отсутствие возможности знать наверняка, появится ли партнёр в будущем. Если бы женщины могли точно знать, что у них никогда не будет желанных отношений, возможно, они бы начали проживать полноценную взрослую жизнь прямо сейчас. Льюис приводит такую иллюстрацию. Одна из её клиенток рассказала, что хотела бы слушать дома музыку, но не покупает себе бумбокс: «А вдруг я встречу своего будущего мужа? Наверняка у него будет свой бумбокс. Зачем нам два бумбокса?» Исследовательница делает вывод, что проживание полноценной взрослой жизни теснейшим образом связано с организацией личного пространства. Ожиданием, что «кто-то придёт и всё наладит», многие женщины-одиночки фактически откладывают полноценное проживание собственной жизни.

В условиях капитализма мужчина тоже вынужден «зубами и когтями» карабкаться по карьерной лестнице. При этом эмоции, ранее доступные лишь в традиционной семье, можно получать в корпорациях, использующих идеи и практики «команды» (как большой городской семьи). Так ли привлекательны близость и интимность партнёрства, если в нагрузку к ним прилагается ответственность за материальный и эмоциональный комфорт партнёрши?

В существующем гендерном порядке фокус внимания направлен вовне: значение статуса (то, как нас оценивают окружающие с позиции «бытового мышления») перевешивает самоопределение и личный комфорт. Однако на уровне собственной жизни можно попытаться изменить приоритеты. К примеру, переформулируя вопросы: «Почему я одна?», «Что со мной не так?» и «Как найти мужчину?» на «Почему мне плохо одной?».

Материал подготовлен в рамках программы «Гендерная демократия» Фонда им. Генриха Бёлля

иди веселей! И ничего не откладывай на потом

фото Полины Милорадович

Оксана СИВЦОВА
Казахстан

журналистка из Шимкента, Южный Казахстан

ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ИНОСТРАНЦА

можно, но нужно ли?

Признаюсь, никогда не испытывала доверия к сайтам, предлагающим познакомиться с иностранцем и уж тем более выйти за него замуж. Сразу вспоминаются «страшилки» из СМИ о несчастных соотечественницах и заграничных женихах, облапошенных предприимчивыми мошенниками. «В каком веке ты живешь? Сейчас есть такие сайты, в которых все по-честному, администраторы тщательно проверяют информацию о каждом зарегистрированном», - переубедила меня подруга и дала адрес. Любопытства и эксперимента ради зарегистрировалась.

ФЕМИНИСТКАМ — БОЙ!

«Хей, девчонки! Надоели ваши мальчики? Не хотят жениться, им нужен только секс? 10 тысяч серьезных мужчин из разных стран делают вам предложение прямо здесь!» - гласил призыв на главной странице. А дальше — ответ на главный для меня вопрос: почему западные мужчины ищут женщин из стран СНГ?

«Первая и основная причина - феминизм. Женщины (европейские) не хотят быть просто женщинами, не хотят ухаживать за собой, и чтобы мужчины ухаживали за ними, знаки внимания воспринимают агрессивно. Западные же мужчины хотят нормальную семью, детей». Далее — хвалебные слова нашим женщинам, мол, они совсем другие, коня на скаку остановят и так далее. С чувством гордости за наших дам я принялась изучать сайт. Выглядит он очень солидно и продуман до мелочей. Здесь и рекомендации от администрации - как заинтересовать иностранца, написать оригинальную анкету, с чего начать переписку. А еще - множество способов найти единственного и неповторимого: составить психологический тест на совместимость, написать тому, у кого скоро день рождения, кому давно не писали (ставится специальный значок), увидеть новичков и так далее.

ПЕРВЫЕ УДИВЛЕНИЯ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Зарегистрировавшись, не стала терять времени и принялась сама блуждать по мужским анкетам. Кроме возраста (от 30 до 45), мне было неважно, откуда избранник будет родом, какой у него цвет глаз, рост. Главное, чтобы человек был хороший. Первое, что бросилось в глаза: процентов 80 зарегистрированных иностранцев в возрасте от 40 и выше указывают, что ни разу не были женаты и не имеют детей! У нас бы про такого подумали, что с ним что-то не так. В Европе это в порядке вещей: сначала карьера, потом семья. Я было обрадовалась: мол, как хорошо, значит, такие мужчины действительно готовы к серьезным отношениям и второму ребенку (у меня-то уже есть один). Не тут-то было! В графе «Как вы отнесетесь к тому, что партнер (то бишь я) будет иметь детей?» половина прямо написали: ПРОТИВ! Так, кроме возраста, у меня появился еще один критерий отбора. Поважнее.

ГДЕ БУДЕМ ИСКАТЬ «КРАЙНИХ»?

Самое большое преимущество сайта, пожалуй, в том, что при переписке с понравившимся мужчиной вам вовсе не обязательно запасаться словарями (это и невозможно, учитывая обширную географию женихов). Функция «перевод онлайн» автоматически переведет ваше послание на родной язык собеседника. Но будьте внимательны: воспользуйтесь «обратным переводом» и еще раз перечитайте ваше письмо в том виде, в котором оно дойдет до «жениха». Некоторые слова автоматический переводчик может исказить до неузнаваемости. Их придется заменить на более простые. Чтобы не получилось, как в моей переписке с одним итальянцем, который хотел написать, что ему нравятся женщины-экстрим, а переводчик их выдал как «крайние». Так ведь и разобидеться можно друг на друга, и крайних не найти.

НЕУМЕЛОМУ ТАНЦОРУ МЕШАЕТ… ФЕМИНИЗМ

Бешеной популярностью на сайте пользуются все-таки наши бывшие соотечественники из республик Советского Союза, живущие за границей. Еще бы! Они и по менталитету роднее, и по жизненным понятиям, принципам. Да и с языковым барьером никаких заморочек. Мне удалось завести небольшую переписку с одним из таких, чтобы выяснить, правда ли, что иностранцы нуждаются в нашей любви. Вот его история.

В 1998 году Влад, так зовут собеседника, переехал жить из Москвы в канадский город Торонто. По его словам, Канада — очень неплохая и удобная для семейной жизни страна. Сейчас он вполне успешный бизнесмен, занимается покупкой-продажей недвижимости. Но вот семейная жизнь не вполне удалась, что и привело его на сайт знакомств. О том, чтобы познакомиться с местной канадкой, даже и не думает.

«Тут есть гигантская проблема — женский феминизм, - пишет он. - Пойти в ночной клуб и уйти оттуда с первым попавшимся мужчиной для местных дам не предосудительно. Зато быть верным и в чем-то «уступающим» мужу партнером - задача для них невыполнимая. Наоборот, им надо бесконечно самореализовываться и идти по головам. Прежде всего - по мужским, так как другие дамы тоже зубасты. Нам, бывшим россиянам, с такой общественной «моралью» никак не смириться».

Для таких, как Влад, подобные сайты знакомств, действительно, единственная возможность найти реликтово покладистую спутницу жизни. Однако как выбрать влюбленную в него, а не в его заграничную жизнь? Задачка не легче, чем жизнь с канадкой-феминисткой.

LOVE IS TRUE!

Просидев пару месяцев на сайте, я потеряла к нему всякий интерес. В итоге все эти «не наши» лица с одними и теми же анкетами, «подмигиваниями» в переписке стали раздражать. Но, почитав отзывы дам со всего необъятного СНГ, все ж признала некую полезность подобных ресурсов. «Я познакомилась на вашем сайте с замечательным мужчиной, который стал для меня много значить», - пишет Роза из Перми. «Я счастлива! Я люблю! Меня любят! Я в раю!», - вторит ей Галина из Кемерово. А вот радостью делится землячка из Караганды: «Мы расписались и довольны! Ура! Я из Казахстана, муж из Канады. Кто бы мог подумать?» А какие слова пишут заграничные мужчины в адрес своих возлюбленных! Вот уж где мощный выплеск эмоций, который многие годы робел перед феминистками! С чувством радости за всех влюбленных я нажала «Удалить анкету». Эксперимент окончен.

КЛАССИКА ЖАНРА

Как писали брачные объявления 100 лет назад

МУЖЧИНЫ

** Унтер-офицер желал бы сочетаться брачными узами с девицей, имеющей свой капитал. Свадьба за счет невесты.*

** Вдовец 42 лет желает жениться на девушке «без прошлого». Образованный, знает музыку. Теща нежелательна.*

** Молодой человек 19 лет с титулом князя имеет 100 тысяч капитала, желает найти себе молодую девушку, интеллигентную, с капиталом от 50 тысяч.*

ДАМЫ

** Барышня, светлая блондинка, очень хорошенькая и стройная, хотела бы выйти замуж. Предупреждает, что имеет «грех».*

** 21 год, простого звания, с незапятнанным прошлым, с приданым в 800 рублей, хорошая работница и веселого нрава, поссорившись с женихом Алексеем, желает обязательно выйти замуж за солидного непьющего человека.*

** Только что кончившая гимназию девица желает выйти замуж за холостого и бездетного вдовца с состоянием. Возрастом не стесняться.*

Как пишут сейчас

ЖЕНИХИ

** Свою фотографию не показываю, чтобы не торопить события раньше времени.*

** О себе: киргиз, но русский. Москвич.*

** Предпочитаю женщин, увлекающихся охотой и автомобилями.*

** Намерения у меня самые серьезные. Так что безденежным и без прописки просьба не беспокоиться.*

** О женщинах знаю все. Был женат официально 4 раза. Не могу без надежной семьи...*

** Люблю употреблять алкогольные напитки. Разумеется, в меру, а свою меру я знаю.*

НЕВЕСТЫ

** Я жгучая брюнетка, но русская. А поэтому перекрасилась в блондинку.*

** Коротко о себе. Национальность: записана русской, мама - еврейка, папа - немец. Так что в моем характере и внешности много интересного...*

** Уважаемый мужчина! Я - скрипачка с высшим образованием. Сейчас у меня открыто 2 экрана третьего глаза. Я узнаю болезни человека по фото и номерам квартир. Моя основная мечта - жить за границей.*

** Всю свою жизнь (девушке 18 лет. - А. В.) я мечтала выйти замуж за еврея. Как говорится, мечта умирает последней...*

** Что касается моего разума и всего остального, то этого, как вы сами понимаете, коротко не опишешь...*

Дэн БИЛЕФСКИ
Албания

ПЕРЕЙДИ НА ТОТ БЕРЕГ

и ты получишь работу и уважение

Женщины, поклявшиеся до конца дней оставаться девственницами, становились патриархами своих семей, получая все атрибуты мужской власти

Паше Кеки вспоминает тот день, 60 лет назад, когда она решила стать мужчиной. Она отрезала свои длинные черные кудри, сменила платье на отцовские мешковатые брюки, вооружилась охотничьим ружьем и поклялась никогда не выходить замуж, не иметь детей и не спать с мужчиной. Если бы она родилась в сегодняшней Албании, говорит 78-летняя девственница, которая дала обет безбрачия в обмен на право жить и руководить своей семьей как мужчина, она предпочла бы остаться женщиной.

«Но тогда быть мужчиной было лучше, потому что считалось: что женщина, что животное – все одно, – рассказывает Кеки, обладательница резковатого баритона. Она сидит, по-мужски расставив ноги, попивает раки и курит сигареты. – Сегодня у албанских женщин равные права с мужчинами, и они даже более влиятельны. Думаю, сегодня быть женщиной – это хорошо».

Поклявшиеся до конца дней оставаться девственницами – становились патриархами своих семей, получая все атрибуты мужской власти. Этот ритуал позволял сельским женщинам расширить свои возможности, ведь они жили в крайне бедной стране, где господствовали мужчины. Но сегодня этот обычай исчезает. Девочки больше не хотят становиться мужчинами.

Традиция обета девственности уходит корнями в Кодекс Лека Дукаджина – правила поведения, которые передавались из уст в уста среди кланов северной Албании на протяжении пяти веков. Обет девственности был вызван социальной необходимостью. Сельские районы были охвачены войнами, и если глава семьи погибал, не оставляя после себя наследников мужского пола, влияние могли получить незамужние женщины. Принося клятву девственности, они брали на себя мужскую роль главы семейства: носить оружие, владеть собственностью и иметь свободу передвижений. Они одеваются, как мужчины, ходят и ведут себя, как мужчины, и проводят жизнь в обществе других мужчин.

Некоторые женщины приносили эту клятву, чтобы избежать насильственного брака. Были и такие, кто решал сохранять девственность с тем, чтобы выразить свою независимость. Если кое-кто позднее пожалел о принятом решении – то путь назад был открыт, хотя и не особо уважаем: можно было вновь стать женщиной и выйти замуж.

«Отказ от сексуальности был способом вести общественную жизнь для женщин в сегрегированном обществе, где господствовали мужчины, – говорит Линда Гусиа, профессор гендерных исследований в Университете Приштины в Косово. – Задачей было выжить в мире, где правят мужчины».

Клятва сохранять девственность отнюдь не означает гомосексуальность или смену пола. Эти женщины не делают пластических операций, а гомосексуализм в сельской Албании издавна был табуирован. В северной сельской Албании, по данным исследователей, изучающих этот обычай, проживает около 40 женщин, давших обет девственности. Они остаются женщинами. Но – не такими, как большинство.

Кеки, которую в ее семье называют «Паша», говорит, что решила стать «мужчиной» в возрасте 20 лет, когда в кровавой схватке погиб ее отец. Четверо братьев Кеки выступали против коммунистического режима Энвера Ходжи, который правил Албанией на протяжении 40 лет до своей смерти в 1985 году. Братья Кеки либо сидели в тюрьме, либо были убиты. Стать мужчиной, по ее словам, было единственным способом поддержать семью: мать, четырех жен братьев и их пятерых детей.

Командуя своей большой семьей в Тиране, где ее племянницы подносили ей бренди, пока она раздавала приказы, Кеки рассказала, что жизнь в роли мужчины дала ей свободу, в которой было отказано другим женщинам. Она могла работать на стройке и молиться в мечети вместе с другими мужчинами. Даже сегодня, говорят ее племянники, они не смеют жениться без разрешения своего «дяди».

«Став мужчиной, я стала совершенно свободна, потому что никто не знал, что я женщина, – говорит Кеки. – Я могла ходить куда хотела, и никто не смел мне и слова поперек сказать, потому что я бы их побила. Я проводила время только с мужчинами. Я и не знаю, как разговаривать по-женски. И мне не бывает страшно». Когда недавно ее положили в больницу на операцию, вспоминает она, ее соседка пришла в ужас, решив, что ее положили в палату с мужчиной, и потребовала перевести ее. Но, по словам Кеки, она все-таки женщина, и это делает ее более сострадательной. «Если другие мужчины проявляли неуважение к женщинам, я приказывала им прекратить это». Она считает, что лишение половой жизни было необходимой жертвой. Ее не печалит то, что у нее нет детей, потому что ее всегда окружали племянники и племянницы. «Я приняла решение на все 100 %, и мне хватило сил не повернуть назад» – в ее словах немало гордости.

Хотя мужская жизнь тоже не так уж легка. Как только она стала мужчиной, на нее легло обязательство отомстить за смерть отца. Согласно Кодексу Лека Дукаджина, за пролитую кровь нужно отомстить кровью. Когда из тюрьмы освободили убийцу, которому тогда было уже 80 лет, Кеки приказала своему 15-летнему племяннику убить его. Потом семья того мужчины отомстила, убив племянника. «Я всегда мечтала отомстить за смерть отца. Мои братья пытались это сделать, но им не повезло. Конечно, я сожалею, что убили моего племянника. Но, если вы убили меня, я должна убить вас». В Албании, преимущественно мусульманской стране, Кодексу Лека Дукаджина следовали и мусульмане, и христиане, хотя правительства одно за другим пытались снизить его влияние. Албанские культурологи говорят, что сохранение средневековых обычаев является следствием былой изоляции страны. Однако они подчеркивают, что сегодня традиционная роль албанской женщины меняется.

«Сегодня албанская женщина – это своего рода министр экономики, министр любви и министр внутренних дел у себя дома, она контролирует, кто и что делает, – говорит Илир Изейри, критик, пишущий об албанском фольклоре. – Сегодня в Албании за всем стоят женщины». Некоторые, принесшие клятву девственности, не рады этому. 54-летняя Диана Ракипи, охранница в приморском городе Дуррес в западной Албании, пошла на это, чтобы заботиться о своих 9 сестрах. По ее словам, она скучает по эре Ходжа. В коммунистические времена она была высокопоставленным офицером армии, обучала женщин-солдат. Сейчас, скорбит она, албанки не знают своего места. «Сегодня женщины ходят полуголыми на дискотеку и не знают границ, – говорит Ракипи. – Я всегда воспринимала свою жизнь, как жизнь мужчины. Я не умею стирать, гладить, готовить. Это женская работа».

Однако даже в удаленных горных районах Курилже, в 50 км к северу от Тираны, где длинная грязная дорога вьется через оливковые рощи, местные жители утверждают, что распределение ролей меняется. По их словам, исчезновение традиционной семьи, где все когда-то жили под одной крышей, изменило многое. «Сегодня женщины и мужчины занимают почти одинаковое положение, – говорит Кака Фикири, тетя которой, 88-летняя Камиль Стема, является последней женщиной, принесшей клятву девственности в их поселке. – Мы сильно уважаем принесших клятву и считаем их мужчинами из-за их великой жертвы. Однако отсутствие в доме мужчины уже не так фатально».

В маленьком доме в поселке Барганеш «дядя» Стема сидит в окружении своих родных, одетая в келеше – традиционный белый головной убор албанских мужчин. Ее единственная уступка женственности – розовые шлепанцы. Указывая на старую черно-белую фотографию, висящую у входа, – на ней запечатлен молодой мужчина, ее отец, – она говорит, что принесла клятву девственности в 20 лет, когда он умер, а она была старшей из сестер. Став мужчиной, Стема смогла покинуть дом и рубить лес. Она носила оружие. На свадьбах сидела вместе с мужчинами. Стоило ей заговорить с женщинами, как они начинали смущаться. По словам Стемы, клятва была необходимостью. И жертвой. «Правда и то, что порой я чувствую себя одиноко. Все мои сестры умерли, и я живу одна. Но я никогда не хотела замуж. Некоторые мои родственники пытались заставить меня сменить одежду и носить платья, но, когда они увидели, что я стала мужчиной, они оставили меня в покое».

Стема говорит: «Полагаю, вы скажете, что я была наполовину женщиной, наполовину мужчиной? Это так. Конечно же, я не делала всего, что делает мужчина. Просто мне нравится моя жизнь. Я ни о чем не жалею».

Перевод Елизаветы Морозовой, Россия

Лариса БАУ
США
домохозяйка, наблюдатель жизни

ИЗРАИЛЬТЯНКИ В ИЗРАИЛЕ

В зрелом возрасте, за тридцать, мы уехали в эту страну. Израильтянки были первыми иностранками, среди которых я жила и в которых я должна была со временем превратиться. Я наблюдала их как пример для подражания не потому, что считала их идеалом поведения или вкуса, а потому что у меня не было другого выхода. Найти тип женщин, которые были мне понятней и ближе. Я приехала сюда жить, и мне надо соответствовать жизни.

В Израиле я общалась непосредственно только со светскими и, скажем так, слегка религиозными женщинами. Разделение жизни довольно четкое - религиозные и нет. Не просто сосуществование, а борьба на всех уровнях, политическом, семейном.

В ортодоксальном религиозном обществе женщина должна быть производительницей детей. Причем, часто при этом она единственная, кто работает вне дома и приносит деньги в семью, пока муж изучает религию в ешиве. Бедность, бесправие, тяжелые условия жизни. Степени религиозности разные - чем умеренней, тем более щадяще по отношению к женщинам.

КИБУЦ

Мы жили сначала в кибуце - сельском поселении-коммуне, потом в городе. Кибуцницы произвели на меня сильное впечатление. Прежде всего - абсолютным чувством равенства с мужчинами. Многие старушки-основательницы продолжали одеваться, как их мужские соратники. Когда-то в самом начале, когда все было общее, включая одежду, после стирки в кибуцной прачечной выдавались рубашка и штаны, носки, трусы - практически одинаковые на всех. Лифчик выдавался только женщинам. Досадное недоразумение природы тела. Мысль приодеться осуждалась как неуместная, вредная, отвлекающая в условиях смертельного выживания. Когда кибуцы разбогатели, появились неконтролируемые общественным мнением пристрастия: одежда, занавески, посуда. Женщины стали больше проводить времени семейно, в доме, но старое поколение основателей сохранило спартанскую скромность.

Когда в шестидесятые годы стали приезжать американцы и европейцы, в основном молодежь, в поисках смысла жизни и солидарности - оказалось, что универсальная молодежная мода, упрощающая мир шляпок, перчаток и прочих долгожданных послевоенных изысков Европы, - давно уже изобретена в кибуце.

ВОПРОСЫ РАВЕНСТВА

Меня поражала уверенность в себе, никаких вопросов или сомнений. "Надо сделать так, это правильно, это самое лучшее". Причем, это необязательно по отношению к новоприбывшей иммигрантке, между собой - точно также. А если возникает спор: ты увидишь, что я права. В Израиле женщине приходится тяжело: ей и воевать, и хоронить, и вдовствовать с детьми. Она не привыкла к роскоши длительных сомнений. И на помощь она прибежит первая. Вежливость, извинения, сослагательное наклонение, объяснения - это не ее. Она идет прямо, никого не обходя. Поначалу мне тяжело было ходить по улицам - постоянно приходилось лавировать, чтобы не наткнуться на кого-нибудь. Я поняла не сразу, что все идут как бы "через тебя".

В Израиле вообще-то есть формальное равенство. Женщины служат в армии, но в самые боевые части их не берут. Если они попадут в плен, их ждет больше издевательств, чем мужчин. И никакая женевская конвенция о военнопленных не поможет. Не так давно одна девушка, пилот вертолета, подала в суд, что ей не позволяют стать пилотом истребителя. Она проиграла, но аргументы суда ее не убедили.

Уже в городе я работала в издательстве. Владелец любил поболтать со мной и секретаршей о делах фирмы. Обсуждая возможность нанять кого-то, он откровенно пояснял: я же не могу ему мало платить, как женщине.

Я удивилась: а зачем вы нам, женщинам, это говорите?

– Так вы, женщины, меня больше поймете.

– А вам не стыдно, что женщинам меньше платите?

– Ну так все делают. Где ж я столько денег возьму, всем много платить? - искренне удивлен, и не смущен, и не обижен.

В больших фирмах, особенно международных, я не думаю, что разница в зарплате есть. Но в маленьких, на внутреннем рынке, или где почасовая зарплата - встречается нередко.

Я не знакома с арабскими или друзскими женщинами. Все, что я знаю о них - понаслышке или из газет и журналов. И друзским приходится особенно тяжело, там вовсю практикуется женское обрезание, женщина бесправна в семье. Убийства за честь семьи - нередки. И вы думаете, что это только среди темных необразованных крестьян? Нет! Полицейский, учитель - сидят в тюрьмах за убийства сестер и дочерей.

Среди арабских женщин большая разница - христианская семья или нет. Христианская арабская женщина - судья, врач, учительница, уверенный голос в своей семье и обществе.

СЕКС

Городская светская израильская женщина очень свободна. Секс не является закрытой темой в школе. Есть предмет по сексуальному воспитанию. Подростковая беременность - крайняя редкость, подростки научены обращению с презервативом, секс обсуждается на телевидении, в журналах.

У моего мужа на работе была уборщица - пожилая женщина. Она приходила вечером, иногда и я заходила, мы болтали в маленьком столовом закутке. У нее было восемь детей, она очень жалела меня: несчастная, у нее только один ребенок. Она считала, что, может быть, я не умею делать детей. Подробно объясняла, как и когда мне заниматься сексом. Показывала, как мне надо лечь. Ее не смущало, что другие сотрудники подходили взять кофе и видели ее, лежащей на большом столе в конференц-зале, ногами вверх, но стыдливо обмотавшись длинной юбкой. Она радостно говорила им, что учит меня делать детей. Народ посмеивался, она - нет, была серьезна и решительна, спрашивала, с кем дружит мой муж, чтобы тот научил его, олуха, как надо детей делать.

ДЕТИ

В Израиле в семьях помногу детей, во всех социальных слоях. Три - минимальное правило. Один ребенок - причина осуждения или сочувствия. Объясне-

фото Гоги Цагарели, Грузия

фото Гоги Цагарели, Грузия

ния не принимаются, ни материальная бедственность, ни желание дать одному больше внимания или хорошее образование - это просто непонятно. Если причина не здоровье - то лень, плохой характер, эгоизм. Много детей воспринимается не только как желание семьи, но и как необходимость поддержания израильского народа. Особенно при постоянных войнах и угрозе уничтожения дети воспринимаются как долг. Никому не могло прийти в голову, что мужчины могут не хотеть детей в семье. То, что в России муж рассматривает как обузу - здесь гордость. Я нигде более не видела мужчин, проводящих столько времени с малышами. С удовольствием, а не унылым самопожертвованием. Пеленают их, гугукают. Ребенок воспринимается как дар божий, а не как досадная промашка.

Отношения с детьми вызывали у меня чувства стыда за себя, за наше воспитание, советскую школу. Дети необычайно свободны, они имеют право быть детьми, никто не шпыняет их, не шипит: не трогай, положи на место, не ковыряй в носу, стой прямо. Ребенку смешно - будет смеяться, никто не остановит его, даже если это кажется глупо и неуместно. На похороны дети не ходят, поэтому сильно неуместно не бывает. Мне было печально и стыдно - как меня дергали в детстве, чтобы вела себя прилично, так я и своего бедолагу дергала. Мой сын всегда был ненавидим учителями за свободный ум. Я привыкла на родительском собрании получать в лоб.

В Израиле вашего ребенка публично не обсуждают. Когда я впервые пришла в школу, учительница начала хвалить моего сына. Отметила трудности, именно трудности, и как надо ему помочь. Сижу, насторожившись. Жду критики, спрашиваю в конце: а чем плох? да ничем не плох! Не идиот и издеватель, и мозги не навыворот, и мысли неглумливые. Я услышала, какой он умница, добрый друг, образованный свободный мальчик.

- Вы, русские еврейки, не уважаете своих детей, вы все время что-то от них требуете.

Конечно, можно сказать, что израильские дети невоспитанны, не умеют себя вести. Их справедливо жалеют: им придется идти в армию, и может быть, умереть в двадцать лет. Эта мысль, как говорила мне одна коренная израильтянка, сидит у нее в подсознании, мелькает, когда она впервые видит своего новорожденного, она гонит ее бессонными ночами, когда ее дети в армии или на резервистской службе.

Но, конечно, позитивный момент тоже есть.

- Вы, русские еврейки, образованные, и детей своих учите.

Музыкальные школы, всякое внеклассное обучение - там всегда найдете детей русских иммигрантов.

Традиционно русские недовольны обучением в других странах. Им часто кажется, что дети учат мало, бессистемно. Советская школьная система имеет цель научить предметам, но не воспитать человека с достоинством и свободой. Везде есть плохие и хорошие конкретные школы. Я восхищаюсь израильским обучением в светских школах -удачное сочетание образования и подготовки к жизни.

ВНЕШНЕЕ

В Израиле так жарко, что сама мысль о том, что одежда будет прилегать к телу, уже невыносима. Формальностей нет, мужчины в цветных трусах, как бы шортах, на улице, девушки полуголые. Опять жалко религиозных, они одеты серьезно. Девочки, выбегая из религиозных школ, быстро скидывают длинные юбки и оказываются в шортиках. Поколение дам исчезает, старушки в шляпках, говорящие по-немецки, по-польски - их еще можно встретить в кафе - пирожное и кофе с молоком.

Девушки-солдатки в форме, принарядиться можно разными заколками в прекрасных волосах, плюшевый мишка привязан к автомату, фенечки - плетеные браслетики. Матроны - в разлетающихся широких кофтах, девицы - как везде, джинсы, майки, бретельки разноцветных лифчиков торчат. Молодые девушки очень красивы, смешение еврейской крови из разных стран дает удивительную амальгаму. Они знают, что красивы, не будут ждать приглашений. Сами возьмут!

Надира МУРАТОВА
Узбекистан

Кандидат медицинских наук, магистр по организации здравоохранения. Окончила Второй Ташкентский государственный медицинский институт. Работала консультантом и тренером международных проектов: ЮНИСЕФ, JICA,Всемирного Банка.
В настоящее время проводит исследование для докторской в Медицинском Колледже Университета штата Флорида (COMFSU) по гранту Фульбрайт

МЕДИЦИНА И АВИАЦИЯ: ЧТО ОБЩЕГО? ФАТАЛЬНОСТЬ НЕПРАВИЛЬНОГО РЕШЕНИЯ

берегите врача от ошибок – спрашивайте и уточняйте

Человеку свойственно ошибаться – известное латинское изречение стало особым паролем для многих специалистов здравоохранения во всем мире. Это код, который открыл новое направление в здравоохранении и клинической медицине – безопасность пациентов. После опубликования отчета Института медицины США в 1999 году американская медицинская общественность была шокирована статистикой: от 44 до 98 тысяч человек погибают в больницах США вследствие медицинских ошибок, которые можно было предотвратить. Вслед за США медики из Канады, Австралии, Великобритании решили оценить ситуацию в своих странах. Результаты также были удручающими. И тогда было решено изучить и внедрить опыт тех отраслей, где так же высоки риски, но которые смогли создать систему безопасности. Как, например, в авиации.

ЗАРИСОВКИ ИЗ ЖИЗНИ

Середина 70-х. Молодой женщине, уже имеющей двух детей, во время третьей беременности ставят ошибочно диагноз порока сердца. И врачи решают исключить потужной период родов и наложить щипцы, несмотря на протесты матери. В результате неудачной манипуляции – у ребенка травма головы. До четырех лет ребенок не разговаривает. Он под постоянным наблюдением детского психоневролога, на лечении и реабилитации у сурдолога и логопеда.

Лихие 90-е. Молодая продвинутая девушка, которая вышла замуж, решает по всем правилам современной медицины пройти обследование и подготовиться к беременности и материнству, как рекоменду-

эффективная медицина - это качественное сотрудничество врача и пациента

фото Полины Милорадович

ют во всех буклетах, разложенных в женских консультациях. Врач берет вагинальный мазок. А затем, натянув перчатку, выловленную из таза с какой-то жидкостью, несмотря на протесты девушки, проводит вагинальное обследование. Девушка уже не сопротивляется после авторитарного приказа лежать и не вмешиваться в то, чего не понимает. Через неделю девушка уже приходит с жалобами, и у нее диагностируют одно из ЗППП (заболевания, передаваемые половым путем).

Наши дни. Мальчику 15 лет провели успешную операцию, после которой для уменьшения послеоперационной боли ему назначают Кеторолак (Ketorolac). Через пару дней боли усиливаются, молодой врач, ведущий наблюдение, решает продолжить введение препарата. Однако на протяжении нескольких дней состояние ребенка только ухудшается. Врач расценивает это как нормальное течение послеоперационного периода. Через 4 дня мальчик умирает. На вскрытии диагноз: прободная язва желудка, перитонит. Причина – передозировка Кеторолака.

ИЗ ИСТОРИИ ПРОБЛЕМЫ

На описанные выше и другие ситуации, которые приводили даже к летальным исходам, в разное время относились по-разному. В большинстве случаев врачи старались скрыть свои ошибки и их последствия. В обществе либо сетовали, что врачи люди, и все в руках Всевышнего, и оставляли все как есть. Либо подавали в суд. Законодательство Советского Союза в отношении халатных действий врачей и медицинского персонала было существенно ужесточено в 70-80-х годах. И вопрос, где поставить запятую: «казнить нельзя помиловать», до сих пор жарко обсуждается в русскоязычной профессиональной литературе. Однако это привело к еще большему сокрытию неблагоприятных исходов у пациентов, и на сегодняшний день реальной картины статистики неблагоприятных событий в странах СНГ не знает никто.

В США также в 80-х годах прошлого столетия в суды хлынул огромный поток исков против врачей, которые в результате своей деятельности нанесли непоправимый ущерб здоровью или даже жизни пациентов. Но, как и в бывшем СССР, стратегия наказания и обвинения оказалась совершенно неэффективной.

Тогда исследователи решили изучить ситуацию и выявить основные причины происходящего. И в 1999 году был опубликован отчет Института медицины США (Institute of Medicine, IOM) «Err is human» («Человеку свойственно ошибаться» -цитата взята из известной латинской пословицы), ставший переломным для здравоохранения всего мира. В нем впервые обнародованы данные, ныне широко известные медицинской общественности: от 44 до 98 тысяч человек погибают в больницах США вследствие медицинских ошибок, которые можно было предотвратить. Согласно данным, приведенным в отчете, медицинские ошибки, приведшие к летальным исходам в госпиталях, стоят на 8 месте, обогнав таких общеизвестных «убийц», как автомобильные аварии (43,458), рак молочной железы (42,297), или «Чуму 20 века» – СПИД (16,516). Стоит уточнить, что в отчете учитывались только признаваемые всеми неблагоприятные последствия ошибочных вмешательств, произошедших непреднамеренно.

Риск возникновения осложнений, угрожающих жизни и здоровью человека при получении медицинской помощи, в результате ошибочных действий медицинских работников составляет 1:300 (по другим данным 1:700). Для сравнения: в гражданской авиации лишь один человек из 1 миллиона людей, совершающих перелеты, подвергается риску в результате неверных действий персонала.

Был оценен и экономический ущерб из-за отсутствия системы, обеспечивающей безопасность пациентов. Исследования показывают, что дополнительная госпитализация, судебные издержки, приобретенные внутрибольничные инфекции, утраченный доход, инвалидность и медицинские расходы обходятся некоторым странам от 6 до 29 миллиардов долларов США в год.

ЧЕГО НАДО ОПАСАТЬСЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО

В начале нынешнего тысячелетия под эгидой ВОЗ был создан Всемирный альянс за безопасность пациентов. Он опубликовал ряд фактов, собранных в ходе специальных исследований. Самое частое неблагоприятное событие, как в развитых, так и развивающихся странах, – госпитальная инфекция. Около 1,4 миллиона человек в мире страдают от приобретенных в больницах инфекций. И как ни банально звучит, одной из основных причин являются грязные руки персонала, посетителей. Вторая причина госпитальной инфекции в некоторых странах (особенно в развивающихся и в странах с переходной экономикой) – это инъекции, сделанные шприцами и иглами, используемыми повторно без стерилизации. Их доля достигает 70%. Ежегодно небезопасные инъекции приводят к 1,3 миллиона случаев смерти, главным образом, в результате передачи переносимых кровью патогенных микроорганизмов, таких, как вирус гепатита В, вирус гепатита С и ВИЧ. Еще одним фактором, который ведет к распространению инфекций, является небезопасное переливание крови. В этой связи ВОЗ стала рекомендовать отказываться от платных услуг доноров и переходить на систему добровольного донорства. Кроме того, в службе переливания крови необходимо улучшить систему лабораторного контроля.

Другими факторами, которые могут способствовать инфицированию, являются мочевые катетеры и катетеры центральных сосудов, которые обычно ставят тяжелобольным пациентам.

Далее следуют послеоперационные осложнения. Ежегодно во всем мире проводится около 234 миллионов обширных оперативных вмешательств. У 3%-25% пациентов послеоперационные осложнения приводят к инвалидности или длительному лечению. Эти показатели означают, что ежегодно по меньшей мере у 7 миллионов пациентов развиваются послеоперационные осложнения. Показатели смертности после обширных хирургических вмешательств составляют от 0,4% до 10%, в зависимости от условий в медицинском учреждении. Это означает, что ежегодно во время или после операций умирает, по меньшей мере, 1 миллион пациентов.

В странах СНГ вопрос практически не изучен. В российской специализированной литературе в основном анализируется статистика летальных исходов в результате неправильного ведения пациентов. По некоторым данным российских авторов, в 70-х годах было показано, что участковые терапевты допускают погрешности у каждого второго пациента. Но они не носят намеренный характер, т.к. у любого врача не может быть умысла нанести вред своему пациенту.

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО

По этой отрасли судят о качестве здравоохранения в целом. Но опять же во многих странах постсоветского пространства статистика о врачебных ошибках либо не ведется, либо сокрыта за семью печатями. Свою лепту вносят и существующие разногласия, что считать врачебной ошибкой, что – халатностью.

По данным уже исторического исследования в штатах Юта и Колорадо в США, у 70000 госпитализированных детей развиваются неблагоприятные события (вследствие причиненного вреда в результате медицинского вмешательства, а не из-за основного заболевания), причем 60% – это предотвратимые последствия (травмы, которых можно было бы избежать при правильной организации работы). 68% детей, которые в результате неблагоприятных событий находились в больницах более длительное время или стали инвалидами, были новорожденными или грудничками. В этом же исследовании было показано, что наиболее распространенным неблагоприятным событием среди детей в госпитальном звене, являются родовые травмы – для 29,6% всех неблагоприятных событий. И более трети этих неблагоприятных событий можно было предотвратить.

фото Полины Милорадович

НУ ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ, ПОЧЕМУ?

Уточним еще раз, что речь идет не о халатности, а о медицинской (врачебной) ошибке и неблагоприятном событии, которые произошли непреднамеренно.

Итак, каковы причины ошибок медицинских работников (врачей, медсестер, специалистов лабораторной и функциональной диагностики и др.)? В результате проведенных многочисленных исследований, важным фактором, ведущим к увеличению частоты неблагоприятных событий, являются перегрузки медицинских работников (аналогичная картина наблюдается и в наших лечебных учреждениях в связи с дефицитом кадров).

Другим важным фактором является невовлеченность пациентов в процесс и неинформированность о тех процедурах, которые они проходят. В большинстве больниц США есть документы, предписывающие информировать пациентов и членов их семей о предотвратимых медицинских ошибках. Сейчас очень многие клиники США, Европы, Австралии стали уделять особое внимание правильному общению с пациентами и их родными, развивают специальные так называемые пациенто-центрированные программы. В ряде стран СНГ сформировалась практика «информированного согласия» и отказа от последующих претензий в случае осложнений – она ни в коей мере не является аналогом вышеназванных документов в США и Западной Европы.

Третий, и, возможно, один из важнейших факторов, способствующих повторному возникновению тех же событий, является практика обвинения и наказания медицинского работника, допустившего ошибку. Это ведет к сокрытию и невозможности ее выявить и устранить причины ошибки. Законодатели некоторых стран изменяют юридическую систему в том направлении, которое подсказано опытом авиации, где впервые была создана система поощрения сообщений об ошибках и опасных ситуациях, ставшая важнейшим инструментом повышения безопасности полетов.

Авторы отчета Института медицины США настоятельно рекомендуют переносить акценты с наказания и обвинения отдельных лиц на разработку системы безопасности и предотвращения будущих ошибок. «Да, – пишут они в заключение, – «человеку свойственно ошибаться, но эти ошибки могут и должны быть предотвращены. Обеспечение безопасности является критическим шагом к улучшению качества в системе здравоохранения». Эти выводы были подтверждены и в последовавших затем многочисленных публикациях, авторы которых были едины во мнении, что повышение безопасности в медицине возможно только через изменение культуры профессии, в том числе через «пациентоцентрический» подход и открытое обсуждение ошибок.

Системные усовершенствования – это единственный путь к повышению качества в здравоохранении. И уже есть примеры таких решений. Это введение проверочных листов при проведении операций или особо опасных манипуляций. Это введение системы штрих-кодов для пациентов. Такой же штрих-код приклеивается к истории болезни, к пробиркам с анализами, к лекарствам, предназначенным именно этому пациенту. Это введение системы различной маркировки лекарств одного наименования, но с разной дозировкой. В анестезиологии используется система цветовой маркировки и характерный профиль ручек вентилей, что существенно снижает риск неправильной подачи газов во время наркоза.

В развивающихся странах и в странах с переходной экономикой, по данным обзора Всемирного Альянса за безопасность пациентов ВОЗ, риски возникновения неблагоприятных событий среди пациентов значительно выше. Помимо вышеперечисленных факторов, здесь добавляются плохое состояние инфраструктуры и оборудования, дефицит и ненадежное качество лекарств, недостатки в инфекционном контроле, низкая квалификация персонала и пренебрежение обязанностями из-за низкой мотивации. И все это на фоне острого недофинансирования медицинских служб практически по всем статьям текущих оперативных расходов.

ИЗВЕЧНЫЙ ВОПРОС – ЧТО ДЕЛАТЬ?

На то, чтобы изменить систему, потребуются политическая воля, четкое представление о ситуации, правильно выбранные цели, время, усилия как медиков, так и пациентов. Необходимо правовое обеспечение этих процессов.

Накопленный опыт свидетельствует, что систему качества и безопасности нельзя внедрить, ее можно только развить и взрастить. Недостаточно только структурных реорганизаций и новых технологий. Необходимо изменение качества управленческих решений, смена психологии как руководителей, так и персонала, глубокие изменения корпоративной культуры и кадровой политики. С другой стороны – необходимо менять психологию самих потребителей, их отношение к вопросам собственного здоровья, нужны грамотность и осведомленность.

Однако что делать сейчас? Когда медицинская помощь нужна сегодня вам, вашему ребенку, вашему близкому человеку?

Чаще всего проблемы возникают там, где есть недопонимание и недоговоренность. Поэтому выясняйте у врача все детали диагностических процедур и лечения. Спрашивайте, если что-то осталось непонятным. Просите точно расписать все, что касается процедуры лечения, его продолжительности, а также как и когда надо начинать и заканчивать прием лекарств или отменять процедуры. Если, скажем, после операции вы не уверены, что медсестра или врач сделали все так, как надо, если состояние внушает вам опасение – не стесняйтесь и требуйте дополнительной консультации более опытного специалиста. Четко изложите причину своего беспокойства. Будьте в курсе своего лечения, следите за тем, что и как вам проводят во время различных диагностических и лечебных манипуляций.

Катарина ВИТНЕСС
Чехия/Узбекистан

работает в одной из международных организаций в Центральной Азии. Реальное имя заменено псевдонимом, имена в тексте также изменены

КОМУ НУЖНЫ ПРАВА ЖЕНЩИН?

никому, кроме них самих

фото Галины Петриашвили

– О, пожалуйста, пожалуйста, вы нужны нам – защитите нас! – женщина почти кричала, пытаясь преодолеть своего мужа, который не давал ей говорить. Мужчина, глядя на нее волком, потянул в сторону и начал быстро говорить с ней по-узбекски, чтобы я не поняла.

– В нашей стране все хорошо! – он вдруг перешел на русский, медленно поворачиваясь ко мне. – У нас замечательный президент и в связи с этим хорошее качество жизни. Чего еще вы хотите?

– Мы не имеем никаких прав! У нас даже нет возможности узнать о них! – опять воскликнула женщина и посмотрела на меня с отчаянием. Когда ее муж отошел, она поспешно подошла ко мне.

– Он нормальный, он просто пьян, – прошептала быстро. – Вот смотрите, когда женщина хочет развестись, она не имеет абсолютно никаких прав, не знает, к кому обратиться за советом. Муж легко получает право на воспитание детей и обычно забирает их к себе, а жена даже не знает, где они и как с ними связаться. Это произошло со многими женщинами, которых я знаю! Как можно позволить, чтобы ребенок рос без матери? Как можно сказать ему, что мать бросила его?!

Она нервно продолжала:

– Я из Ташкента, столицы, культурного центра, но мои права нарушаются постоянно, – а что происходит в кишлаках? И никто этим не интересуется! Мы постепенно превращаемся в полицейское государство, и чем меньше женщины знают свои права, тем лучше для правительства. Если не знают, то не станут и требовать! – Женщина почти плакала. Ее монолог остановил подошедший муж, велел идти за ним.

– До свидания, – прошептала она. – Я действительно надеюсь, что вы начнете здесь работать.

В основном законодательства стран Центральной Азии выглядит на бумаге просто здорово. Конституция Узбекистана запрещает все формы дискриминации и говорит, что мужчины и женщины имеют равные права. На самом деле патриархальные тенденции очень сильны, они до минимума снижают возможности женщин в семье и в обществе, мужчина считается главой, единолично принимает важные решения. Узбекские женщины подвергаются всем формам дискриминации, включая принудительные и ранние браки, а также многоженство. Отсюда разнообразные формы насилия.

У Гульноры и ее сестры Нигоры гостиница.

– Сегодня я видела моего сына, – Гульнора вздохнула и опустила глаза. – Я сказала ему, чтобы он передал привет своему деду – моему бывшему свекру – но сын отказался. Видите, он даже не хочет со мной общаться, – добавила она. Мы сидели во дворе их гостиницы и пили чай с домашним вареньем.

– Я решила развестись с мужем четыре года назад, после многих лет унижения и насилия. Я не хотела, чтобы мой сын видел это, и подала на развод.

Она говорила спокойно, положив голову на плечо своей сестры.

– Я сделала это обдуманно и честно, во благо сына. Я не консультировалась с адвокатом, потому что не могла себе это позволить, да и какой адвокат будет разговаривать с женщиной, желающей развестись?

У Гульноры не было большой надежды на суд, но она испытала настоящий шок, когда узнала, что 10-летний сын должен остаться с ее бывшим мужем.

– Ему в то время было 10 лет, его легко было обработать. И он сейчас, действительно, верит, что я его бросила, – добавила она.

Теперь сыну 14, и он живет в трех кварталах от Гульноры, но она редко видит его.

– Я боюсь, что я его потеряла, – говорит она со слезами. – Для него я навсегда останусь плохой матерью, которая отказалась от него. Я только надеюсь, что он не будет похож на своего отца.

В отличие от Конституции, узбекский Семейный Кодекс от 1998 года даже в теории не слишком защищает права женщин, особенно при разводе. Суды, как правило, оставляют ребенка матери, но накладывают определенные ограничения. В то же время отец считается «естественным опекуном» своих детей и может обжаловать решение суда. Кроме того, если он докажет, что мать живет далеко, он может добиться того, что ребенок остается с ним. Узбекистан также разработал систему «махаллинских комитетов», которые решают ежедневные семейные вопросы. И хотя эти решения не имеют юридической силы, комитет может не поддержать женщину, требующую развод, и тогда она столкнется с серьезными трудностями.

У Нигоры тоже есть что рассказать. Испытав насилие и унижение со стороны мужа, она тоже решила развестись.

– Не было речи про признание опеки мне или ему, потому что нашей дочери уже исполнилось 18 лет. Тогда он сказал, что убьет меня и ее, если я с ним разведусь. К счастью, она как раз собиралась поступать в университет, и я послала ее учиться за границу.

Сейчас дочь Нигоры учится на третьем курсе, и пока в родной Узбекистан не возвращалась. Нигора посетила ее один раз.

– Теперь у меня есть еще одна причина бояться за нее. Она учится на юриста и хочет вернуться домой, в Узбекистан, защищать права женщин. Я опасаюсь репрессий и со стороны отца, и со стороны правительства.

Обе сестры отказались комментировать текущую политическую ситуацию. Нигора поспешно вернулась к работе, а Гульнора все же упомянула Музей истории и искусства узбекского народа. Одна из самых популярных туристических достопримечательностей, он был разрушен по прихоти некоторых чиновников.

– Они сделали это просто так! – воскликнула она. – Музей им оказался не нужен, и они просто уничтожили его, необразованные хамы!

Время покажет, какое будущее ждёт людей в Узбекистане, особенно женщин. Очевидно, что патриархат усиливается. Как говорит Гульнора, права женщин ждет такая же участь, что и разрушенный музей:

– Они уже решили, что права женщин никому не нужны, поэтому они быстро уничтожают то, что еще остается.

Умида АХМЕДОВА: СТАБИЛЬНОСТЬ УЗБЕКИСТАНА – это стабильность рабовладельческого государства

фотограф и документалист из Узбекистана. В 2009 году подверглась давлению за фотоальбом жанровых снимков, в которых государство усмотрело «клевету на Узбекистан». Была осуждена на 3 года, амнистирована в зале суда.

Коллективное интервью пользователей ресурса «Лента. Ру». «Диалог» выбрал наиболее интересные вопросы и ответы

– Каково сейчас отношение к приезжим в Узбекистане? Если, например, турист из Москвы приедет в Узбекистан, чего ему стоит опасаться?

– Отношение к туристам, в том числе и к российским, в Узбекистане традиционно хорошее. Простые узбеки крайне гостеприимны, другое дело – представители власти, милиционеры, таможенники: если у них будет хоть малейшая возможность заработать на вас деньги, они непременно этим воспользуются.

– Как сейчас поживает интеллигенция Ташкента?

– Образование как система, по сути, уничтожено. Все держится на энтузиазме людей предпенсионного возраста, от которых повсеместно стараются избавляться. Культуры и искусства это касается в первую очередь. Естественно, какие-то люди еще остались, и молодежь вокруг них концентрируется, но это существует вопреки государственной политике. Все государственные программы приводят к прямо противоположным результатам и носят имитационный характер. Интеллигенция Ташкента большей частью реагирует на все традиционным интеллигентским способом – старается всего этого не замечать – по крайней мере, публично. Что власть вполне устраивает.

– Не кажется ли вам, что Узбекистан и другие республики Средней Азии больше всех пострадали от распада СССР? Уровень жизни очень упал, за остатки ресурсов идёт борьба между кланами… Возможно ли воссоздание нового Союза как асимметричной федерации с участием Узбекистана, России и других республик?

– После распада СССР Узбекистан потихоньку вернулся в 15 век, не зря его символом стал Амир Темур. Воссоздание нового союза не только возможно, но и является, на мой взгляд, единственно возможным вариантом, позволяющим предотвратить превращение всей Центральной Азии в один большой Афганистан.

– Как обстоит в Узбекистане дело с памятниками советской эпохи (в особенности участникам Великой Отечественной войны)? Насколько о них заботится

Земля и люди: мой бесконечно любимый Узбекистан

фото Умиды Ахмедовой

государство и простые люди? Знает ли молодежь нашу общую историю?

– Все упоминания о советской и русской истории старательно подчищаются, убираются памятники, названия улиц, полно всяких глупостей в учебниках истории. День Победы и тот переименован в абстрактный День памяти и почестей. Молодежь почти совсем не знает нашей истории, хотя родители в большинстве случаев о ней рассказывают. Те, кому это интересно, всегда могут найти информацию в Интернете.

– Что будет после отхода Каримова от власти? Возможно ли возвращение Ташкента в русло российской политики?.

– Я несколько далека от политики и предсказать расклад политических сил вряд ли смогу. Но, думаю, что простой сменой лидера не решить всех проблем. Уже сегодня к власти приходят другие люди, но мы не ждем от них ничего хорошего. Их вскормил нынешний режим, действуют они еще агрессивнее, и моральных барьеров у них еще меньше. Возвращение Ташкента в русло российской политики зависит в большей мере от самой России. Восток уважает силу, и только с ней он будет считаться.

– Я подписывалась под петицией, чтобы защитить Вас от преследований. Как складывается Ваша жизнь в настоящее время? Можете ли свободно заниматься своей профессиональной деятельностью в Узбекистане? Планируются ли Ваши выставки в Европе, в частности, в Германии? Была бы рада посетить их.

– Большое спасибо за Вашу поддержку, она была для меня очень важна. Профессиональной деятельностью я сейчас занимаюсь, наверное, даже активнее, чем раньше. Много снимаю, провожу мастер-классы как в Узбекистане, так и за его пределами. Естественно, официальные структуры от меня «шарахаются», но помешать не могут. С октября по март проходила моя передвижная выставка по городам Испании. В ближайшее время пройдет выставка в Дании, состоятся встречи со студентами Копенгагенского университета. Насчет Германии пока планов нет.

– Как Вы думаете, почему у Узбекистана такие напряженные отношения со всеми соседями?

– В советское время Ташкент был южными воротами Советского Союза, и на это работала вся страна. После независимости амбиции сохранились, а былых ресурсов – как интеллектуальных, так и прочих – не стало. Поэтому современные претензии Узбекистана на лидерство в регионе смешны. Отсюда и напряженные отношения с соседями.

– Каково положение русских в Узбекистане?

– Разное. Есть такие, которые живут неплохо, но есть и узбекские бабушки, которые бедствуют.

Конечно, жизнь у пенсионеров несладкая, и боюсь, что это касается большей части постсоветской территории. И русские, и узбекские пенсионеры находятся в одинаково тяжелом положении, без поддержки родных им просто физически не выжить. О русских, которые живут неплохо, мы всегда можем посмотреть по узбекскому телевидению, там только такие и присутствуют. Впрочем, как и узбеки. И уж совсем не говорится о русских, сидящих в узбекских тюрьмах по надуманным обвинениям (Максим Попов, Юрий Корепанов). На тему русских в Узбекистане мы с Олегом Карповым, моим мужем, сняли несколько фильмов. Два из них – «Жить и умереть в Самарканде» и «Жить и жить в Фергане» – есть на Rutracker.org. Свое отношение к этой проблеме мы в них высказали достаточно внятно, если вам интересно, посмотрите. Это фильмы-размышления.

В среднем русские здесь живут не хуже узбеков, только уровень жителей Узбекистана намного ниже уровня жизни в России и один из самых низких по СНГ. Многие русские считают Узбекистан своей Родиной, и их менталитет сильно отличается от российского. Кроме того, жилье в Узбекистане раз в 10 дешевле, чем в России, и существуют проблемы с вывозом имущества, которое не хочется продавать за бесценок. И потом, люди не уверены, что смогут найти себе достойную работу в России. Поэтому сейчас уезжает в основном молодежь, которой все равно, где начинать.

– Правда ли, что в Узбекистане фактически установилась диктатура клана Каримова? Можно ли утверждать, что Каримов целенаправленно прививает национализм – или это очередная промывка мозгов со стороны российских федеральных телеканалов?

– Не надо забывать, что Каримов коммунист, и все прелести диктатуры пролетариата у нас присутствуют. Только теперь это называется диктатурой плутократии. Нельзя сказать, что Каримов целенаправленно разжигает национализм, это может обернуться, в первую очередь, против него.

– Нельзя забывать, что Узбекистан это мусульманская страна. Есть ли толерантность к другим религиям?

– Узбекистан никакая не мусульманская страна, это заблуждение. Мусульмане стали появляться у нас только после объявления независимости, а до этого их практически не было, были коммунисты и комсомольцы. Нынешнее руководство – сплошь атеисты, поэтому в отношении религии проводится политика, очень схожая с советской. По отношению к другим религиям и национальностям узбеки достаточно толерантны.

– Как рассказывал мой одноклассник, на бытовом уровне проявления национализма были крайне редкими. Насколько изменилась ситуация сейчас? Как складывались отношения между узбеками и киргизами?

– В начале 1990-х были некоторые проявления национализма, но в основном они оставались на бытовом уровне и до криминала не доходили. За исключением ферганских событий 1989 года, которые явно были инспирированы властью. Сейчас этого практически нет. В период СССР народы Средней Азии жили достаточно дружно. Я не помню никаких особых конфликтов, за исключением тех, что начались в период распада. Узбеки не хотели выхода из СССР, их оттуда выгнали насильно. И сейчас отношение достаточно ностальгическое, по крайней мере, среди людей постарше.

– Как Вы считаете, куда направлен вектор развития страны?

– В настоящий момент Узбекистан – это рабовладельческое государство 15 века. И то, что здесь есть телефон и телевизор, принципиально ничего не меняет. Как говорил Герцен, Чингисхан с телеграфом куда страшнее, чем Чингисхан без телеграфа.

– Между Узбекистаном и Россией исторически сложились социальные и экономические отношения. Скажите, пожалуйста, стремится ли Узбекистан снизить долю этих отношений во внешних связях? Например, переориентироваться на Китай? Есть ли у населения положительные ассоциации с Россией?

– Узбекистан и Россия достаточно долго были одной страной. И ощущение единой страны у большинства узбеков осталось.

– Есть ли у Каримова положительные стороны? Свободы возможны в республике? Почему их наличие трактуется как ослабление безопасности государства?

– Положительная сторона любого диктатора (она же и отрицательная) заключается в том, что, пока у него хватает сил, он держит народ в повиновении, но его старость, болезнь, смерть приводят к полному хаосу. В современном мире диктатура не конкурентоспособна. Что касается свободы в нашей республике, то, к сожалению, от рабства нельзя освободить. Никакие внешние обстоятельства не сделают человека свободным, увы. Считается, что для революции необходим некоторый уровень демократии, при диктатуре она невозможна. Но стихийный бунт, кровавый и беспощадный, при диктатуре неизбежен.

– У меня есть знакомые узбеки из ташкентской интеллигенции. Они говорят на замечательном русском языке, очень хорошо образованные, светские люди. В разговорах про Узбекистан рассказывают, как хорошо им сейчас живется в республике.

– В Узбекистане, действительно, есть некоторое число людей с красивыми домами и бассейнами, и им, действительно, очень хорошо живется. Как правило, это милиционеры, таможенники, работники прокуратуры, налоговики, СНБ-шники. А те, кого в России называют гастарбайтерами, – это скорее беженцы, которые вынуждены покинуть Узбекистан, чтобы не умереть с голоду. И будь у них возможность получить российское гражданство, они никогда не вернулись бы обратно.

– Чем, по-Вашему, отличается нынешняя цензура от советской? Возможно ли правдивое кино?

– Нынешняя цензура отличается от советской катастрофическим уровнем образования, что в моем случае даже хорошо, потому что советские «искусствоведы в штатском» сумели бы серьезнее подготовиться к процессу надо мной и не выставить себя посмешищем. Как это ни парадоксально, в Узбекистане снимают правдивое кино. Только это не игровые фильмы, а видео-арт и безбюджетное документальное кино. До властей эти фильмы не доходят, но в интеллигентской среде циркулируют достаточно активно. Это направление даже получило название – «узбекский арт-джихад».

Яна ТЕМИЗ
Турция

*филолог, балетный либреттист,
популярный блогер, многодетная мама.
Живет в турецком городе Измире*

ВОСТОЧНЫЕ СЛАДОСТИ ГОРЧАТ

Фатош и Суна

фото Александра Белоусова, Россия

Я много лет живу среди них. Люблю их, смеюсь над ними, жалею их, дружу с ними, учусь у них, стараюсь их понять… И понимаю! Суна из Иракского Курдистана, Фатош из турецкого Измира, Рейхан из Сирии, Нур из Ирана, Гюльнара из Азербайджана – могу написать по роману о каждой.

Они этого достойны, поверьте. Восток – это men-made world, мир, созданный мужчинами, и женщинам в нем нелегко; нам, с нашим западным менталитетом, он может показаться чуждым и ужасным, а они находят силы и мудрость в нем жить.

Половинка граната упала на пол, задев блюдечко с уже начищенными зернышками, оно пугающе звонко стукнулось о фарфоровую мисочку – все сегодня валится из рук, бывают такие дни. Вроде все в порядке, дом прибран, обед приготовлен, даже ашуре – традиционное сладкое угощение, которое Суна начала готовить еще вчера и которое сегодня должна раздать соседкам, – удалось, а вот пожалуйста: гранат на полу, фарфоровая мисочка… Господи, мисочка!

Суна внимательно осмотрела ее – нет, обошлось, ни трещинки, а если бы я разбила?! Фатош так хвасталась этим своим фарфором: еще бы, из Германии привезла, дорогущий. Суне, если честно, ее собственные чашки и тарелки нравились куда больше, но соседка образованная, ей виднее.

Суна привыкла считать других умнее и значительнее себя – как же иначе? Выросла в Ираке, в Курдистане, по-турецки и не говорила даже, когда отец сказал ей, что выдает замуж и что жить она будет в Турции. Нет, жених не турок, этого не хватало, он курд, наш родственник, деньги у его отца водятся, мы договорились, так что готовься. А что ей готовиться? Приданое давно вышито, кружев мать и бабушка навязали, вон они – раз в месяц Суна собирает их, стирает, крахмалит, гладит – какой дом без кружевных салфеток – икея иностранная, которую Фатош все нахваливает, а не дом.

Конечно, Фатош – она совсем другая: ни окна никогда сама не помоет, ни стекло в духовке после каждой готовки не ототрет, ни долму из виноградных листьев не накрутит, все домработницу дожидается. А Суна всю жизнь все сама, своими руками. Небось, этой Фатош и ашуре домработница варит – никаких понятий у турецких женщин, их бы к нам, на восток, а то ни платки уже носить не хотят, стыд-то какой, ни чаю мужу не поднесут – сам, говорят, нальешь, я тоже работаю.

Суна подняла с пола гранатовые зернышки, которыми собиралась украшать уже разложенное по мисочкам ашуре. Не повезло ей, что говорить. И что зернышки теперь новые чистить, и вообще.

Сначала-то казалось, что повезло: замуж берут, она же красивая была, отцу не раз за нее выкуп предлагали, но ему все мало было, а потом уж шестнадцать исполнилось, а все не замужем – хорошо этот родственник подвернулся, и в Турцию было интересно поехать, и муж ничего оказался, не старый, не бил даже почти… ну, разок-другой, а как второй сын родился, так уж никогда.

А не повезло – что на запад пришлось ехать. Раньше-то курды все вместе жили, в Ираке да в Турции в горах, а теперь везде, муж и говорит: в Измир поедем, там работа хорошая, платят много, у меня все родные уже там, квартиру купим, машину, а детей… детей, говорит, в школу настоящую отдадим, даже если девочки. Как это – девочек в школу, зачем?.. а еще… Суна покраснела при воспоминании, и гранатовый сок брызнул на чисто отмытый мраморный стол… а еще, детей, говорит, много заводить не будем, в Турции это просто, я тебя научу, никто слова не скажет, троих-четверых родишь, если парни, и хватит. Суна тогда онемела от изумления, а сейчас видит: правда, здесь, на западе, в Турции-то, ни у кого детей почти нет – только у наших, у курдов, а у турчанок – по два-три ребенка, всего ничего.

Конечно, Суна теперь тоже все знает про таблетки, только ей все равно кажется, что грех это. А уж как турчанки одеваются – вообще стыд смотреть! У некоторых хоть и длинные юбки, а шаровар под ними никто почти не носит, и наверху все так обтянуто, даже если тюрбан нормальный при этом! И одни из дому выходят, не стесняются, идут себе по улице – кто на работу, кто в магазин, из одежды только юбка, блузка, пиджачок узенький да тюрбан, а то и вовсе все волосы напоказ – как голые, прости их Аллах.

Фатош вон – тридцать пять скоро, как Суне, а одевается, как иностранка какая, ни головы не прикроет, ничего.

Они с Фатош уж десять лет соседки – одна стенка между ними да лифт. Суна в городе раньше не бывала, в Турции впервые увидела.

Испугалась.

Думала, никогда среди этого жить не смогу. Сперва, правда, нормально жили – у свекрови, как положено. Она добрая попалась: била редко, мужу почти не жаловалась, а работу Суна и так всю делала, старалась, лишь бы на улицу не выходить, свекровь и не придиралась особо. Раз, правда, когда Суна ашуре готовила, велела ей рис не перебирать: мы, мол, тут, в супербазаре покупаем, он чистый весь. А потом как сели все за стол, Суна ашуре-то подала, а там камни в нем. Немного, два или три, крошечные, но стыд-то какой! Свекровь скривилась вся: лентяйка, говорит, нам какая досталась, а Суна же хотела тот рис перебрать, она сама не велела. Муж тогда ее, конечно, побил, но не сильно, жалеючи, для порядку. Суна потом уж никогда никаким базарам, маркетам ихним суперским не доверяла и рис для ашуре и для плова по сей день всегда перебирает. И фасоль перебирает. И горох, и пшено, и чечевицу, и пшеничные зерна.

Фатош-то, небось, не перебирает. Или домработницу свою – Гюльнару заставляет.

Ой, надо же ей еще мисочку отнести: Гюльнара-то наверняка у нее, завтра же у Фатош золотой день, пироги да печенья пекут, угощение готовят, Фатош разве сама справится на десять человек наготовить?

Ашуре все варят: и в Ираке, и в Турции, и в Сирии, и в Иране, Суне так мать говорила; сварят и соседям раздают – традиция, так пророк повелел. Сорок разных круп и специй в той сладости, просто так не сваришь, потрудиться надо. Баклаву, конечно, раскатывать труднее, но и ашуре – та еще сладость, надо ведь, чтобы ни пшеничные зернышки, ни фасолинки, ни остальное все не разварилось, чтобы одинаково мягким было, чтобы и орехов и сахара в меру…

Суна высыпала на тарелку толченые орехи: арахис, фундук, фисташки, грецкие, кедровые; добавила зернышки кунжута и немного мака – посыпать готовую сладость одно удовольствие, легче легкого.

Вот баклава – это да, тесто должно быть раскатано тонко, как лист бумаги, листов тех надо не меньше тридцати, и чтобы все ровные, большие, размером с большой противень. Когда Рамазан на лето выпадает, намучаешься: жара, не ешь-не пьешь целый день, а какой Шекер-байрам без домашней баклавы, правильно?

У Суны из-за той баклавы раз даже выкидыш случился: август, самая жара, а беременность еще не заметна была, никому же не скажешь, жили тогда у свекрови, и тетка мужа с семьей гостила – Суна с ног сбилась им всем прислуживать, тошнило даже. Фатош говорит, от беременности, а Суна знает: ее Аллах наказал, потому что очень ей тетка та надоела: то одно ей подай, то другое, и Суне надо было покорно терпеть, а она злилась очень. А как баклаву-то раскатывать стали – скалки длинные, того гляди по животу заденут, да и сил совсем не было, пост же соблюдали, а в такую жару оно и здоровому нелегко. Мужчины даже на работу не ходили – кто мог, дома сидел, в тени, а женщинам перед байрамом тесто для баклавы раскатывать, ну и случился выкидыш. А еще ведь от свекрови скрыть надо было – скажет: больная она, одного только и родила, зачем она нам такая, отправим обратно, пусть нам ее семья другую сестру пришлет, там младших-то много.

А обратно каждую отправить могут – тут уж как судьба да Аллах распорядятся. Это, конечно, самый стыд, если женщину обратно. У Фатош вон все просто: развод, говорит, и девичья фамилия, а у нас какая такая фамилия? У нас в Ираке арабы иногда девочкам-младенцам имен и то не дают: подрастет, чтоб замуж отдать, тогда и назовешь как-нибудь, а то еще умрет маленькой – кому она нужна, души-то у нее нет. Нет, курды имя-то дадут, мы все-таки не арабы, и не в Иране живем, нам вон и не только черное носить разрешают, и без перчаток мы ходим, и без паранджи, волосы да фигуру прикрыть – и все, у нас с этим свободно. В Иране, говорят, совсем плохо нашей сестре, Фатош рассказывала.

Фатош в Париже была, не только в Германии, там она с Нур познакомилась, фото даже показывала. Нур как раз из Ирана, красивая, молодая совсем, на врача женского выучилась, отец ей позволил, женщины-врачи всегда нужны, женщин-то иначе кто же лечить

Стамбул полон тайн! Где-то здесь живут Фатош и Суна

фото Галины Петриашвили

будет, не мужчины же! Суна сама как-то пришла насчет своих таблеток, а вместо ее докторши – мужчина! Она, конечно, на осмотр не согласилась и мужу ничего не сказала: мужчина – и женщину осматривать, представляете? У Нур брат в Париже живет, на русской женился, Нур на свадьбу пригласили, так она в Париже-то на фото хорошо так одета, модно: нет, все прикрыто, рукав длинный, юбка тоже, платок, но все яркое такое, красивое. Очень ей хотелось хоть разок так нарядиться, а то дома в Иране все в черном да в черном, а мы-то как хорошо живем, свободно совсем.

А то фото Нур у Фатош не взяла: вдруг, говорит, отец увидит или брат. Ее сестре муж в лицо кислоту плеснул – еще повезло, что выжила. Как представлю, какая боль… я как-то руку маслом обожгла, когда локму жарила, до сих пор след остался, а у той все лицо!

Локмы тогда для угощения много надо было, муж обет дал: если третий сын родится – всем на нашей улице локма, так уж заведено, я и пекла, после родов уж неделя прошла, как я то масло на руку плеснула – сама не пойму. Больно было, я губу до крови прокусила, так больно было, а если лицо кислотой?! Нур говорит, сестра и не виновата была, дома перед зеркалом шаль цветную, что от бабушки осталась, примеряла, на улицу бы в ней не пошла, просто муж у нее такой, ничего не поделаешь.

Фатош говорит: суд есть, а если в Иране нет, то надо в Европу – а что в той Европе? В Европе да в Америке вон мужчины женщин работать заставляют и машины водить, в Турции и то уже многие работать ходят, одна даже премьер-министр была… когда она ашуре успевала варить да баклаву раскатывать, не знаю я, кошмар просто. А у нас все по-божески: женщине воля дана, чтобы мужу и семье угождать, а если кого обратно домой отправят, то что ж, значит, плохо старалась.

Ее, Суну, не отправили.

Один раз она манку для халвы пережгла – уж как боялась, как боялась, а муж тогда халву есть не стал, повезло ей. Младший, правда, сказал, что невкусно, старший-то промолчал, пожалел мать, а с младшего какой спрос, но муж ничего, не заметил, а назавтра она уж новую халву сделала. Забегалась вся – а сделала.

А как не пережечь было, если она Рейхан вспомнила? Суна же ее все учила халву делать – а вон как все обернулось. Рейхан из Сирии, мужу троюродная племянница, мы к ним в гости ездили, к младшему на обрезание… семнадцать лет всего было, умница, красавица – кто мог подумать? Всегда и одета была скромно: джинсы, конечно, но сверху всегда плащ длинный, в Сирии мало кто паранджу носит, тюрбан только, а лицо и фигура все-таки напоказ… себе же на беду.

Рейхан стройная была, худенькая даже. Я, говорит, от вашей халвы, тетя Суна, поправлюсь, никто замуж не возьмет… а сама училась, все смотрела, как я манку обжариваю… а я ей говорю: ты ешь, ешь, тебя такую тощую никто не возьмет, как детей-то рожать будешь, это ж сила нужна, ешь! А она смеется, хорошо так смеется – знала уже, что этот в нее влюбился, и как сговорилась-то с ним, что никто не узнал?! В Сирии у них не то, что здесь, – все как у нас в Ираке: мужчины и женщины везде отдельно, на улице никто с женщиной не заговорит, не родственнице никто руку не подаст, в школе мальчики-девочки только самые малыши вместе учатся… как она ухитрилась?! Брат ее убил, как все открылось; отец ему велел, он и убил, и парня ее убил, а сам сейчас скрывается, а что поделаешь – кровную месть никто не отменял.

Рейхан Суне до слез жалко – как халву делает, так обязательно вспомнит, потом ту халву и есть не хочется. Хоть девчонка и сама виновата, а жалко ее. Что ж это

за любовь такая, чтобы все правила и законы забыть? Суне такие вещи в кино очень нравятся, а в жизни так разве бывает? Вот она сама – вышла замуж, а до этого и не посмотрела ни на кого, да отец бы ее сам убил, если что. И мужа она теперь любит, потому что живет хорошо. Все у нее есть, а чем у Фатош фарфор лучше, ей все равно не понять, и не надо ей такого.

И браслетов золотых у нее не меньше, чем у Фатош, даже больше: муж у Суны человек порядочный, золото ей, как положено, покупает и дарит, да и деньги на золотой день давать не отказывается. Фатош говорит, ей муж недавно начал про кризис какой-то: это значит, что денег на золотой день не даст, но Фатош ему показала – «кризис»! Между нами же стенка одна, и скандал тот было хорошо слышно.

Суна испугалась даже: выгонит, думает, за такие слова, как есть выгонит. А у той браслетов всего штук восемь настоящих, остальные так – безделушки, уж в этом Суна разбирается. А на восемь браслетов не проживешь. У Суны уже двенадцать, и золотые монеты есть, и кольца – если что, скажет ей, например, муж «я с тобой развожусь, уходи!» – Суна вполне может к двоюродному брату податься, за те деньги он ее примет. Муж, конечно, не выгонит: привык за столько лет, как она готовит, дети и дом всегда в порядке, все наглажено, настирано. Как третьего родила, стала опять таблетки пить и растолстела, так он себе другую для этого дела завел, и хорошо. В дом ее приводить вроде не собирается, здесь, на западе, это не модно уже, Суна и тюрбан-то давно не носит, только простой платок – проще и волосы прикрыты, муж ей сам разрешил, а мужа она слушается и любит, и муж ее ни за что не выгонит.

Сам столько золота ей накупил – как ее теперь выгонять? Она же по понятиям да по старому закону уйдет: в том, что на ней надето, а браслетов на Суне всегда много, а монеты она к платку одному подшила, если что – в нем и уйдет, пожалуйста.

А Фатош – сама говорит, что в Турции у женщины все права и что при разводе все делить полагается, а сама золотые дни устраивает, старается тоже золото собрать. Не верит, значит, что муж с ней все делить-то будет. Раз в месяц ее подружки собираются, деньги на один грамм золота хозяйке приносят, а раз их всего десять, то и выходит, что можно себе на те деньги золотой браслет купить. Через месяц у другой подруги собираются, потом у третьей – и так десять месяцев, Суна пятая в очереди, и у каждой через десять месяцев по браслету. Хорошая традиция, не всем же мужья каждый год золото дарят, не те сейчас мужчины пошли, не те: жены у них работают, дома ничего не делают, голос на них повышают. Суна, например, никогда, и муж ей сам золото покупает, потому что она хорошая жена, и он ее ценит.

Ну вот, теперь корица – и ашуре готово.

Корицы в меру – зимой Фатош столько корицы в салеп насыпала, в рот не возьмешь. Ой, говорит, девочки, мой-то девицу себе какую-то завел, я сыплю корицу, сыплю, а сама все про него думаю… а что тут думать, Суна с детства такое видела, у отца тоже две жены, кроме ее матери, было, и никто столько корицы не сыпал, это теперь нервы какие-то у всех.

Суна перевязала косынку: узел на затылке (вот она, свобода-то!), концы кокетливо спускаются на грудь, – взяла поднос с тремя мисочками, оставила свои тапочки у двери, надела те, в которых ходит по подъезду, если к кому в гости, и, с трудом освободив руку, позвонила в соседскую дверь.

– Кто та-а-ам? – звонко пропела Фатош и тотчас же, не слушая, распахнула дверь. Короткие белые брючки в обтяжку, белая же майка – пижама, как есть пижама, и пупок виден, как у танцовщицы какой!

– Ой, – поджала губы Суна, – извини. Я тебя разбудила?

– Да нет, с чего ты взяла? Проходи… ах, как пахнет, обожаю твое ашуре!

– Да ты в пижаме, я и решила… приятного аппетита, я пойду, вот я и мисочку твою германскую принесла…

– Немецкую… а ты только из душа, что ли? Волосы-то так завязала? – черт бы побрал этих, с востока, понаехали тут, думала Фатош. И ведь живем рядом – а как на разных планетах.

– Суна! Не уходи! Я забыла совсем. Мне же газ должны привезти! Подожди, а то мужа-то нет!

Суна понимающе улыбнулась и остановилась.

Ни одна нормальная женщина, даже эта – западная, турецкая! – никогда не впустит в дом постороннего мужчину. Да, газовый баллон тяжелый и самой заменить его непросто, но даже наша Фатош понимает: посторонний мужчина не должен переступать порог ее дома. Может, со временем и волосы прикрывать начнет, поумнеет. Вон Гюльнара из Азербайджана, которая у Фатош работает, и та говорит, что мужчину в доме женщина принимать не должна, и две женщины не должны, и три… Ее саму муж из-за такого в измене обвинил и с ребенком выгнал, вся деревня видела; хорошо, не убил да кислоту не плеснул, да спасибо, родственники помогли перебраться в Турцию. А баллон сами сейчас установим, что нам стоит, восточным женщинам, мы сильные.

…Потом они сидят в гостиной и едят сладкое, пахнущее корицей, сверкающее гранатовыми зернышками ашуре – Суна из Ирака, Фатош из турецкого Измира, Гюльнара из Азербайджана, такие разные и такие похожие. Им всегда есть о чем поговорить – о Рейхан из Сирии, о Нур из Ирана, о собственных свекровях, ставших невыносимыми к старости, о своих и чужих мужьях и детях, об узорах кружев для приданого дочерей, и, конечно, о рецептах восточных сладостей. Они мужественно готовят их к каждому празднику, и никто не знает, сколько слезинок пролито над халвой и баклавой, над душистым горячим салепом и плавающей в сиропе локмой. Сосчитай свои слезы – и вытри.

А может быть, стоит рассказать о них – мужу, брату, сыну?

Вдруг поймут.

Боб МАЙ
США
живет в Балтиморе, штат Мэриленд

«Моя жизнь началась с крупной ошибки: я родился не в той стране. Исправить удалось лишь 42 года спустя, но я легко начал жизнь сначала, так что мне теперь 22. С детства люблю женщин, восхищаюсь ими и часто плачу, видя, как поступают с ними мужчины, жизнь и они сами. Хотел бы сделать их всех счастливыми, но пока удалось осчастливить только одну – это большая работа! Отец двух сыновей, дед двух внуков, считаю семью самым главным в жизни».

РАССКАЗЫ ИЗ АМЕРИКИ

ШКОЛА ЖИЗНИ

Я уже большой, мне почти пять. «На ту сторону» улицы переходить нельзя, но, если меня переведёт взрослый, то можно, нужно только держать его за руку. Там скверик, в нём гулять интереснее, чем в моём дворе, куда выходят подсобки магазинов, пятятся задом грузовики и ругается дворничиха Решетько.

Я в скверике, и я вижу замечательную вещь: детский автомобильчик, совсем как настоящий. В нём руль и педали – дави на них и можешь ехать куда угодно. Дети объезжают на нём фонтан – воды в нём нет, снег вокруг убран – и вылезают, уступая место другим. Руководит катанием дама в шубе, ее руки греются в меховой муфте. И шуба, и муфта, и сама дама очень красивые. Я уже большой – почти пять – и отличаю красивых женщин.

– Теперь – Миша,– говорит дама, и противный толстый Миша неуклюже влезает в машинку.

– А теперь – Саша.

– Садись, Олечка! – (Куда ей садиться, она же не сможет давить на педали?!)

– Ну-ка, Олежек, прокатись!

– Теперь Мишина очередь. – (Опять этот пузя!)

– Давай, Саша, покажи, как ты водишь машину.

Я стоял совсем рядом и ждал. После того, как все прокатились по четыре раза, я спросил:

– А когда я?

Дама ответила мне, как взрослому:

– На этой машине – никогда.

Я не заплакал. Машины принадлежат красивым женщинам в шубах, плачь не плачь. Попросил какую-то бабушку перевести меня через улицу и пошёл играть в свой двор.

ЛЕКАРСТВО

Они прожили вместе 55 лет. В Украине он имел подпольный цех – она носила шикарные шубы, потом он сидел – она носила ему передачи. В Америке она опять носила шубы, но всё её раздражало, особенно он.

Она гнобила его и жаловалась детям, внукам, знакомым во дворе, докторам в больнице и продавцам в корейской овощной лавке. Невольные слушатели печально кивали.

Потом у неё стало плохо с сердцем. Он отвёз её в больницу, ей сделали операцию тройного шунтирования. Сердце заработало, но агрессивность утроилась, и ему стало совсем плохо. Он ухаживал за ней, обслуживал её, развлекал, как мог, - и был её главным врагом.

А потом ей прописали антидепрессант, и произошло чудо.

- Вы знаете, – говорила она знакомым, – всё-таки в Америке умеют делать лекарства. Я начала принимать «Золофт», и у моего мужа улучшился характер!

ОДНА ТЕЩА ХОРОШО, А ДВЕ ЛУЧШЕ

Когда я женился, невестины родители давным-давно разошлись. Сразу вслед за моей свадьбой мой тесть женился вторично. Моя жена обрела формальную мачеху, а я – вторую тёщу. Иметь двух тёщ – одну в Харькове, другую в Севастополе – оказалось совсем не плохо.

Вскоре после свадеб – через 18 лет, если быть точным, – все мы собрались в одной стране, одном городе: я, ты, он, она, вместе – дружная семья, 16 человек!

Тёща-1 с головой окунулась в американскую жизнь; у неё всегда полон дом гостей, она фотографирует (39 альбомов!), пишет акварели, ходит на все концерты и выставки, ездит по заграницам и учит друзей английскому и русскому языкам.

Тёща-2, приехавшая с тестем позже, следовала мудрым советам падчерицы и преуспела: работает по специальности в престижном исследовательском центре, опубликовала статью, выступила на конференции в Париже...

А тесть и с ней развёлся. Равенство в статусе подтолкнуло «бывших» к дружбе. Они ходят на концерты и ездят на экскурсии вместе. Первая тёща называет вторую «младшей женой», а та её – «старшей». За титул «любимая жена» они не боролись. Зачем? Им больше нравится «Happily Divorced» («Разведена и счастлива» - таблички в рамках висят на стенах их квартир).

ЕГО МАМА

Моя подруга, не старая совсем женщина, звонит из Сан-Диего в Бостон сыну. Трубку берёт невестка.

– Ларочка, попроси Яшу на минутку!

– Яша в больнице.

– Как в больнице? Что с ним?! Что случилось?!! Не молчи!

– Мама, вы знаете, что случилось. Яша закончил мединститут, потом интернатуру и работает теперь в больнице, врачом. Мы уже обсуждали эту тему... несколько раз.

ЕЕ МУЖ

Сижу у врача, жду, пока вызовут. Народу довольно много – человек пять, но это к трём врачам и на процедуры. У стола регистраторши – судя по вязаному берету – «русская». Я уже засыпал, когда пациентка начала взволнованно повышать голос, всё выше и выше, а чёрнокожая регистраторша явно не понимала, чего от неё хотят. Я подошёл, попросил разрешения вмешаться и объяснил девушке за стойкой, что леди хотела бы перенести послезавтрашний визит на другое время. Дело было улажено за минуту, я вернулся в свой уголок и снова задремал.

Не тут-то было - дама в берете села рядом и стала подробно рассказывать мне свою печальную жизнь: она была замзаврайздрава в Белой Церкви, а кто она теперь? Дочь уехала в Сиэтл, звонит редко, к маме не приезжает, к себе не зовёт, муж покончил с собой год назад, утопившись в заливе, а ей уже 50, и что будет дальше?..

Упоминание о заливе прогнало мою дремоту – о загадочном самоубийстве я слышал, оно обсуждалось женской половиной нашей небольшой компании. Никто не знал причины: смертельная болезнь? роковая любовь? огромный проигрыш? И способ был не мужской: не повесился, не застрелился, а утопился, как бедная Лиза. Вдову жалели.

А она уже говорила о своём здоровье, делясь сокровенным: у неё давние, больше 10 лет, проблемы с пищеварением, она приходит сюда через день, чтобы ей ставили клизму.

– Но ведь это много сотен клизм! И вы приходите за этим в госпиталь уже 10 лет?!

– Нет, только год. Раньше клизму мне ставил муж.

Дама продолжала говорить, но я не слушал. Я уже знал, отчего её муж утопился в заливе.

ВАНЯ

Воскресный майский день, к вечеру. На конечной остановке в автобус заходит пара – она, в нарядном платье и на каблуках, и он, в костюме с явно непривычным для него галстуком. Женщина стремительно проходит по салону вперёд, садится у открытого окошка.

– Ваня, пробей талончики!

Ваня пробивает, подходит и садится, угрюмый, рядом. Автобус трогается.

Через пару остановок входит контролёр.

– Билетики попрошу!

Ваня протягивает талончик, кондуктор проби-

...его мама

фото Умиды Ахмедовой, Узбекистан

вает его компостером, обращается к женщине:

– Ваш талончик, пожалуйста!

– Так вот же товарищ вам предъявил.

– Товарищ предъявил свой талон – ваш, пожалуйста!

– Ваня, ты что – один талон пробил?

– Какой Ваня? Один, конечно, а зовут меня Сергей Николаевич...

– Будем штраф платить?

– Сейчас. – Красная от стыда женщина роется в сумочке, дрожащей рукой протягивает контролёру трёшку. Получает квитанцию, потом рывком бросается к двери. Мужчина выходит вслед за нею. Автобус уходит.

– Ты что – с ума сошёл?! Так меня опозорил перед людьми! Я готова была сквозь землю провалиться! Нашёл время для шу...

Мужчина отпустил узел галстука:

– Я у тебя утром просил на пиво?

ТАИС ДОНЕЦКАЯ

Таисия Дмитриевна была воспитательницей нашего сыночка Алёши в детском саду – не чужой человек. В нашем доме у неё не было отчества; и дети, и мы звали её так, как она называлась сама, немного шепеляво: Таитha.

Однажды Таиса попросила мою жену Свету проверить её курсовую работу для педучилища, в котором училась заочно. Курсовую Света переписала заново, а после того, как та была признана лучшей в училище, писала уже и остальные. Если б не устные экзамены, Таиса была бы круглой отличницей.

Её мужа звали Коля. Он был всегда навеселе и любую фразу начинал словами: "Я – монтажник!" Часто на этом фраза и заканчивалась. Как он, будучи пьяным, лазил на высоте по металлоконструкциям, не монтажнику не понять. А всё просто: вы ведь пройдёте, не свалившись, по доске шириной 18 см, если она лежит на земле? А если она на 40-метровой высоте? Страшно. Значит, нужно исключить страх. А как? Уже звенит? Правильно, портвейну с утра стаканчик, а потом в течение дня...

Поначалу Таиса с Колей жили «не хуже от людей» – дети были ухожены и накормлены, квартирка сияла чистотой, гардины, салфетки, хрусталь в горке создавали настоящий уют. Потом Коля стал пить больше, чем нужно для храбрости, а ещё потом – заразил Таису гонореей. Тут уж она его невзлюбила – что толку от мужа, который зарплату пропивает, детьми не занимается и спать с которым опасно? Как многие неверные мужья, он ещё и ревновал. Света дала ей поносить нарядное платье – он порезал его на куски. Однажды Таиса прибежала к нам в ночной рубашке, спасаясь от побоев.

Таиса заскучала. Даже повеситься хотела – пусть посмотрит, до чего довёл, – но ведь дети... И чего это она должна вешаться, виновата в чём, что ли? Она рассказывала:

– Ото пошли мы у прачечную. Я стираю, а он вышел воздухом подышать. Вернулся пьяный в дым, я уже давно всё погладила и уложила. На крыльцо вышли. А там ступеньки далеко вниз идут, льдом покрыты, перил нет. И так мне захотелось его в спину толкнуть, аж загорелось во мне всё! Сволочь такая! Без него уж точно лучше. А потом представила: придут люди на помины, а у меня в доме не убрато...

Монтажники с высоты не падают, но от случайностей никто не застрахован. Однажды вечером, когда Коля был «хорош», прихватило его сердце, он присел в сугроб и замёрз.

Мы в то время уже переехали из Донбасса в Харьков, на поминках не были, но уверен – всё было, как принято у людей. И, уж конечно, квартира сияла чистотой. А как же.

фото Полины Милорадович

НАМ НАПИСАЛИ

из Тбилиси
Нью–Йорка
Красноярска

фото Полины Милорадович

ПОЧТА "ДИАЛОГА"

ПОЧТА «ДИАЛОГА»

ИМ НЕ УДАЛОСЬ УБИТЬ АННУ

Я прочла книгу Анны Политковской «За что?», изданную уже после ее смерти близкими людьми и соратниками из «Новой газеты». Нам, грузинской делегации, книгу подарили наши коллеги из союза «Женщины Дона» во время поездки в Москву в сентябре 2010 года. С женщинами Дона мы сотрудничаем в рамках Альянса женщин-миротворцев России и Грузии. Книга взволновала и потрясла меня той огромной энергетикой, которую несет в себе. Она относится к тем, которые меняют ваши представления, «систему координат» – и ваше мировосприятие уже никогда не станет прежним. Когда книга была прочитана, мое состояние можно описать одним словом: «шок». Шок потому, что узнала о настоящей трагедии чеченского, ингушского, дагестанского и русского народов, шок потому, что поняла, как эти трагедии связаны друг с другом. И мне вдруг стало стыдно, что я, простой обыватель, не замечала (или не хотела замечать) столь очевидно вопиющих несправедливостей. Смертельных несправедливостей, которые происходили и происходят в наш «просвещенный» век, несправедливостей, главной мишенью которых становятся самые незащищенные: женщины, старики, дети, беженцы. Я не буду пересказывать книгу – даже не книгу, а жизнь, отраженную на бумаге. Жизнь, которую так подло и вероломно оборвали. Могу сказать лишь одно: для меня это практическое пособие по борьбе с несправедливостью. И неважно, где и когда она происходит, какие формы принимает и кто за ней стоит. Анна Семеновна показала, что даже один человек может изменить мир. Прочтя книгу «За что?», я понимаю, Анна Политковская не умерла. Потому что сила ее строк мощная и сокрушительная. У тех, кто хотел, чтобы Анна замолчала, не получилось! Ее голос еще слышнее, а имя стало символом борьбы за справедливость. Светлая память тебе, Анна!

Русудан Маршания, Тбилиси

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: КАК ЭТО У НИХ ПОЛУЧАЕТСЯ В США

С первых минут жизни в Нью-Йорке убеждаешься, что Америка – страна иммигрантов, с распростертыми объятиями встречающая представителей всех рас и вероисповеданий. Здесь трудно найти коренного жителя и никто не чувствует себя чужим. Мне рассказали, что, по данным предварительной переписи, 40% жителей Нью-Йорка – это иммигранты 167 национальностей, говорящие на 116 языках.

В толерантности убеждаешься на каждом шагу: в еврейских кошерных магазинах вам вежливо улыбаются кассиры-китаянки и латиноамериканки, в иранских лавках вы часто можете увидеть бойко торгующих евреев, а уж в русских магазинах вашему взору предстанут иммигранты из всех бывших республик нашей бывшей общей родины. Здесь вы можете услышать речь грузинскую и русскую, таджикскую и узбекскую, украинскую и польскую.

Вообще, в том, что такое реальная актуализированная толерантность, убеждаешься именно в Америке. Доброжелательность, причем безотносительная и безоговорочная, вас встречает повсюду. Самое яркое первое впечатление у меня осталось от посещения школы, в которую поступал учиться мой сын. Разноцветные и разнорасовые педагоги и ребята работают и учатся вместе и очень дружелюбны. В школах с уважением относятся ко всем национальным и религиозным праздникам: еврейской и христианской Пасхе, дети-китайцы отдыхают в китайский новый год, мусульмане на праздник Навруз, ну а в сентябре небольшие каникулы в честь празднования еврейского нового года Рош Ха-Шана.

Правда, одно обстоятельство меня удивило и несколько обескуражило. Для получения первого в Америке очень важного документа, удостоверяющего наше здесь легальное пребывание, нам пришлось заполнять анкету. В одной из граф анкеты было написано: «Цвет кожи и тип расы». Только в этом единственном случае в Америке вам напоминают, а вернее, уточняют ваше расовое происхождение.

Тамара Балавадзе, Нью-Йорк

РОДИНА-СВЕКРОВЬ

…Не так давно наткнулась где-то в Интернете на реплику: вот, мол, как россияне ведут себя за границей (описывалось нереспектабельное поведение одной высокопоставленной дамы). На реплику возразили: это все-таки не россияне, а их жены.

Я призадумалась. Вот страна, которую населяют две большие категории: а) граждане, б) их жены (сестры, дочери). Обложение патриотизмом для них совершенно разное! Стать героем, когда страна прикажет, отдать все силы на благо, мочить очернителей истории, советской действительности и московского метро, бороться с идеологической заразой, показывать кузькину мать, доставать из широких штанин – это все мужские обязанности. От женщин требуется всего лишь спать со своими – местными – мужчинами и не заглядываться на чужих. Мужчину обвиняют в предательстве родины, если он заражен чуждой либеральной идеологией, не разделяет каких-то исконно-посконных ценностей, излишне толерантен к кому не надо, а тем более – если вообще покинул родину-мать в поисках лучшей доли. Женщину – если она рожает узкоглазых детей или ищет женихов на международных сайтах знакомств.

Мужских проявлений патриотизма от женщин никто не ждет. Когда-то девушек не принимали в вузы на специальности, предполагающие возможность загранкомандировок: их же только выпусти, они тут же и разбегутся. Мужчин удержит любовь к родине, а этих что?

Это же им, гражданам, родина – мать. А нам-то, выходит, – свекровь?

И как хотите, а я в этом отсутствии кровного родства вижу несомненные плюсы.

Со свекровью иногда, наверное, можно жить вместе и при этом прекрасно ладить. При условии, что она ведет себя как человек. А если нет, возникает естественное желание разъехаться по разным квартирам и видеться как можно реже. А лучше и совсем не видеться. Это желание по разным житейским причинам не всегда осуществимо, но ничего аморального в нем нет. Никто с нас не спросит, никто не осудит. Да, «мамо» любит бифштексы с кровью. Но нам-то точно ни к чему конкурировать с сынулями в умении их готовить.

Ольга Полей, Красноярск

искусство - и жизнь

фото Галины Петриашвили

Алла ПЯТИБРАТОВА
Кыргызстан

живет в Оше. Журналист, писатель, поэт. Сотрудничает с женскими организациями, активно работает в неправительственном секторе

ОРАНЖЕВЫЙ ЛИМОН

Сегодня не самый удачный день. Бейсболка вывалялась в пыли. На рукаве футболки зияла рваная дыра. Она и не заметила, что где-то зацепилась. Чуть выше локтя красовался большой синяк. Ну, это-то откуда? Не заметить, где зацепился рукавом, еще куда ни шло. Но приложиться рукой и не почувствовать? Наводит на размышления.

Мария сидела на траве в полном одиночестве и именно этим и занималась – вяло размышляла. А больше делать было нечего. Все разбрелись по тенистым местам, площадь пустовала. Было тихо. Никто не орал, не стоял над душой. Но скоро наступит час кормежки, и эти сладостные минуты безделья под теплым солнцем закончатся.

О, нет, только не это! Мария застонала от раздражения. Бородатый человек, проходивший мимо, вдруг резко повернул и направился к ней. Мария не знала его имени, и у нее не было желания узнавать его. Про себя она звала его коменданте. Иногда – заразой.

– Что сидишь, сука!? – заорал он ей издалека. – Особого приглашения ждешь? Иди жрать!

– Не ори на меня, козел! – сквозь зубы тихо сказала Мария. Но бородач уже подошел достаточно близко и услышал ее. Он гнусно усмехнулся, но почему-то промолчал. Только замахнулся на нее кулаком. Развернулся и потопал, покачивая жирной задницей в потертых джинсах.

– Сам ты сука, – сказала Мария ему вслед. И тоже усмехнулась. Еще не так давно она стеснялась произносить это слово вслух. Но тут, на этой площади, были свои правила игры, и она их осваивала слишком быстро. Эта скорость ее пугала. Поэтому лучше было бы не предаваться размышлениям.

– Чего-то сегодня уж больно тихо, тебе не кажется? От солнышка разомлели, что ли?

Мария повернулась на голос.

– А, Маша, привет. Я и не заметила тебя. Обедать идешь? – Мария обняла за плечи свою тезку. – Слушай, а почему наши все в желтых спортивных костюмах? Кажется, я одна в футболке…

– Тебя что, не предупредили? Вчера вечером командир приказ зачитал. – Маша засмеялась. – Сегодня наши противники в футболках. Поэтому мы сменили экипировку, чтоб не путаться и своих издалека узнавать. Может, тебе на ту сторону вылазку сделать? Посмотришь, как там у них. Ходят слухи, что их кормят лучше. А может, и платят больше. Вот бы разведать…

- Может, и разведаю. Не знаешь, мы будем на площадь выходить? В приказе об этом что-нибудь говорилось?

- Да черт его знает! Вождь он на то и вождь, чтоб никто не знал, что и когда ему в голову ударит. Что-то он давно не появлялся тут. Посмотрим после обеда. Пойдем быстрее, а то там, видишь, сколько уже народу толпится. Хоть ничего и не делали, а есть все равно хочется.

Они пошли прямиком через пустую площадь туда, где была походная кухня. Свободных мест на лавках за длинными столами уже не было. Женщины уселись на траву под дубом, прислонившись к его стволу. Разговаривать было лень, и они стали молча ждать своей очереди.

Мария исподтишка наблюдала за коменданте. До чего же противный, революционер хренов. Она вспомнила, как он выкрикивал им команды в мегафон, и из его рта во все стороны разлетались брызги. Ее передернуло. Она отвела от него глаза. Нашла среди листвы пару желудей и стала подкидывать их на ладони. К ее ноге жался припозднившийся одуванчик.

●

– Проснись, проснись! – Кто-то сильно тряс Марию за плечо. Она открыла глаза и не сразу сообразила, что по-прежнему сидит под дубом. Вокруг была какая-то суета.

– Что происходит? – она вскочила и ударилась головой о чью-то руку, но даже не посмотрела на того, кто стоял рядом. Она поискала глазами Машу, но той нигде не было видно.

– Быстрей, быстрей, подтянулись, пошли, пошли, не отставайте! – кричал какой-то мужик позади нее. Вдруг он с силой хлопнул ее по спине. – Что стоишь? Шевелись давай!

– Но я не обедала…

– Ну и кто тебе виноват? Раньше надо было думать. Черт, почему ты в футболке, дура? Иди вон к той машине, там тебе форму дадут.

Мария направилась к «жигулям». В машине никого не было. Она открыла дверцу и увидела на заднем сиденье кучу тряпья. Она вытащила несколько тряпок, которые оказались желтыми спортивными курточками.

– На нас что, внезапно обвалилась мода на желтое? – пробормотала Мария, вытаскивая очередную порцию таких же курток. – А почему не на зеленое, голубое, оранжевое, в конце концов?

Сзади кто-то хрипло засмеялся. Мария обернулась и увидела крепкого парня в желтом спортивном костюме. Она тоже засмеялась, потому что белобрысый с прозрачной кожей парень был похож на птенца. Казалось, он вот-вот замашет руками и широко откроет рот, требуя пищи.

– Вы что, мамаша, – грубовато сказал он. – Оранжевое – это в другой стране. А цвет нашей революции – желтый. Вы разве не видели на улицах ребят из молодежного движения – они лимоны прохожим раздают?

– Не видела, – пожала плечами Мария. – Я не ходила сегодня по улицам.

Она надела курточку, помахала парнишке рукой и пошла на площадь майданить – так между собой называли они свою работу.

Народу на площади было заметно меньше, чем вчера. Тают наши ряды, усмехнулась Мария. Зато народ был весь в желтом, и это смотрелось нарядно и даже празднично. Теплый веселый цвет успокаивал и совсем не вязался с революционными лозунгами, которые уже начинали выкрикивать из толпы. Мария вдруг поняла, что она не в курсе, какие лозунги в ходу у них сегодня. Она прислушалась.

– Президент, уходи! Долой президента!

Мария стала вспоминать, что они кричали вчера. Черт, вроде бы «премьер, уходи!». Она занервничала. Может, она вообще среди чужих? Мария стала оглядываться, всматриваясь в лица. Но она мало кого знала, а сейчас в толпе все лица были незнакомыми.

На другой половине площади тоже понемногу скапливались люди. Они были в белых футболках с красным пятном на груди – то ли эмблемой, то ли чьим-то портретом. Мария не могла разглядеть. Может, она перепутала и ей нужно в те ряды? Она снова прислушалась. Вот оттуда вроде раздается «Долой премьера!». И на той половине перед нестройными рядами бегал бородатый мужик, похожий на коменданте. Ну, все, точно не в свои ряды влилась, тоскливо подумала Мария. Заметят, деньги вечером не выдадут…

Но тут она радостно встрепенулась, увидев совсем близко от себя коменданте с растрепанной бородой. Ах ты, зараза, нежно прошептала она. Потом снова посмотрела на ту половину, где, размахивая руками, продолжал метаться и что-то орать такой же бородач. Братья, что ли, подумала Мария. А, все тут на одно лицо, махнула она рукой. Нужно было работать, и она сначала тихо, а потом все громче и даже с упоением стала вливать свой голос в общий нестройный хор. «Долой президента!», – кричала она и добавляла про себя: «И идите вы все к черту!».

●

Скандал разразился ближе к вечеру. До этого они пару часов топтались на площади, кричали и махали руками, изображая народный гнев. На другой половине площади толпа делала то же самое. Только гнев сегодня был какой-то неубедительный, отметила про себя Мария. Наверное, потому, что подогревать его особенно было некому. Заводил или, как их тут между собой называли, массовиков-затейников сегодня явно недоставало.

– Куда это все наши крикуны слиняли? – услышала Мария рядом. – То ходят тут пачками, а то все куда-то разом сваливают…

– Да сидят, небось, где-нибудь в кафешке, пиво жрут и план военных действий разрабатывают, – засмеялся кто-то в ответ. – А потом начнут тут с новыми силами за народ радеть, амбиционеры долбанные.

Мария слушала без интереса и не оглядывалась на говоривших. За несколько дней работы на майдане она наслушалась столько всего, что от любых разговоров о революции и народных чаяниях ее тут же начинало мутить. Она поняла, что самый лучший способ существования в этих условиях – ни на что не реагировать. Но этому еще нужно было научиться. Научиться смотреть сквозь того, кто стоит на высокой трибуне и горячо оплакивает твои страдания. Научиться смотреть в лицо человеку и не слышать, что он там говорит от имени народа, а значит, и от твоего тоже. Когда научусь, думала Мария, может быть, тогда действительно мне все станет по фигу. И жить будет легче.

Что что-то произошло, Мария поняла по появившимся в их рядах журналистам с телекамерами. Значит, запахло жареным. Последние три дня на площади ничего особенного не происходило, и журналисты оставили надоевшую жвачку. Марии было все равно, но ее коллеги по работе оживленно переговаривались и гадали, что за развлечение их ждет. А оно будет, раз кто-то закинул наживку, и журналисты заглотнули ее.

Ждать долго не пришлось. Возле одной из палаток на краю площади раздались победные возгласы. Потом там возникла небольшая потасовка. Из группы орущих и машущих руками людей вырвался парень, обвешанный фотоаппаратами. Над головой он высоко держал маленькую видеокамеру. Он, прихрамывая, понесся к автомобилю, на лобовом стекле которого белела табличка с надписью «Пресса».

Вокруг Марии оживленно зашумела толпа. Несколько человек помчались выяснять, что произошло в палатке. Остальные нетерпеливо ждали. Через несколько минут стало известно, что один из группы оппозиционеров, которые неделю назад объявили голодовку, прокололся – журналист застукал его в палатке за столом, заваленным едой, и заснял его на все свои фотоаппараты и камеры.

– Вот дает, болван, не мог ночи дождаться, – возбужденно загомонили в толпе. – Потом бы жрал, сколько влезет. Доказывай теперь, что он просто так за столом сидел и на жратву даже и не глядел…

– А журналист-то какой шустрый. Интересно, как он пронюхал?

– Ха, да, наверное, кто-то из своих же и дал наводку. Сдает-то обычно кто – свои…

– Наверняка он там не один пировал, остальные просто успели попрятаться по углам, – хохотнул какой-то мужик.

Мария оглянулась и увидела здорового верзилу с безумными глазами и перекошенным от возбуждения лицом.

Новой жвачки хватило почти на час. Потом разговоры постепенно стали затухать. Многие уже с нетерпением поглядывали на часы. Но коменданте, который обычно распускал всех по домам и выдавал зарплату за день, куда-то исчез.

У Марии горели подошвы ног. Ей давно хотелось сесть. Она незаметно выбралась из толпы и направилась к тому месту, где сидела на траве утром. Она не заметила, что за ней увязался парень, который на ходу вытаскивал из кармана блокнот и ручку.

●

– Здравствуйте, я вас видел здесь несколько дней назад, вот и запомнил. Можно с вами поговорить? – парнишка просительно заглянул Марии в глаза.

– Попробуйте, – улыбнулась Мария.

– За какую идею вы выступаете?

– Что? Что я делаю? – она удивленно распахнула глаза, а потом громко рассмеялась. – Вам сколько лет, юноша? И давно ли вы работаете в прессе?

– Да уже почти два месяца. Я спросил что-то смешное?

– Нет, нет, что вы! Просто мне нужно подумать. Насчет идеи, – Мария, не сдержавшись, снова засмеялась. – Хороший вопрос.

– А вы давно здесь, на площади, ну это… митингуете?

– Дней восемь-девять… не помню.

– А вообще вы кто? В смысле, кем работаете?

– Я инженер-гидролог. Но сейчас я не работаю.

– Почему?

– Потому что когда взрослые мальчики выясняют отношения, у инженеров-гидрологов работы нет.

– Понятно, – сказал парень, но по тому, как он протянул это слово, видно было, что понятно ему не очень. – А за кого вы выступаете, ну, то есть, кого поддерживаете?

– Выступаю за кого? Когда-то я выступала за молодежную сборную по легкой атлетике. Вот пришлось заняться тяжелой… – Мария хотела добавить, что выступает теперь только за себя и своего сына, но журналист уже погнал дальше.

– А сколько… – начал он новый вопрос, но его неожиданно грубо оборвали.

– Так, так, так… И что ты тут вынюхиваешь, гаденыш? А ну пошел отсюда, писака сранный!

Мария вздрогнула. Она не заметила, что за ее спиной стоит Маша. Парнишка уткнул покрасневшее лицо в блокнот и что-то зачертил там ручкой. Мария поднялась, неторопливо отряхнула прилипшие на джинсы травинки и спокойно сказала:

– Ну, зачем ты так? Посмотри, это же пацан. И он просто делает свою работу.

– Да-а, неужели? Ну-ка вали отсюда, пацан! Давай, давай, и не оглядывайся. – Маша проводила парнишку злыми глазами. – Ну и что ты успела ему натрепать? Ты что, не знаешь, что общаться с прессой позволено только лидерам?

– Маш, ты что? Почему такой тон? И вообще, кому какое дело? Я могу разговаривать, с кем захочу.

– Да вот и не можешь, черт возьми! Ты не понимаешь, что подставляешь себя и всех нас? Ты разве не знаешь, что этот самый пацан может такое понаписать с твоей подачи… Что ты ему наговорила, дура?

– Значит, я дура, да? Ты хоть помнишь сейчас, что я вдвое старше тебя? Не нужно уподобляться…

Договорить Маша не дала:

– Ой, вот только учить меня не надо! Тут без тебя учителей хватает. Осточертели, блин!

Маша была сильно раздражена. Мария смотрела на нее с недоумением, потом она положила руку на Машино плечо и стала его гладить.

– Ладно, успокойся. Ничего такого я ему не сказала. Да не злись ты, слышишь? Вот не думала, что ты принимаешь все всерьез…

Маша не ответила. Она резко сбросила со своего

плеча руку Марии и отвернулась. Они стояли рядом и долго молчали. Мария смотрела на коротко стриженый Машин затылок, и ей хотелось пригладить вставшую дыбом прядку.

– Знаешь, – сказала Мария, – наверное, ты права – я дура. Сегодня мне уже несколько раз сказали об этом. А если человеку что-то часто повторять, он, наконец, поверит в это.

Мария снова уселась на траву, вытянув усталые ноги. Она уставилась глазами в пучок зеленых стебельков, который торчал из травы, как Машина непокорная прядка.

●

Рабочий день скоро закончится. Мария уже не подгоняла время. Ей хорошо было сидеть тут, в одиночестве. Обиженная Маша давно ушла и затерялась на площади. Там все еще было много народу, но теперь все перемешались – среди желтых спортивных костюмов мельтешили белые футболки. Это означало, что массовики-затейники уже разбежались по домам, скоро распустят и остальных.

О, нет, только не это! Мария застонала от раздражения. И тут же удивилась. Дежавю, что ли? Пробегавший мимо коменданте резко развернулся и направился к ней. Сейчас начнет орать на меня, подумала Мария, сегодня мне от этой заразы перепало немного много.

– Ну что, сидишь, сука? – с явным удовольствием спросил бородач. – Сдается мне, что ты сегодня только и делала, что сидела на травке… – Он вдруг замахал рукой, глядя куда-то в сторону, и закричал: – Эй, ты, да, ты, а ну бегом сюда!

Мария увидела, что из толпы выскочила Маша и побежала к ним.

– Так, слушайте, девки, – начал бородач, положив на их плечи здоровые ручищи. – Хотите зарабатывать больше? Завтра, с утра пораньше, формируем женский отряд. Будете ходить по домам, разъяснять всяким пижонам, за кого они должны держаться. У вас, у баб, разговор лучше получается. Ясно? Выдадим новую форму – будете в кожане ходить, хрустеть… На площадь вместо себя приведете завтра новеньких, десять штук, поняли? За это тоже получите вдвое. Вот ты за старшую будешь…

Коменданте ткнул пальцем в Машу. Та вытянулась. Мария посмотрела в ее глаза и ужаснулась, увидев в них вспыхнувшую радость.

Бородач по-свойски хлопнул их по плечам и отправился на площадь. Наверное, вербовать комиссаров.

– Ну что? Пойдешь в мой отряд? – спросила Маша, сделав ударение на слове «мой». – Слышала, платить будут больше? Да и надоело на площади торчать, команды чужие выполнять. А тут мы сами себе командиры…

– Нет, не пойду, – сказала Мария.

– Что, со мной не хочешь?

– Ни с кем не хочу. Опять правила заново учить. Я уж лучше тут… Да и желтый цвет мне уже понравился.

– Ну и черт с тобой! Желающих и без тебя хватит. – Маша презрительно поджала губы и ушла.

Мария снова села на траву. И в самом деле, прав коменданте, сегодня она не проявила рвения в работе. Она вспомнила первый день на площади, куда ее занесло случайно, вместе с толпой, которая просто смела всех с автобусной остановки и потащила за собой. Это было начало долгого противостояния, затеянного оппозиционерами. На площади много кричали с трибуны. Марии казалось, что все кричат одно и то же, и вроде бы все были правы. Она не могла понять, да и не пыталась, чего добиваются эти люди, что-то доказывающие в микрофон. Она уже давно отказалась от подобных попыток. Ей самой нужна была только работа, и тогда все само собой встало бы на свои места. Она вглядывалась в лица стоявших рядом людей, и ей казалось, что и им хочется того же, что и ей. А потом ее кто-то потянул за рукав, и она впервые увидела этого бородача, которого тут же окрестила «коменданте». Он заискивающе улыбался и что-то говорил. Мария кивала в ответ, и только позже поняла, на что она согласилась. С первого дня Мария договорилась сама с собой, что не будет вникать в правила игры, а просто постарается играть по ним. Даже если это правила игры для дураков.

Еще один рабочий день подходил к концу. Мария смотрела на площадь, но уже не видела ни желтых, ни белых. Там теперь просто колыхалась живая пестрая масса, окруженная вместо биополя толстым слоем шума. Мария вдруг испуганно дернулась, потому что ей показалось, что у людей там, в массе, нет лиц – они будто стерты гигантским ластиком. Она стала лихорадочно вспоминать знакомые лица в толпе, но в голове настойчиво возникал лишь один образ – бородатое лицо коменданте с гнусной ухмылкой. Безликая толпа была ужасна. Но и с лицом бородача она была ужасна не менее.

Мария поняла, что нужно скорее уходить. Бежать. Домой, скорее домой. Она вскочила. Последний раз бросив взгляд на площадь, она быстро зашагала к дороге, ведущей к парку.

У самого парка Мария не выдержала и обернулась. На площади уже почти никого не осталось. Там бродили одинокие желтые и белые фигурки, подбирая брошенные плакаты и другой мусор.

Мария подняла глаза выше и замерла. На крышах далеких домов лежало сплющенное облаками желто-оранжевое солнце.

●